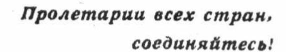

ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
В ЭТОМ НОМЕРЕ:
МИЛЛИАРДЫ КУБОМЕТРОВ ВОДЫ ПОД ТОЛЩЕЙ ПЕСКОВ.
БОЛЬШАЯ СУДЬБА РЕСПУБЛИКИ — юбилей Чувашии.
ВСТРЕЧИ В АВСТРИИ.
ВЛАДИМИР КУЦ ВЗВЕШИВАЕТ ШАНСЫ.
Американский писатель Роберт Шекли. РАССКАЗ О ШПИОНАХ.
Мариэтта ШАГИНЯН.— Живой огонек народного творчества и профессиональные театры.
Продолжение приключенческой повести
«Он сделал все, что мог».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 25 (1722)

19 ИЮНЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВСЕГДА С НАРОДОМ

Он, как и подобает народному таланту, всегда с народом. Была коллективизация — он запечатлел ее для всех времен в «Стране Муравии». Была война — он запечатлел ее в «Василии Теркине» и в «Доме у дороги». Началась великая борьба за будущее — и характер этой борьбы он воспел, заглядывая в будущее, в поэме «За далью — даль».

У каждого поэта своя песня, если он поэт, а не псаломщик. Народ сердцем своим отбирает для себя жемчужины поэзии.

Нашей национальной гордостью остается «Слово о полку Игореве». Звездами светят Пушкин и Лермонтов, Некрасов и Блок, улыбается миру Есенин, трубит Маяковский. И, конечно, удивительную плеяду дала миру наша современная советская поэзия. Одной из удивительнейших судеб в ней мне представляется творческая судьба Александра Твардовского.

Он поэт по складу своей души. Он чувствует красоту русского языка, его яркость, гибкость и выразительность. Этот язык ему дан. Поэт владеет им в совершенстве. Я не боюсь сказать о Твардовском, живом и здравствующем, столь высокие слова. Он этого заслужил.

Ему пятьдесят лет. Он стал национальным русским, советским поэтом. Он всегда пишет по горячим следам. Живая современность, еще не оцененная как следует миром, не всегда осмысленная им, живет в удивительной поэзии Твардовского во всех своих противоречиях, во всем своем необыкновенном новаторстве.

Можно спорить о преимуществах белого стиха или сонета. Это пустой и никому не нужный спор, мешающий поэзии, а значит, и восприятию красоты самого мира. У Твардовского есть редкое качество — естественность выражения его души, и эта естественность благороднее модных побрякушек, приводящих в восторг «утонченных» ценителей поэзии. Это и делает поэта нужным, заставляет сверкать его талант.

Хитроватая, умная и всегда добрая улыбка звучит в стихах Твардовского. Она мягка и задумчива, как русский характер, и это умение, мягкость юмора, откровенная задушевность делают поэмы Твардовского эпосом нашего времени. В этом эпосе видна та даль, где будет править судьбами людей поэзия, обрученная с коммунизмом.

Будьте со мною хотя бы заочно.
Верьте со мною в удачу мою.

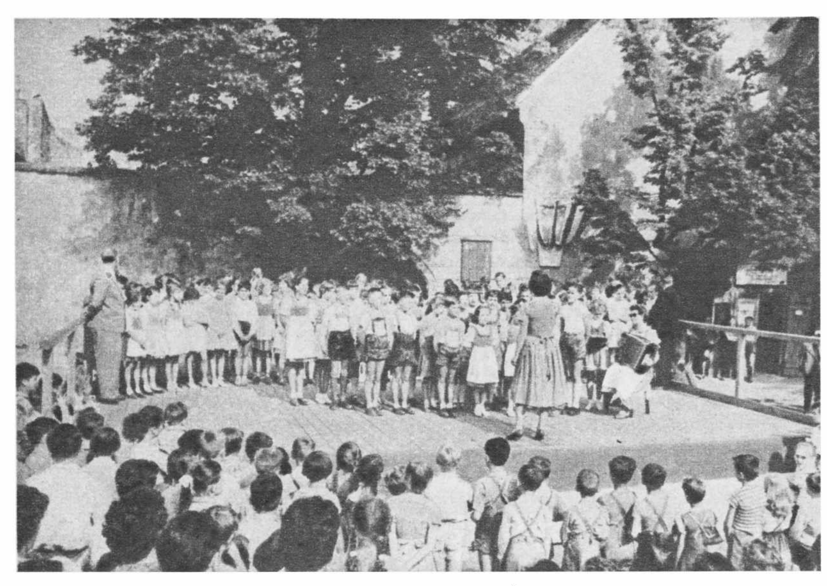
Есть у Александра Твардовского эта общая удача, удача для всех, и этим будущим удачам хочется сказать: в е р ю. А другого слова и на языке нету.

Михаил ДУДИН

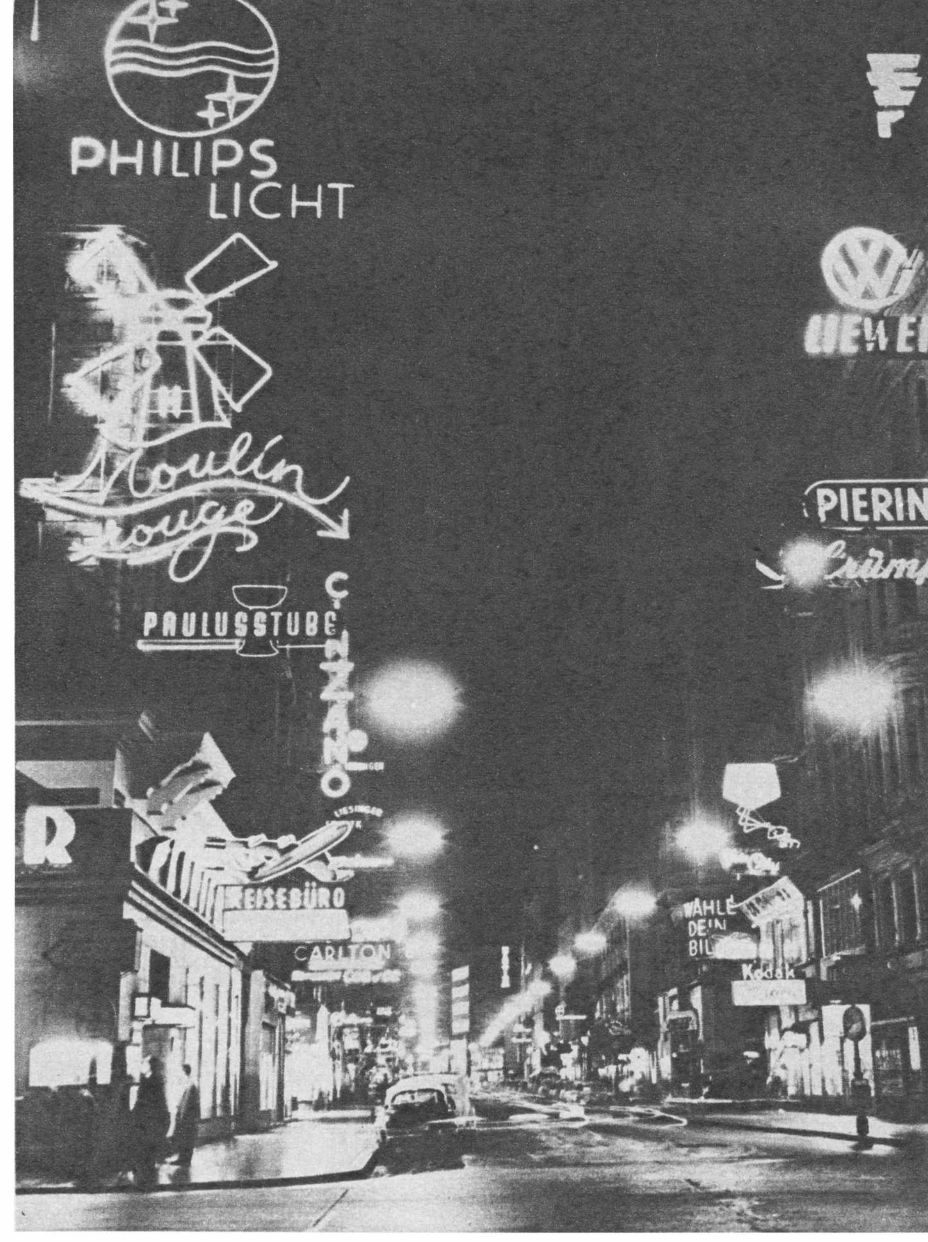
Александр ТВАРДОВСКИЙ.
Фото В. Тарасевича.

Древний Инсбрук — столица Тироля.

В Вене проводится музыкальный месячник. Выступает детский хор против дома, где жил Людвиг Бетховен.

Тысячи огней загораются по вечерам над Веной.

АВСТРИЯ, ИЮНЬ, 1960

Борис **ИВАНОВ**

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора и Оскара Ланге.

Значит, мир крепок!

То, что даже десять лет назад казалось невероятно далеким, теперь становится близким и доступным. Человек сегодня создал аппарат, который в течение суток может шестнадцать раз облететь нашу землю. Скорости, развитие науки и техники сблизили людей. Все народы стали соседями, независимо от того, на каких континентах и островах они обитают. Народы теперь живут как бы в одном доме, под одной голубой крышей. И от воли этой могучей человеческой семьи, иными словами, от воли всех народов, больших и малых, зависит теперь крепость этого дома, его благосостояние и расцвет.

Воля семимиллионного австрийского народа направлена к миру, к дружбе с Советским Союзом. Такое главное впечатление выносит каждый, кто побывал сейчас в Австрии. Я только что вернулся из этой маленькой красивой страны с делегацией Советско-Австрийского общества, которую возглавлял министр культуры БССР Г. Киселев. Нам удалось побывать в нескольких землях Австрии. И с кем бы мы там ни встречались: с государственными или общественными деятелями, с учеными или студентами, с рабочими или служащими,— все проявляли живой интерес к нашей стране, от всей души приветствовали предстоящий визит в Австрию Никиты Сергеевича Хрущева.

— Мы очень рады тому, что в Австрию прибудет Никита Хрущев,— сказал мне Франц Краско, средних лет человек с крупными чертами лица, токарь Капфенбергского металлургического завода.— Это добрый знак. Значит, мир крепок! Каждый из нас с удовольствием будет приветствовать высокого гостя.

Этот разговор состоялся в кафе около одиннадцати часов ночи, но начался он раньше, в Доме профсоюзов. И это примечательно. В Капфенберге в девять часов вечера уже ложатся спать, а в шесть часов утра начинают работать предприятия. Только желанием Франца Краско и его товарищей побольше узнать новостей из Советской страны можно объяснить затяжной характер беседы. Вопросы касались и решений последней сессии Верховного Совета СССР, и реформы образования, и нашей печати, и философии. Капфенберг не исключение. Так происходило всюду, где с рассказами о жизни советских людей выступали члены нашей делегации: в Айзенштадте, в Вене, Инсбруке, Зальцбурге. Прощаясь, кто-то из друзей Франца Краско сказал:

— Будем просить правительство, чтобы оно не слишком оккупировало Хрущева, а предоставило и нам возможность пожать ему руку.

Глава правительства Австрии федеральный канцлер Юлиус Рааб принял нашу делегацию утром. О нем говорили как о человеке приветливом, но сдержанном и немногословном. Поэтому мы рассчитывали, что визит будет приятным, но весьма коротким — пять — десять минут.

Ровно в одиннадцать часов утра мы вошли в просторную гостиную старинного дворца, обставленного столь же старинной мебелью. Тут же открылись другие двухстворчатые двери, и навстречу нам направился улыбающийся Юлиус Рааб в сопровождении своего молодого секретаря. Поздоровавшись, он несколько секунд молчал, как бы собираясь с мыслями, а потом произнес короткую речь, в которой отметил значение Австро-Советского общества в расширении контактов между нашими странами, в укреплении дружбы.

— Это общество возникло сразу же после окончания войны, — сказал федеральный канцлер,— и за пятнадцать лет проделало большую и полезную работу. Мы благодарны ему за это.

Юлиус Рааб пригласил всех за длинный стол с зеркальной по-

верхностью. Он с теплотой вспоминал свой последний визит в Москву, учредительное собрание Советско-Австрийского общества, в работе которого он участвовал, много шутил. Узнав, что среди нас есть директор московской школы, Герой Социалистического Труда М. Гоголева, канцлер заметил:

— С детских лет я робею перед учителями.

В конце нашего визита Юлиус Рааб сказал, что Австрия с удовольствием ждет Н. С. Хрущева.

— Мы с радостью покажем советскому премьеру страну, познакомим его с жизнью австрийского народа.

В теплой, непринужденной беседе незаметно пробежало полчаса. Ни сдержанности, ни сухости канцлера мы не заметили.

Я рассказал о двух встречах, о встречах как бы на различных полюсах австрийского общества. Как нетрудно заметить, доброе отношение к нашей стране, к визиту в Австрию главы Советского правительства Н. С. Хрущева проявляется в Австрии всюду.

Австрийский народ знает, что именно из рук Советской Армии он получил свободу от фашистской оккупации, что Государственный договор принес ему политическую самостоятельность и суверенитет. И сегодня, когда международная обстановка в связи с провокационными действиями американского правительства обострилась, Австрия особенно ясно ощущает все преимущества постоянного нейтралитета. В Австрии спокойно. Этот дух спокойствия и уверенности мы ощущали всюду, знаки его встречали и в городах, и в селах, и на дальних дорогах.

Скрипки и барабан

Где звучат скрипки, там любят жизнь. А Вена сейчас до краев переполнена мелодиями Моцарта и Брамса, Гайдна и Штрауса. Все, что есть лучшего в богатой музыкальной культуре Австрии, исполняется в эти дни не только в театрах и концертных залах, но и на площадях и улицах города. В Вене разгар музыкального месячника. Это большой праздник не только венцев, но и всей страны.

Нам удалось побывать на открытии месячника. Главные торжества начались вечером, на площади у городской ратуши. У фасада — огромная импровизированная эстрада, часть которой занял симфонический оркестр. Площадь превращена в гигантский партер. Для почетных гостей расставлено две тысячи легких складывающихся стульев. Эти места огорожены веревкой. За ней как бы амфитеатр на сто тысяч стоячих мест. В то время как почетные гости чинно рассаживаются, ведут неторопливый светский разговор, в амфитеатре кипит своя жизнь. Бойко идет торговля сосисками, сувенирами, сластями. Наиболее предприимчивые занимают каменные лестницы Бург-театра, расположенного в нескольких десятках метров напротив ратуши. Отсюда особенно хорошо видна эстрада.

Раздаются звуки фанфар — и все затихает. Оркестр исполняет государственный гимн. Гостей приветствует бургомистр Вены. Широкой волной покатилась по площади «Торжественная увертюра» Брамса.

Выступает президент Австрийской республики Шерф. Вспыхивает шпиль ратуши, на котором стоит «Железный человек» — символ покоя города. Начинаются вальсы Штрауса. Их исполняют оркестр и балет. С каждым новым тактом вальса все ниже и ниже спускается невидимый огонь, освещая все новые архитектурные детали ратуши. И вот перед глазами тысяч зрителей серая тяжелая каменная громада превращается в легкий, прозрачный, кружевной замок.

Вальс с эстрады перешел на площадь, и тысячи, десятки тысяч пар закружились в танце.

Долго бродили мы в этот вечер по Вене. Каким диссонансом врываются в эту мирную симфонию жизни голоса отдельных лиц и даже групп (а в Австрии, к сожалению, есть такие), выступающие против основы благополучия страны — политики постоянного нейтралитета! Как кроты, подрывают они корни дерева, которое кормит народ, укрывает его от бурь.

— Этот модерн-мотив заносится к нам вон из-за той горы,— говорили мне в Зальцбурге, показывая в сторону Баварии.— Но настоящий австриец легко отличает скрипку от барабана.

Музеи и жизнь

В Австрии берегут старину. Все то, что представляет собой архитектурную, историческую, культурную ценность, что может доставить эстетическое наслаждение, ревниво оберегается, реставрируется и с гордостью показывается.

Древняя часть Инсбрука, например, скорее похожа на мертвую театральную декорацию (так все здесь ухожено и приглажено), чем на живой, деятельный район города. Узкие улочки этого района, застроенные пяти-шестиэтажными домами, год рождения которых уходит в средневековье,— явление своего рода уникальное. Внизу они на несколько метров уже, чем наверху. Так строились тогда в Инсбруке дома: у основания значительно шире, чем у крыши. Это делалось для страховки от бывавших здесь землетрясений. Улицы, дома, гостиницы до сих пор носят свои первые названия, в неприкосновенности остались старинные вывески и рекламы.

У входа в отель «Золотой орел» висят три мемориальные доски. На белом мраморе высечены имена всех знаменитых постояльцев, которые останавливались в отеле начиная с 1548 года. Среди тесных строчек мы прочли фамилии Гете, Гейне, Паганини, Вагнера.

Бережное отношение к старине объясняется не только любовью австрийцев к прошлому родины, благодарностью тем соотечественникам, которые принесли Австрии славу своим творческим гением. Здесь есть еще и другие соображения. Австрия как бы самой природой предназначена для отдыха и путешествий. Ее дремучие леса, снежные вершины гор, тихие озера в зеленых долинах, обширные равнины, по которым катит свои воды Дунай, бурные водопады — все эти восхитительные пейзажи буквально меняются за каждым поворотом дороги. Представьте себе, что в эту природную красоту вкраплены творения рук человеческих: архитектурные ансамбли больших и малых городов с готическими башнями церквей, красными черепичными крышами домов, монастыри и рыцарские замки, прилепившиеся к кручам скал,— и вашим глазам откроются неповторимые картины. Не удивительно поэтому, что в Австрию стекается каждый год несметное число туристов.

— В нашем городе,— говорил нам бургомистр Инсбрука, столицы Тироля, Алоиз Люггер,— сто десять тысяч жителей, а туристов бывает до миллиона в год.

Дефицит в торговом балансе с Западной Германией Австрия покрывает с лихвой за счет туристов из этой страны. Старина, красоты Австрии— это и источник дохода.

Но в Австрии не только берегут старину. В стране много строят и нового. Прокладывают более совершенные дороги на туристских маршрутах, возводят ультрасовременные гостиницы, реконструируют и строят новые предприятия, где иностранный капитал занимает почетное место. В Зальцбурге нам показали новый фестивальный зал, торжественное открытие которого предполагается в июле.

Зал этот — образец последнего слова строительной техники, инженерного искусства. Предельная строгость форм, чистота линий, широкое использование таких строительных материалов, как нержавеющая сталь, дерево, стекло и гранит, причем, казалось, в идеальных пропорциях, придали залу легкость, изящество, создали неповторимый облик. Зал рассчитан на 2 100 мест. Но буквально через мгновение одним нажатием кнопки количество мест можно увеличить до 2 310: исчезает оркестровая яма и появляется 210 дополнительных кресел. Так же мгновенно расширяется зеркало сцены от 14 до 30 метров. Смена декораций здесь будет идти не по кругу, как принято сейчас, а по вертикали. Занавес зала стальной, весит он 38 тонн, но поднимается и опускается с легкостью шелка. В том, что фестивальный зал построен именно в Зальцбурге, есть своя закономерность.

Зальцбург — родина Моцарта, и уже сам этот факт превратил город в своеобразную музыкальную Мекку. Здесь устраиваются музыкальные фестивали, концерты выдающихся исполнителей. Каждый музыкант, композитор, приехавший в Австрию, считает своим долгом побывать в Зальцбурге, посетить дом, где родился Моцарт.

Квартира семьи Моцарта превращена в музей. Большие комнаты с низкими потолками, пол, сколоченный из широких деревянных досок, на стенах портреты Моцарта, написанные различными художниками, свидетелями его детства и юности. На тумбочке под стеклом детская скрипка Моцарта, в другой комнате хранится его концертная скрипка. Нам сообщили, что на ней здесь играл Давид Ойстрах. Ему было позволено то, что является исключением даже для самых знаменитых исполнителей.

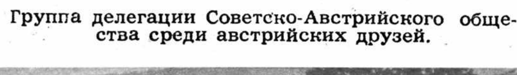
— Это дань глубокого уважения советскому народу, создавшему мировую музыкальную культуру,— сказал доктор Франц Яничек, коренной зальцбуржец, вызвавшийся показать нам свой город и проделавший это с мастерством заправского гида.

Моцарт и новый фестивальный зал — эти темы присутствовали и в нашей беседе с главой земли Зальцбург Юзефом Кляузом. Но возникли они в связи с темой номер один — приездом в Австрию Никиты Сергеевича Хрущева. Юзеф Кляуз сказал, что визит в их страну выдающегося руководителя великого государства — большая честь для Австрии.

— Мы с радостью его будем приветствовать в нашем городе. Хотим устроить в этом зале для премьера Хрущева камерный концерт из произведений Моцарта.

И так сейчас всюду в Австрии: о чем бы ни заходил разговор, он всегда или начинался или заканчивался главной темой — визитом Н. С. Хрущева в Австрию. Если проанализировать все высказанное по этому поводу, то можно прийти к выводу: народ Австрии ждет визита Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева, он видит в этом событии хороший признак того, что борьба за мир, несмотря на провокации империалистов, продолжается, что Советский Союз непоколебимо верен политике дружбы между всеми народами земли.

По дороге в Штирию.

Группа делегации Советско-Австрийского общества среди австрийских друзей.

Уголок курорта Земмеринг.

Толен ШАМШИЕВ,
киргизский писатель

Мне не раз приходилось быть в Карачи, куда мы сейчас летим,— задумчиво проговорил индийский летчик, который вел самолет из Дели.— Бывал я и в других городах Пакистана. Там много и ваших и наших друзей. Только вот эту свою дружбу люди в Пакистане не могут проявлять так открыто, как у нас в Индии.

— Почему же?

— О, почему!.. У каждого семья, которая каждый день должна что-то есть. А попробуй поговори приветливо — и не только с русскими, но и с нами, индийцами,— и завтра же можешь лишиться заработка. Даже попасть в тюрьму.

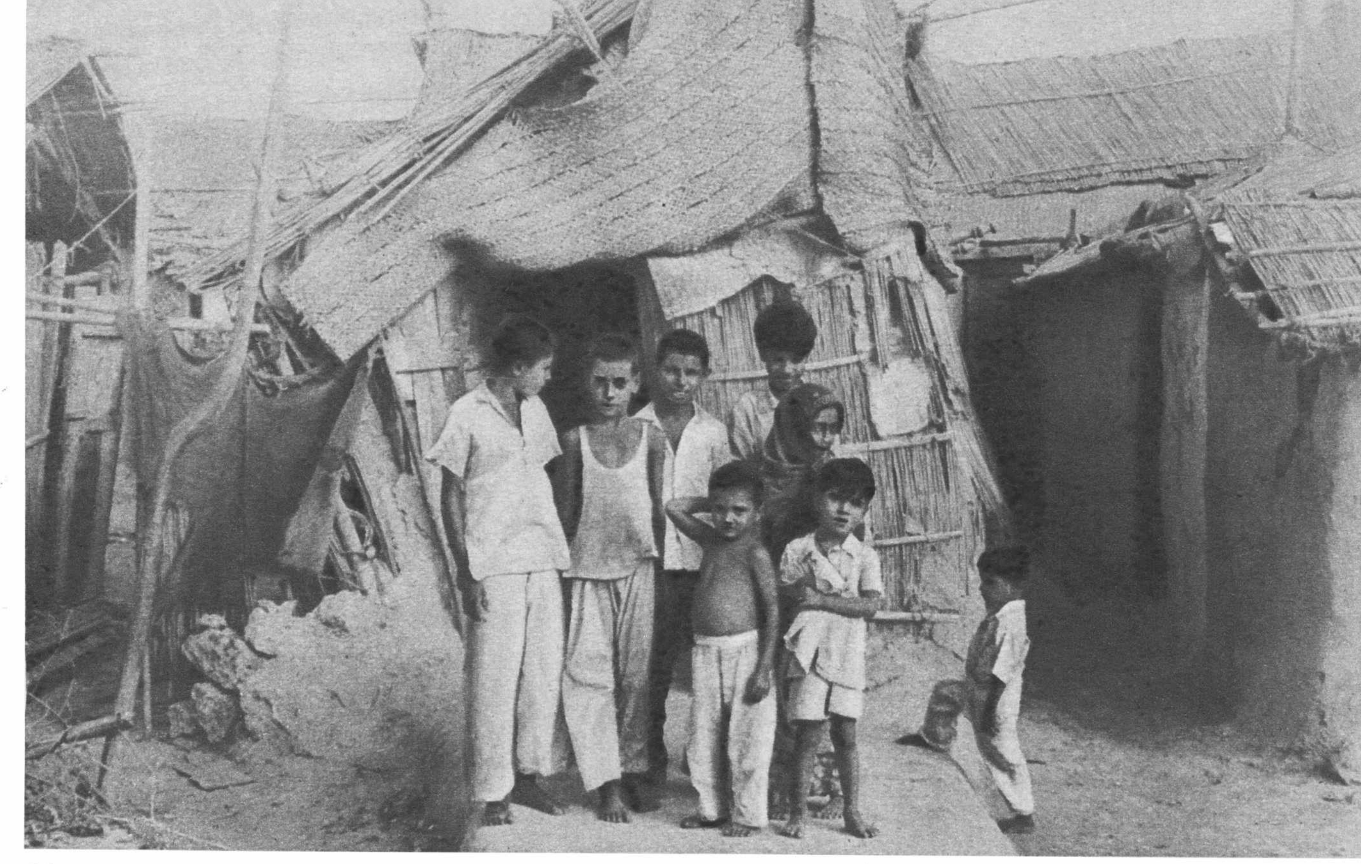
— А не сгущаете ли вы краски?

— Рад был бы, если бы это было так,— ответил летчик.— Но вы сами увидите.

...Вдали сверкнуло море. Подлетаем к Карачи, столице Пакистана.

На аэродроме таможенные чиновники бесцеремонно перерывают весь наш багаж. Мы заполняем длинные анкеты. Начальник таможни долго рассматривает советские паспорта и подозрительно сверлит взглядом то фотокарточки на них, то наши лица. Судя по такому началу, индийский летчик не сгущал краски.

Вечером мы отправились погулять по городу. На улице нас сразу же осадили нищие. Страшно изможденные, в лохмотьях, они протягивали руки и наперебой выпрашивали анну или пол-анны.

Обрывки жести, куски фанеры, старые соломенные маты — только такой «строительный материал» могут использовать бедняки в Карачи, чтобы соорудить себе хоть какое-нибудь жилье.

Земля, сданная в аренду

Жутко было смотреть на этих изголодавшихся людей.

Здесь же неторопливо, с надменным видом прохаживались туристы—американцы. Они шли, никому не уступая дороги, громко разговаривали, оглушительно хохотали. Когда нищие были чересчур настойчивы, кто-нибудь из американцев угрожающе поднимал стек, и бедняки испуганно шарахались.

В городе больше чем с миллионным населением крупной промышленности нет. Здесь действуют небольшие мукомольни, хлопчатобумажные, табачные, деревообрабатывающие предприятия кустарного типа.

Мне довелось побывать на фабрике, выпускающей хлопчатобумажные ткани. Это низкий, грязный барак. В нем почти вплотную стоят неуклюжие станки допотопных марок.

— Английские? — спросил я администратора-англичанина.

— Да,— ответил он и тут же добавил: — Пакистанцы — удивительно бестолковый народ. Они то и дело выводят станки из строя.

У стоящего рядом рабочего-мусульманина гневно сверкнули глаза на пергаментно-желтом лице. Но он смолчал.

— Сколько вы зарабатываете в месяц? — спросил я его.

— Двадцать шесть рупий,— ответил рабочий.— А у меня шестеро детей, жена и старуха мать. До этого больше года был безработным.

— Ваши дети учатся?

— У нас не каждый день есть деньги на лепешку и лук, а за ученье надо платить...

Администратор-англичанин поспешил пригласить меня пройти в другой цех. Когда я прощался с рабочим, он, опасливо косясь на англичанина, вдруг тихо произнес по-русски:

— Москва! Спутник! Мир!

И его изнуренное лицо озарилось улыбкой.

В одной из хижин мы увидели на куче тряпья двух мальчиков-близнецов лет семи, метавшихся в жару и беспамятстве. На их бескровных губах запеклась пена, под тонкой кожей учащенно вздымались и опадали детские ребрышки.

— Что с ними? — спросили мы.

— Не знаю,— мрачно ответил отец, тридцатилетний мужчина, выглядевший, однако, вдвое старше своего возраста.

— Разве вы не приглашали доктора?

— Нет. Доктору надо платить, а у нас нет денег. Я работал слесарем в портовых мастерских, но меня прогнали с работы, когда я заболел малярией.

В нашей группе было несколько врачей. Они тут же предложили помочь.

— Но я же сказал, что у меня нет денег,— угрюмо повторил пакистанец.

— Мы сделаем это бесплатно.

Нам стоило немалого труда убедить беднягу, что наши врачи окажут помощь его детям, не требуя за это денег. Врачи устроили консилиум, объяснили, как надо ухаживать за больными, выписали рецепты и оставили несколько рупий на лекарства.

— Я не могу понять, что вы за люди,— твердил отец детей, кланяясь и прижимая руки к груди. По его впалым морщинистым щекам текли слезы.

Как-то вечером мы зашли поужинать в кафе в центре города. Посреди зала, под люстрой, в кресле, развалился американский офицер, положив ноги на стол. Ему прислуживал благообразный официант-мусульманин, одетый во все белое. Ставя кушанья на стол, он смиренно опускал глаза.

Каково было мусульманину, с детства приученному, входя в дом, оставлять обувь у порога, видеть такое надругательство над обычаями своей страны! Боязнь потерять кусок хлеба, видимо, может приучить не замечать многое.

Мне рассказывали, что однажды официант-мусульманин возмущенно потребовал от американца, чтобы тот убрал ноги со стола. Американец ударил его стеком. Официант огрел гостя подносом по голове. Кончилось это тем, что пакистанец лишился работы и угодил за решетку.

Побережье Аравийского моря... По правде говоря, прогулка туда доставила нам мало удовольствия.

Воздух был наполнен непрерывным гулом американских самолетов. Одни из них тащили за собой на длинных тросах распертые воздухом матерчатые конусы, другие атаковали их, треща пулеметными очередями. Сколько мы ни говорили с простыми пакистанцами, никто из них не помышлял о войне, а вот армия непрерывно готовилась к ней. Это и не удивительно: ведь правители Пакистана сдали территорию страны в аренду своим «могущественным союзникам», которые превратили ее в военную базу.

Из Карачи мы вылетели в Пешавар, находящийся у самой границы с Афганистаном. С тех пор, как с пешаварского аэродрома вылетел американский шпионский самолет «Локхид У-2», сбитый над территорией СССР, это место с полным правом может считаться главной «достопримечательностью» для американских туристов. Мы были в Пешаваре до этих

Военный парад в Карачи. Вот она, американская «помощь» Пакистану!

Фото Ф. Домнина.

событий и выразили скромное желание полюбоваться Хайберским горным проходом — живописным перевалом, куда охотно возят всех иностранных туристов. Но нам не разрешили. Чиновники мялись и невнятно просили «обождать».

Тогда мы отправились осматривать город. В Пешаваре большой базар, в центре и на окраинах целые кварталы лавок. Разговорились с безработным слесарем по ремонту железнодорожных вагонов Фазулом Рахманом.

— Живу случайным заработком,— грустно и откровенно признался он.— На вокзал, где можно было бы кое-что заработать, сейчас никого не пускают, потому что все время перевозят войска, танки, пушки.

Один из наших товарищей, обращаясь к шоферу такси, сказал:

— А воздух у вас хороший, здесь не так знойно, как в Карачи.

Шофер взглянул на небо, в котором кружили американские самолеты, покосился на полицейских и, усмехнувшись, ответил:

— Да, воздух у нас неплохой. Но чем больше в нем появляется американских коршунов, тем он становится хуже.

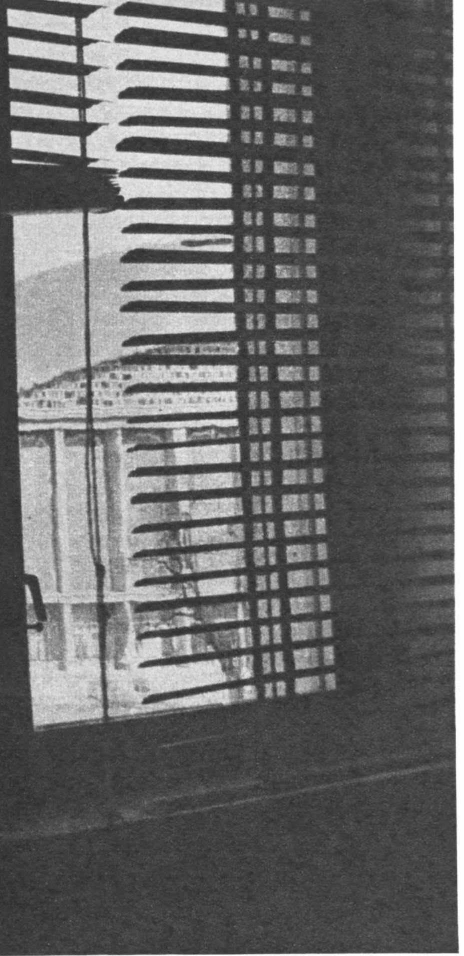
Этот человек, который судорожно фотографирует из закрытого окна машины, не кто иной, как мистер Джеймс Хэгерти, секретарь Белого дома по вопросам печати. Он только что приземлился на токийском аэродроме Ханеда, чтобы окончательно уточнить все детали, связанные с предстоящим визитом Эйзенхауэра в Японию. Говорят, что Хэгерти рассчитывал устроить своеобразную репетицию перед прибытием своего шефа, проехаться по тем же улицам и убедиться в «дружелюбии» японцев. Как видите, предприимчивый мистер Хэгерти даже захватил с собой миниатюрную фотокамеру, чтобы показать президенту, как его будут встречать жители японских островов. В последнее время до Белого дома все отчетливее стало доноситься из-за океана грозное грохотанье всенародной бури протестов против поездки Эйзенхауэра в Японию. Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Вот Хэгерти и прибыл, чтобы увидеть.

ФОТОГРАФИИ, КОТОРЫЕ ХЭГЕРТИ ПРИВЕЗ ЭЙЗЕНХАУЭРУ

Да, мистер Хэгерти не ошибся, рассчитывая на «горячий прием» сотен тысяч жителей японской столицы. И, видимо, фото, которые он сделал, с интересом рассматривались в Белом доме.

К сожалению, Хэгерти не имел возможности фотографировать под открытым небом. Ему пришлось трусливо укрыться от негодующей толпы в бронированной машине. Этим и объясняется то, что незадачливому фотографу пришлось снимать через толстое стекло своего лимузина. Впрочем, мы можем прийти ему на помощь и пополнить его коллекцию не менее интересными кадрами.

Вот, например, мистер Хэгерти, вид на вашу машину сбоку. Озадаченные американские охранники не знают, как помочь вам унести ноги. Слева виднеется любопытная надпись: «Айку и «У-2» нет места в Японии!». А это вид сверху. Снимок сделан с борта вертолета, принадлежащего американским военно-морским силам. Сейчас вам, мистер Хэгерти, сбросят

В объективе:

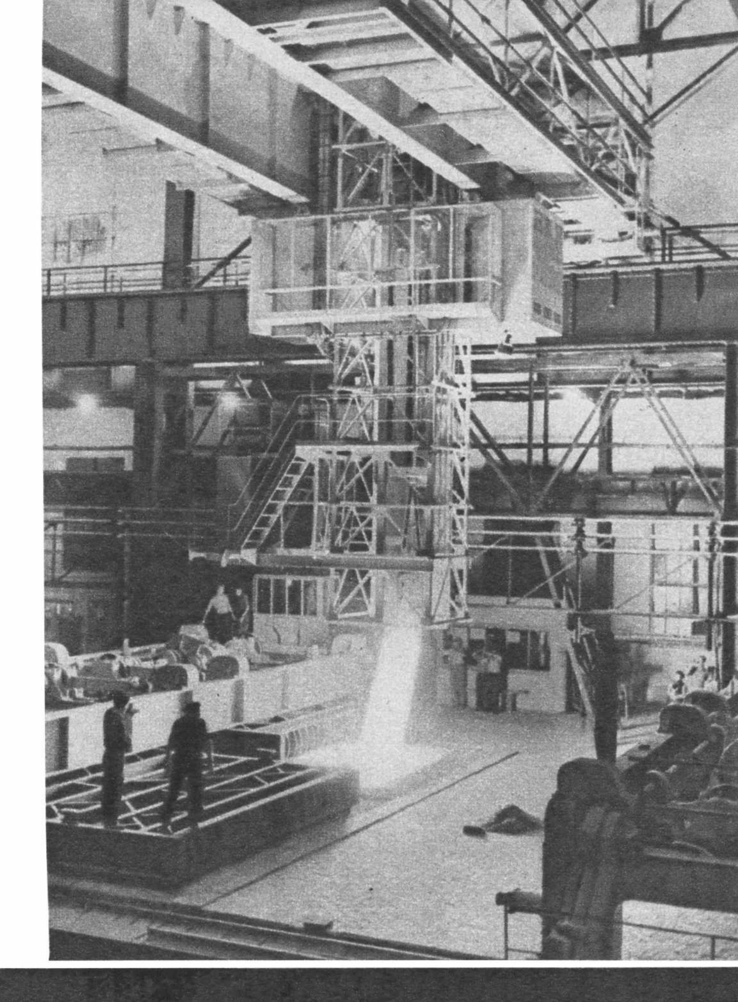
НАРОДНАЯ РУМЫНИЯ

Народная Румыния готовится в эти дни к важному событию — третьему съезду Румынской рабочей партии. Как всегда, партия на своем съезде будет отчитываться перед всей страной, перед народом о том, какие новые рубежи взяты республикой за пятилетие, прошедшее между съездами, намечать дальнейшие цели в строительстве социализма. Рубежи за этот срок взяты немалые. Окрепла экономика страны, вступили в строй новые заводы, выросли новые дома и новые люди.

Где бы ни пришлось побывать путешествующему по сегодняшней Румынии, везде к тому, что попадает в объектив его фотоаппарата, приходится добавлять замечательное слово — новое!

Если вы хотите познакомиться с обликом нового Бухареста — столицы социалистической Румынии, побывайте в центре, на площади Республики, возникшей совсем недавно. Впрочем, и на окраинах все явственнее проступают черты нового города: улицы там все меньше отличаются от центральных,— недаром бухарестцы решили превратить свою столицу в город без окраин!

Другой снимок сделан в одном из цехов Хунедоарского металлургического комбината. В дни подготовки к третьему съезду Румынской рабочей партии здесь начал действовать мощный прокатный стан «650». Его продукция — это около сорока процентов всего проката, который производит Румыния.

отсюда веревочную лестницу. Ведь иначе вам не вырваться из «тесных объятий» встречающих. Вы блестяще выполнили этот акробатический трюк. Можете смело похвастаться перед президентом. Заодно расскажите ему, как это делается. Кто знает, может быть, ему это пригодится!

Японская полиция тщетно пытается разогнать толпу встречающих. Ни у кого из них вы не найдете в руках цветов. Их заменяют транспаранты. Вот виден один из них: «Хэгерти, убирайся вон!».

Забегая вперед, скажем, что репетиция прошла успешно. Она принесла пользу и Киси. Этот обанкротившийся политикан, который сейчас боится даже показать свой нос на улицу, предпринимал отчаянные попытки, чтобы визит Эйзенхауэра состоялся. Шутка ли, ведь это его последний шанс! Авось, американский «друг» поможет ему избежать позорного краха.

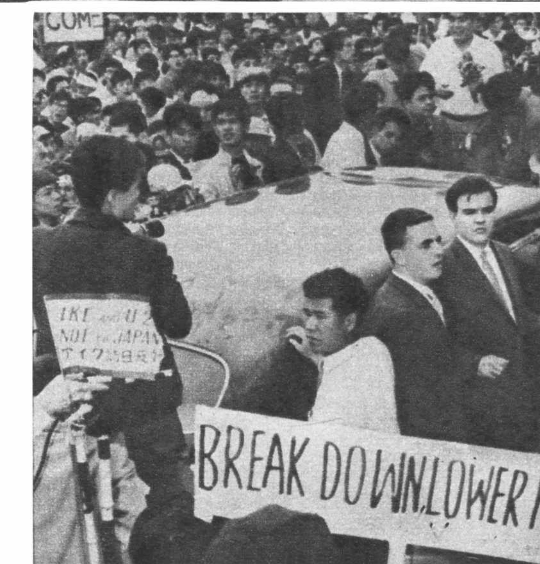
Пять тысяч полицейских не помогли Хэгерти! Вызвано 25 тысяч полицейских к моменту приезда Эйзенхауэра. Народ негодовал! Надо найти таких, которые будут выражать восторг. И вот Киси стягивает со всей страны войска, полицию, механизированные части. Он приказал мобилизовать все автобусы и доставить в Токио специально завербованных подонков. Их обещают бесплатно кормить в обмен на аплодисменты американскому президенту.

Но разве смогут те, кто променял свою совесть на даровую похлебку, заглушить своим визгом голос миллионов! Вот с каким плакатом вышла встречать заморского гостя делегация жителей Хиросимы: «Хиросима больше не должна повториться!».

Эйзенхауэр все-таки рискнул отправиться в Японию. Ну что ж, у японцев есть пословица: «Знакомство может начаться и с пинка».

И он получил такой пинок. Японский народ заявил президенту, уже находившемуся в пути: от ворот — поворот! Правительство Киси под давлением возмущенного народа вынуждено было отменить свое приглашение Эйзенхауэру посетить страну.

М. ЕФИМОВ

14 июня в Большом Кремлевском дворце открылось Всесоюзное совещание специалистов сельского хозяйства. Здесь собрались со всей страны агрономы, зоотехники, инженеры, партийные и советские работники. Они обсуждали важные вопросы дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства.

На снимке: в президиуме совещания.

Фото С. Раскина.

СЛЕД НАУКИ НА ПОЛЯХ

С. Е. БЕШУЛЯ,
дважды Герой Социалистического Труда

Какие проблемы вас сегодня волнуют больше всего? Что, на ваш взгляд, нужно сделать, чтобы ускорить продвижение к рубежам последнего года семилетки? Какие резервы остаются в сельскохозяйственном производстве еще не использованными?

С такими вопросами наш корреспондент обратился к председателю колхоза «Октябрь», Марьинского района, Сталинской области, дважды Герою Социалистического Труда Спиридону Ерофеевичу Бешуле. Вот что он рассказал.

Мне хотелось бы продолжить разговор, затеянный в одном из прошлогодних номеров «Огонька» председателем колхоза имени XXI съезда КПСС, Березовского района, Одесской области, моим другом, дважды Героем Социалистического Труда Макаром Анисимовичем Посмитным.

Передовой опыт — действительно клад, но это такой орешек, что если не разгрызешь его, не съешь ядра.

Наш колхоз «Октябрь» — один из крупнейших в Донбассе — выходит нынче по всем основным производственно-экономическим показателям на рубежи последнего года семилетки. Представьте себе, что было бы во всей области, республике, во всей стране, если бы по опыту передовиков работали повсеместно, если бы буквально все начали сейчас выходить на рубежи последнего года семилетки!

Макар Посмитный в курсе дела, знал, чем задеть за живое. Конечно, одним придется шаг ступить до этого клада, другим — через забор перелезть, а третьим, может быть, понадобится вроде как к теще на поклон. Зазорного тут ничего нет. Верно и то, что по отношению к отстающим нам надо наконец занять твердую линию. Хватит их «прорабатывать», надо заставить работать. Макар Анисимович верно загнул первый палец, подсчитывая наши резервы.

А я еще один палец загнуть хочу. И в этой связи — иным это покажется странным — вспомню про недавнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о наведении порядка в диссертациях, в присвоении ученых степеней и званий.

Конечно, нас, председателей колхозов, не так уж близко касается, кто и как входит в науку, но зато нам виднее, где дороги кандидатов и докторов сходятся с колхозными, а где расходятся.

Федор Григорьевич Кириченко вон как далеко живет от нас — в Одессе, а мы все-таки считаем его своим, живущим и творящим в нашей родной Елизаветовке. Это действительно ученый. Мы гордимся, что он академик, Герой Социалистического Труда и что за выведение твердой пшеницы «мичуринка» и многих других знаменитых сортов удостоен Ленинской премии.

Вот так же и академик, лауреат Ленинской премии В. С. Пустовойт навечно прописан у нас, в Марьинском районе, Сталинской области, хотя проживает где-то на Кубани. Мы постоянно встречаемся с плодами его трудов, чувствуем его локоть и горячее участие в наших многотрудных колхозных делах. С помощью высокомасличных сортов подсолнечника, созданных Пустовойтом, мы богатеем с каждым годом: получаем почти по пятнадцать центнеров масла с гектара.

Представьте, сколько Украина недобрала масла, если даже в самом благоприятном по климатическим условиям 1958 году получила в среднем всего по 16 центнеров семян с гектара, в то время как Сталинская область в целом на 106 тысячах гектаров — по 22,3 центнера, а наши марьинские колхозы — по 30—35!

Прикинул я как-то, что было бы, если бы селекционеры-свекловоды по примеру Пустовойта повысили сахаристость свеклы хотя бы на один процент, всего только на один! Украина ежегодно давала бы дополнительно около 20 миллионов пудов сахара.

След науки на полях — какой это большой вопрос современности!

Я был на сессии Украинской академии сельскохозяйственных наук. Интересные разговоры завязывались там.

Колхозы и совхозы Тернопольской области вырастили в прошлом году в среднем по 42,8 центнера зерна кукурузы на каждом гектаре, а работники областной опытной станции на небольших участках — всего по... 23,6 центнера. Станиславская область в целом дала по 39,2 центнера зерна кукурузы с гектара, а деятели областной опытной станции — лишь по... 13 центнеров.

У нас много замечательных ученых, но беда в том, что есть еще немало и таких, которые не в науке, а около науки. Иначе не было бы такого: работники Сумской опытной станции более двух лет пускали пыль в глаза и деньги на ветер, силясь доказать, что взять верх над свекловичным долгоносиком можно лишь с помощью рентгеновского облучения. Когда огромные суммы денег были истрачены, в «делах» станции появилась крохотная заметочка: «Во всех вариантах жуки были очень активны (летали, ели)... Учитывая громоздкость и дорогую стоимость аппаратуры, в полевых условиях применять такой способ борьбы нецелесообразно».

За десяток слов, не требовавших доказательств, государство уплатило десятки тысяч рублей!

Это только одна тема. А вот другая: «Метод выращивания и откорма свиней при функциональных нагрузках»... Руководитель темы — доцент учебной части Украинской академии сельскохозяйственных наук С. И. Черный. Он взялся за... рысистые испытания в свиноводстве: прежде чем попасть к кормушке, свиньи обязаны пробежать по специально устроенному замысловатому лабиринту 600—1 000 метров. В день — не меньше трех километров! Метод!

А недавно мне пришлось побывать в знаменитых «Борках» на Харьковщине, в хозяйстве опытной станции птицеводства. Здесь до того зачитались Козьмой Прутковым и так остро почувствовали необходимость заглянуть в корень, что принялись кормить селезней и петухов... дробью. Для чего же? Чтобы доказать, что «большим злом при выращивании водоплавающей птицы является поедание ею охотничьей дроби».

Судя по всему, охоты в «Борках» больше, чем науки, и поэтому дроби в водоемах наложено видимо-невидимо — целые горы, и уткам остается единственное — переходить на свинцовый рацион.

Пока некоторые ученые мужи сочиняли басню о скармливании дроби для пятого тома «Научных работ» станции птицеводства, в тех же «Борках» простая украинская женщина В. Ф. Сидора показала, что такое выращивание птицы на глубокой подстилке в ширококогабаритном птичнике.

Зачем, казалось бы, кандидату биологических наук товарищу Бродскому и трем другим сотрудникам Института рыбного хозяйства несколько лет подряд заниматься «разработкой» биотехники разведения раков в искусственных водоемах? А занимаются с усердием, достойным лучшего применения.

Есть и такие мужи, как селекционер товарищ Шулиндин из Харьковского института растениеводства, генетики и селекции, которому «за долголетнюю работу по выведению твердой пшеницы» присвоена ученая степень доктора и звание профессора, но который ничего подобного не выводил и не вывел. Такой пшеницы нет не только в колхозах, но и на полях института. Зря мы туда ездили за семенами.

И вот теперь уже я расскажу про нашу Сталинскую областную опытную станцию. Возможно, это окажется полезным для тех ученых, которые решили наконец сойти с точки замерзания.

До перехода в 1956 году на базу крупного совхоза имени Октябрьской революции наша станция существовала примерно так, как сейчас Донецкая овоще-картофельная: «научная» работа в Донбассе, а картошка из Курска.

Не знали мы, что там делается, в Артемовске, на клочках земли.

Года четыре назад из поселка Пески, куда переселилась станция и где она имеет теперь одной земли свыше восьми тысяч гектаров, вдруг подул свежий ветер. Раньше было так: всякие придумки науки или передовиков в большинстве колхозов кочевали из протокола в протокол, а на поля попадала лишь небольшая частичка их. Вы думаете, что за это взыскивали? Нет, это ведь не планировали, а значит, и не контролировали. Теперь же внедрение всего нового и прогрессивного стало составной частью производственно-финансовых планов, все областные и районные организации за этим следят. Хорошо, не правда ли?

Колхоз и совхоз стал и у нас почти постоянным местом жительства товарищей со станции. Вот так и работаем вместе, почти не замечая, где свои, колхозные, специалисты, а где государственные.

А тут еще станция ухватилась за новую идею: с прошлого года стала создавать по всей области широкую сеть внештатных научных сотрудников. Нынче их насчитывается больше, чем штатных. И люди все уважаемые, опытные.

Ивана Ивановича Носовского, одного из инициаторов движения за двести пудов зерна с гектара, многие знают. Он секретарь Константиновского райкома партии, но он же еще и сотрудник станции. И разрабатывает одну из серьез-

нейших научно-производственных тем. В том же районе и под тем же флагом увлеченно трудятся Вера Васильевна Бережная — агроном колхоза имени XX съезда КПСС, Герой Социалистического Труда Абрам Борисович Сорокин — председатель этого колхоза. Стали приобщаться к науке директора совхозов Герой Социалистического Труда Иван Петрович Заричный, Кузьма Никодимович Бобков и многие другие. Вот что значит пойти научным работникам в массы — сразу в науку хлынул поток свежих творческих сил.

А возьмите еще такое новое явление, когда многие колхозы превращаются в опорные пункты станции. На этих опорных пунктах ведутся углубленные исследования, и часто мы теперь ездим на экскурсии и семинарские занятия к своим коллегам в колхозы и совхозы.

Могут сказать: а чего это ты отчитываешься за работу областной опытной станции?

На это я так отвечу: отчет о деятельности станции можно читать на полях и фермах каждого колхоза и совхоза нашей области.

У нас сейчас нет ни одного хозяйства, которое не применяло бы нового способа внесения удобрений под кукурузу — в гнезда малыми дозами. Эта рекомендация станции увеличивает сбор зерна кукурузы с гектара на 4—6 центнеров. «Рекомендация» — какое бюрократическое слово! А ведь благодаря этим самым рекомендациям наша область в целом получает ежегодно около двух миллионов центнеров зерна дополнительно.

Сколько времени существует металлургическая промышленность в Донбассе, столько времени без движения лежали несметные количества мартеновского шлака. А где-то рядом рыскали такие, как я, шукали фосфорнокислые удобрения, «бомбили» телеграммами Киев, Москву: «Дайте удобрений!»

Не знаю, кто лично над этим поработал, но безошибочно могу сказать, что рекомендация пришла из Песков: «Мартеновский шлак под хлеба!» Три-четыре центнера на гектар — и получай 2—2,7 центнера озимой пшеницы с гектара дополнительно!

Нет, «рекомендация» — слово не бюрократическое!

В декаду я раза два-три бываю в Песках. Как подумаю, что надо посмотреть в день завтрашний и что это грядущее надо творить сегодня, так сразу же еду туда.

Механизация в животноводстве! Много ли сделано наукой по этой линии? Не знаю, не берусь приводить цифры, думается, что сделано еще мало. Когда же бываю в Песках, то мнение сразу меняется. Оказывается, вот как надо механизировать работы на свиноферме в условиях лагерного содержания: один водораздатчик — простейшая из машин, сконструированных работниками станции,— экономит в год около 15 тысяч рублей; так же проста и поилка — 50 тысяч рублей экономии в год!

Одна свинарка обслуживает более тысячи свиней!

А фабрика сенной муки?

Свежая, только что скошенная зеленая масса, поступив в специальную установку, тут же возвращается к вам в виде муки, сохранившей в себе почти все белки и витамины, тогда как при естественной сушке наполовину пропадают питательные вещества и до 75 процентов витаминов. Час работы — полтонны драгоценной сенной муки!

...Как вы укрываете бурты, силосные траншеи? Вручную? Напрасно! Мы это делаем прицепным буртоукрывателем, сконструированным работниками нашей опытной станции. Производительность — 27 кубометров в час. В прошлом году в момент силосования колхозы нашей области благодаря этой машине сэкономили около 350 тысяч человеко-часов!

Что ни рекомендация — то прибавка!

Вот это, по-моему, самая лучшая наука.

Энергичным творческим коллективом нашей областной опытной станции руководит молодой агроном Константин Пантелеевич Афендулов. Он пока еще не имеет ученой степени, сдал только кандидатский минимум и готовится защищать уже написанную диссертацию. Я читал ее. Прекрасный, свежий, буйный донецкий ветер!

Посылайте ученых-пустоцветов к нам, в Донбасс, пусть посмотрят, что надо делать, чтобы след науки на полях и фермах становился все глубже и глубже!..

Спектакль «Кубанские ласточки». Молодые казачки Люба, Оксана и Вера — артистки К. Крахмалева, Е. Белоусова и Н. Роман.

Сцена из спектакля «Где-то на юге» венгерского композитора Э. Кемень.

Фото В. Иванниковой.

«Кубанские ласточки»

В Москве с большим успехом проходят гастроли Краснодарского театра музыкальной комедии. И хотя спектакли начались совсем недавно, москвичи уже отдали свои симпатии «кубанским ласточкам», как они любовно окрестили своих гостей. «Кубанские ласточки» — это один из спектаклей, привезенных краснодарцами. Его авторы, исполнители, герои — все краснодарцы.

Поэт С. Ольгин и композиторы Д. Фалилеев, Г. Плотниченко и Я. Верховский в оперетте «Кубанские ласточки» воспели своих земляков. В спектакле много народных песен, танцев, много улыбок, веселья, шуток...

Ставил спектакль главный режиссер театра М. Ошеровский; дирижер — М. Киракосов. Главные роли играет молодежь.

Колхозного механика, возмечтавшего стать кинозвездой, с большим юмором исполняет В. Генин. У Владимира Генина для «героя» все данные: и красивый голос, и музыкальность, и актерский темперамент. А ведь еще недавно он и не помышлял о сцене. Работал шофером, слесарем в депо, потом был призван в армию.

— Как ни странно, однако именно армии я обязан тем, что стал опереточным артистом,— рассказывает Владимир Брониславович.— Там обратили на меня внимание и послали учиться. Петь мне всегда хотелось. Пел я еще мальчишкой в колхозе, когда для комбайнов возил воду. Еду, правлю лошадью и распеваю на всю раздольную степь, что «без воды — и не туды и не сюды...»

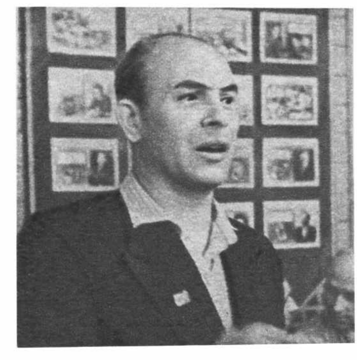
Трех кубанских девушек-подружек играют К. Крахмалева, Е. Белоусова и Н. Роман. Думала ли Нелли Роман, когда заканчивала ремесленное училище, и позже, работая слесарем-инструментальщиком на одном из куйбышевских заводов, что станет актрисой оперетты! А сейчас она исполнительница ведущих партий. Дочь простой работницы, коренная краснодарка, Клара Крахмалева получила образование в Москве, в училище имени Глазунова. Е. Белоусова приехала в Краснодар из Ленинграда в 1955 году, но с тех пор так привязалась к театру, к городу, что чувствует себя подлинной казачкой! Во всяком случае, для зрителей «Кубанских ласточек» это бесспорно.

Много интересных людей, талантливых актеров в краснодарской оперетте, и им от души аплодируют москвичи.

Театр показывает на гастролях еще два спектакля: «Где-то на юге» и «Фраскита».

Л. ЛЬВОВА

«Огонек» на «Ростсельмаше»

На заводе «Ростсельмаш», где больше тысячи подписчиков журнала «Огонек», состоялась конференция читателей.

Выступали рабочие и инженеры, партийные и комсомольские работники, литераторы Дона, а также писатель В. Кочетов. В адрес «Огонька» было высказано много пожеланий и критических замечаний; читатели просили больше и интереснее писать о работе бригад коммунистического труда, ярче показывать их опыт.

Выступавшие отмечали, что, несмотря на большой тираж журнала, на заводе его не хватает. Работники Ростовского отделения «Союзпечати» продолжают искусственно ограничивать подписку на «Огонек» и без всякого на то основания отказывают оформлять подписку многим желающим. Не во всех киосках можно купить свежий номер журнала.

На снимке: Выступает мастер бригады коммунистического труда механосборочного цеха А. Бойченко.

Фото Г. Осокина.

ВЧЕРАШНИЙ И СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ РАЛЛИ

Старт...

Пятьдесят лет назад в России состоялись первые ралли по маршруту Петербург — Киев — Москва — Петербург. В них участвовало сорок машин, или, как тогда выражались, «колясок». Душой этого автопробега был один из русских автомобилистов, Андрей Нагель. На своей высокой «коляске», имевшей колеса экипажного типа с деревянными спицами, он пришел в Киев «наравне с лучшими германскими машинами».

В том же году Нагель отправился в новый пробег по маршруту Петербург — Неаполь и обратно. Впервые Европа увидела на своих дорогах русский автомобиль. Одна из шин русской фирмы «Проводник» выдержала около 15 тысяч километров. Это была для того времени рекордная цифра. Нагель делал в среднем 40 километров в час.

...и финиш

Международные автомобильные гонки 1960 года — ралли — проходили под лозунгом «За мир и дружбу». Спортсмены-автомобилисты СССР, Польши, Венгрии, ГДР и Чехословакии преодолели по маршруту Москва — Варшава — Берлин — Прага около пяти тысяч километров. Двадцать три клубные команды, выступающие на легковых машинах разных марок, состязались в регулярности движения и в скорости. Первое место заняла команда СССР. В индивидуальном зачете лучшие показатели у чехословацких гонщиков, выступавших на автомобиле «Шкода».

А. Нагель на русском автомобиле отправляется в Италию.

Спортсмены-автомобилисты в Варшаве.

ПОВЕСТЬ О ЖИВОЙ

В пустыне говорят: «Жизнь начинается с колодца». Новый колодец — это новое пастбище, новый аул. На сто, двести и больше метров в глубину песков погружаются колодезные мастера, пока докопаются до воды. Не одну успешную схватку с пустыней провел на своем веку и Атабай Худайбердыев.

Вл. КРУПИН

Ранней весной, когда набравшее силу солнце растопит скудные снега пустыни и прольются над ней нечастые в здешних краях дожди, расцветают цветы в Каракумах. Вспыхивают над песками огнистые краски тюльпанов, пламенеют алые чашечки маков, распускаются лилово-синие кустики гелиотропа и еще невесть каких — голубых, желтых, оранжевых — трав и кустарников. А над всем этим великолепием, украшающим изумрудный ковер разнотравья, горделиво высятся розовые свечи эремуруса.

Однако недолго бушует в песках половодье красок. Проходит месяц-другой, и жаркое южное солнце, почти на весь день обосновавшееся в зените, беспощадно выжигает следы весны. Уходит вода, поглощенная ненасытной толщей песков, выпитая жадными корнями растений, подхваченная иссушающими ветрами,— и угасает жизнь в пустыне...

Пустыня полна парадоксов. Это — море песка, на первый взгляд, мертвое и немое. Но и в самую знойную дремотную пору пески живут, движутся. Дыхание их тягостно и смертоносно для всего сущего. Они душат растения и засыпают дороги, проникают в жилье и сгоняют с насиженных мест скотоводов. На памяти человечества не одна история о том, как города и селения, оазисы и целые царства оказывались погребенными под сыпучими песками.

Неисчислимы богатства пустынь земного шара. Это треть мирового сбора хлопка и почти сто процентов урожая фиников. Это крупнейшие на земле месторождения газа, нефти. Это каракуль, виноград, сера. Но самое главное — это солнце и, конечно, вода.

«Кум бар — су бар»,— говорят в Средней Азии. «Где песок — там вода». Подземные пласты под пустыней Каракумы можно смело сравнить с гигантской губкой, пропитанной влагой. Иначе откуда бы тут взялись заросли саксаула и кандыма, островки полыни и илека — песчаной осоки? И все же охватить эту губку, выжать из нее животворные соки неимоверно трудно. Вода распылена на необозримых пространствах, она спрятана глубоко под землей или же отравлена горькими солями. Дорого обходится человеку каждый глоток, каждый шаг на пути покорения пустыни. Но он упорно идет вперед.

Посмотрите на карту Туркменской ССР. Девять десятых ее площади занимает желтое пятно. Это пески и еще более безжизненная пустыня — такыры. Синяя стрела Аму-Дарьи прорезает республику с юго-востока на север. Несколько зеленых точек оазисов, две-три голубых ленты пересыхающих речек. Голубизна Каспия слева не в счет. В море вода, как известно, соленая. Основные фронты борьбы человека с природой — Западный, Южный, Восточный. Правда, совсем недавно открыт еще один фронт. Но там пока идет разведка. А по тылам растет сеть «партизанских» отрядов. Таковы рубежи и плацдармы, с которых ведется наступление на пустыню. Три силы природы противостоят человеку — солнце, ветер, песок. И когда они действуют сообща, когда закроет горизонт раскаленная пыльная буря, трудно чем-нибудь обуздать их. Как же вбить клинья между этими союзниками? Как привлечь на свою сторону местные силы природы? Где нанести главный удар? И нельзя ли пройтись по тылам врага?

Над всеми этими проблемами кропотливо и настойчиво работают ученые Туркмении и других братских республик.

...Небит-Даг — штаб «Западного фронта». От этого города, построенного в буквальном смысле слова на песке, тянутся асфальтовые магистрали к нефтяным промыслам Кум-Дага, Вышки, Котуртепе. Здесь царствуют нефтяники. Недавно они открыли еще одно месторождение, названное Ленинским. Его геологические запасы, по оценке члена-корреспондента Академии наук СССР М. Ф. Мирчинка, превосходят любую из действующих кладовых «черного золота» в Туркмении. Нефть новой залежи не содержит примесей серы — именно об этом мечтают переработчики! Новая залежь — это новые дороги к буровым скважинам, новые заботы о воде — питьевой и технической. И новые хлопоты для сотрудников недавно созданного в республике Института почвоведения и освоения песков.

Первая забота — проложить к промыслу дорогу.

— Нашему брату, дорожнику, всегда нелегко приходится,— рассказывает мне Чары Артыклиев, главный инженер машинно-дорожной станции, прокладывающей один из подходов к промыслу. — Идем всегда первыми. Ни жилья, ни воды, ни тем более разносолов. А каково работать в этом пекле! Учтите еще особые условия строительства в пустыне: дорога здесь одновременно и строится и эксплуатируется. Нефтяники ждать не могут. И песок, песок проклятый мешает. Поднимется пыльная буря — ставь механизмы на прикол: видимость — полтора метра. А потом начинай все сначала.

Да, много неприятностей сулят первопроходцам пески. На этой вот трассе буря «слизала» за сутки сорок тысяч кубометров земляных работ. Прошли немного вперед — опять все занесло и развеяло. Обратились к ученым. Приехал геоморфолог Андрей Терентьевич Леваднюк. Молодой, но дотошный. Всю округу, как говорится, на животе облазил. А потом заявил:

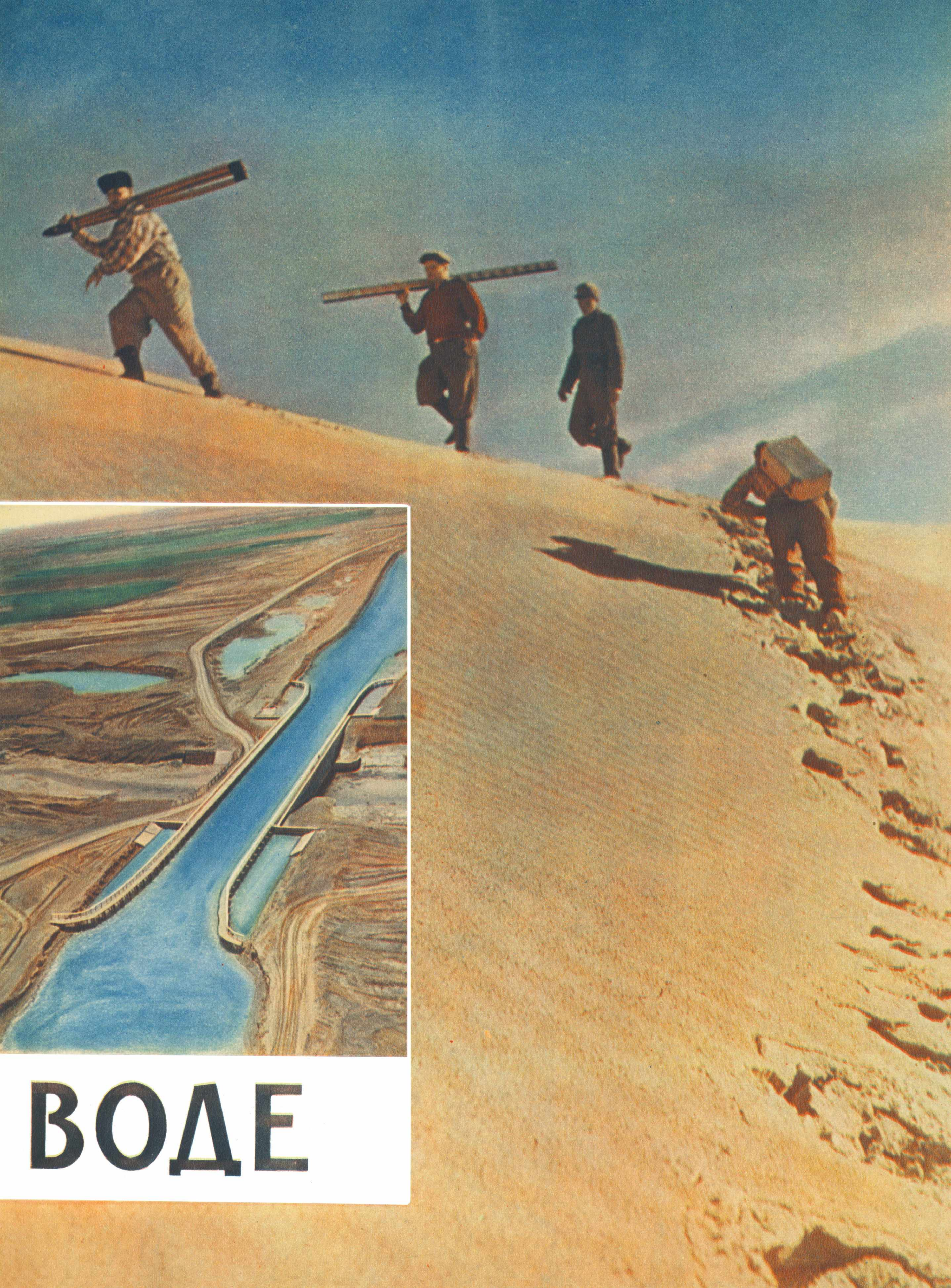
— Трасса выбрана неправильно. Ее неизбежно засыплют пески.

И предложил свой вариант. Рядом. Всего в двух-трех метрах. Расчет простой — «вписать дорогу в рельеф». В пустыне есть места, так называемые межгрядовые понижения, где песок и ветер «разобщены». Сюда ветер почти не заносит странствующие песчинки. Да и порывы его тут не столь сильны, чтобы поднять в воздух новые массы пыли. По межгрядовым понижениям и пролегла трасса Леваднюка. Она решила сразу две проблемы. Дорожники были избавлены от солидного объема земляных работ в песках и резко двинулись вперед. Не требовалась и особая защита от заносов.

Другая, всегдашняя забота —

Пески Каракумов... Мертвой пустыней расстилаются они перед взором. Но вот здесь прошел советский человек...

и пески прорезает голубая лента канала...

ВОДЕ

Вокруг юных зеленых оазисов вырастают поселки...

Фото И. ГРИЧЕРА и Д. УХТОМСКОГО.

Детвора с восторгом приветствует первый катер. Да, верблюду, который до сих пор считался кораблем пустыни, придется посторониться.

А на хлопковые поля, вызванные к жизни и напоенные аму-дарьинской водой, выходят тракторы.

вода. Здесь, на западе республики, она дается особенно трудно. Ни мощные опреснители, которые поглощают огромное количество топлива и энергии, ни морские танкеры, которые еще возят сюда питьевую воду с той стороны Каспия, не могут поспеть за ростом индустрии и городов.

В кабинете Анатолия Никитича Симакова, начальника Туркменского геологического управления, висит карта. Она испещрена пометками и значками. Поиски воды идут в Каракумах повсеместно.

— Воду должны дать пески. Каждый год они получают до 100 миллиметров осадков. Часть испаряется, часть усваивают растения. А остальное? Ведь не исчезает же вода бесследно. Она где-то скапливается, сливается в потоки и собирается в огромные естественные хранилища. В Казахстане гидрогеологи открыли добрых два десятка подземных пресных «морей». Кое-что нашли и мы.— Симаков набрасывает на клочке бумаги небольшой чертеж.

Речь идет о подземном «озере» Ясхан. Собственно, это не озеро, а слой пористой породы, насыщенной пресной водой. Но толщина и площадь его таковы, что запасы влаги достигают нескольких миллиардов кубометров. Отсюда в нефтяные районы будет проложен через пески 112-километровый магистральный водопровод.

Недавно в ста километрах от Красноводска, в песках Чильмамед-Кум, обнаружено еще одно подземное пресноводное озеро. По объему оно больше Ясхана.

В Небит-Даге находится агролесомелиоративная станция—форпост Института песков. Маленькому, но дружному коллективу приходится решать большие задачи.

Одна из них связана с текущими заботами нефтяников и животноводов, дорожников и городских жителей. Речь идет о саксауле, о его внедрении в пески, организованном и планомерном. Саксаул — едва ли не лучшее средство защиты от песчаных заносов. Закрепившись на барханах, он останавливает сыпучую смерть, не дает ей наброситься на строения и коммуникации. Двадцать тонн отличного топлива с гектара зарослей дает саксаул. Осенью и зимой саксаул — единственный источник корма для скота. И если это дерево принято считать символом пустыни, то, во всяком случае, пустыни плодоносной и обживаемой.

Нужды растущих городов и поселков, нужды завтрашнего дня ставят перед мелиораторами еще одну задачу. Ее решения уже многие годы ищет наука. До трех миллионов гектаров в Туркмении занимают такыры — глинистая пустыня. Твердая, как гранит, почва не принимает семян, не пропускает воды. Освоение такыров—дело рискованное, а кое-кто утверждает, что и безнадежное. И дальше сардобов — колодцев для сбора вешних вод и осадков — дело это пока почти не продвигалось. Ну, как не назвать безудержным фантастом человека, который заявляет, что такыр — отличное место для разведения арбузов и винограда, фисташки и миндаля!

Именно такие люди работают на небит-дагской станции. Я слушал увлекательный рассказ молодых ученых Владимира Михайловича Храмова и Николая Кирилловича Лалыменко о будущем такыров, о смелых и широко поставленных опытах. И невольно думалось: а ведь потому и оставалась пустыня бесплодной, что не хватало ей таких людей — мечтателей советского склада, рисковых, расчетливых и упрямых. Дело, которое ими начато, заслуживает пристального внимания. Исследователи шли от народного опыта, от примеров природы, по следам многих почвоведов.

К весне по такыру нарезаются борозды. Глубина вспашки — сантиметров тридцать. Расстояние между бороздами — до двадцати метров.

— Вот и вся агротехника! Остальное за нас делает небо,— смеется Лалыменко.

Но он вовсе не шутит. Хотя атмосферные осадки в пустыне действительно редкость, но все же на гектаре такыра можно собрать за год до 900 кубометров пресной воды. Борозда отлично аккумулирует эту влагу. Это было известно и раньше, но борозды нарезались слишком часто и мелко. Емкость их уменьшалась, а площадь испарения, напротив, увеличивалась.

Что же произошло теперь на такыре?

Весной борозду, в которую посадили виноград, миндаль, фисташки и саксаул, заполнила дождевая вода. Разрыхленная плугом глина приняла в себя влагу. И хотя запас ее был небольшим — всего полкубометра воды на метр борозды,— этого оказалось достаточно для растений. За три месяца виноградная лоза пустила цепкую корневую систему на полтора метра. Мощные корни развил миндаль.

Следующей весной рядом с первой бороздой, на которой прочно обосновались юные деревца и кустарники, была прорезана еще одна. Она накопила влагу и передала ее под землей соседке.

Тогда же, подъехав к одной из отдаленных борозд, чтобы выкопать несколько саженцев саксаула, Храмов изумился. Борозда была покрыта мощной растительностью. Семена разных трав, занесенных на такыр ветром, пали на благодатную почву. Храмов мысленно подсчитал, сколько же здесь сена. Примерно 15 центнеров на гектар. И это уже через год! Самосевом!..

Третий год длится интересный опыт. И хотя первые грозди винограда созреют лишь в августе 1961 года, можно с уверенностью сказать, что у глинистой пустыни уже отвоеваны первые 400 гектаров.

Юг Туркмении — прикопетдагская равнина — арена давнишней борьбы человека за каждый клочок земли. Это житница и сад республики, центр овощеводства и шелководства. Здесь может созревать самый ранний и самый поздний в стране виноград. Опыты, поставленные в ряде колхозов, подтвердили, что Туркмения может и должна стать новым районом цитрусовых культур. Нужна только вода.

Где ее взять? Основной источник орошения полей и садов юга — подземные воды предгорий. Копет-Даг придавил своей тяжестью целую реку. Дать ей выход — значит вызвать к жизни новые бахчи и сады, виноградники и плантации лимона.

Первого января в Ашхабаде начала действовать новая организация — управление по использованию подземных вод Прикопетдага. Оно оснащается новой техникой для бурения скважин и мощными турбинными насосами для подъема воды. Фронт наступления развертывается от Серахса до Кызыл-Атрека.

Сто сорок миллионов кубометров воды — в три раза больше, чем в прошлом году! — будет извлечено нынче из недр земли.

В тылах пустыни, в самых глухих местах Черных песков, действует другая организация — пастбищно-мелиоративный трест. За семилетку колодезные мастера Туркмении должны создать в пустыне более двух тысяч таких «очагов жизни». Правда, каждый колодец дает не так уж много воды, но все вместе они напоят около 10 миллионов гектаров новых пастбищ.

У колодцев ютятся не только чабаны со своими отарами. Возле них стараются разбить свои бивуаки и геологи. Но иной раз им приходится работать там, куда воду можно доставить только на самолете. И хотя это невероятно дорого, есть сокровища, ради открытия которых не жаль никаких затрат. Такое открытие сделано в самом центре Каракумов, в районе знаменитых серных бугров. Это газ.

— Пока что трудно оценить последствия этого открытия,— говорит Керим Керимович Машрыков, вице-президент Академии наук Туркменской ССР.— Геологи еще ведут разведку боем. Может быть, даже потягаемся с Газлинским месторождением. Может быть, и от нас пойдет со временем газ на Урал и в другие районы страны. Во всяком случае, лишь одна из пробуренных скважин способна обеспечить газом весь Ашхабад. По всем приметам, здесь будет крупный район газовой индустрии.

Нелегко, глядя на бесконечные барханы, на свистопляску песчаных бурь, представить себе, что через каких-нибудь пять — десять лет здесь вырастет современный социалистический город, да еще из белого камня. Но Карим Сафаров, буровой мастер, распечатавший на днях еще одну кладовую «невидимого золота», ни на минуту в этом не сомневается:

— В Небит-Даге были? Красивый город, правда? И здесь такой будет. Из белого камня — «гюша». Воды нет? Привезем. Отыщем. Есть газ — будет вода!

И летят в Дарвазу самолеты. Новые и новые «десанты» высаживаются в Каракумах. Бурильные трубы, цемент, барит, пресная вода доставляются по воздуху. От Дарвазы до Фараба — поселка на границе с Узбекистаном, где тоже ударил газовый фонтан,— открывается новый фронт наступления на пески.

Однако направление главного удара не здесь. Он наносится с востока. Четыреста километров прошли уже через пекло строители Каракумского канала. Воды Аму-Дарьи преодолели извечную пустыню и влились в реку Мургаб. Десятки кубометров «живой воды» поступают теперь ежесекундно на поля Мургабского оазиса — родины отечественного тонковолокнистого хлопчатника.

Канал круто изменил обстановку в пустыне, породил новые перспективы и проблемы. Первая очередь его — это почти 100 тысяч гектаров орошаемых земель под хлопок, виноград, дыни. Это 5 миллионов гектаров обводненных пастбищ. Это надежная защита от засухи.

Благодатное действие аму-дарьинской воды сказалось уже в прошлом году, когда пересох Мургаб.

— Что нам дает канал? — Курбан Дурды Анагельдыев, главный бухгалтер колхоза «Москва», подвинул к себе счеты.— Давай посчитаем. Пятьдесят восьмой год. Имеем двадцать два миллиона рублей дохода. Ничего? Прошлый год — засуха. Опять двадцать два. Тоже неплохо. А если бы канала не было? Тогда что?— Курбан Дурды отбросил все костяшки на прежнее место.— Ноль целых ноль десятых. Как у соседей, до которых вода не дошла. Вот и получается, что уже в первый сезон канал дал нам двадцать два миллиона рублей дохода. Несмотря на засуху. Можно построить красивую жизнь!

Соседи тоже хотят «красивой жизни». Вот почему в Туркмении развернулось движение — сократить срок строительства второй очереди канала на два года. Это еще 139 километров через пески. От Мургаба до Теджена. Еще 110 тысяч гектаров орошаемых земель.

Как обеспечить такие неслыханные темпы? За это берутся две могучие силы — народ и государство. Вторая очередь будет сооружаться методом народной стройки. Это значит, что в строительстве принимают участие все колхозы республики: своими денежными средствами, рабочей силой, землеройной техникой, транспортом.

— Пришло время, когда мы можем помочь стройке всей своей мощью,— сказал председатель колхоза «Ленинизм» Аллаберды Кандымов, перечисляя на счет Туркменгидростроя очередной взнос — полмиллиона рублей.

«Всей своей мощью»! Что ж, так можно теперь сказать о каракумских колхозах, выросших и окрепших с помощью государства.

Еще больше хлопот прибавляется ученым. Академия наук республики и Туркменгидрострой заключили договор о творческом содружестве. Строители финансируют ряд научных исследований. Ученые решают неотложные проблемы стройки. Их много. Как защитить берега канала от заноса и размыва? Чем лучше — бетоном или синтетической пленкой — уменьшить поглощение воды песками? Нельзя ли акклиматизировать в канале белого амура — рыбу, которая решит сразу две задачи: очистит русло от зарастания травой и водорослями и существенно пополнит ресурсы питания? Почему бы не «запрячь» в работу светило — заставить его не только кипятить, но и опреснять воду и даже давать лед с помощью солнечных полупроводниковых холодильников?

Одна за другой уходят в пески научные экспедиции, поисковые партии, отряды лесомелиораторов и ботаников.

Наступление продолжается...

РАССКАЗ О ШПИОНАХ

Роберт ШЕКЛИ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Я попал в нелепейшую историю, хуже трудно себе представить. Не так-то просто и объяснить, как это все произошло. Но начну по порядку.

В 1991 году я окончил техническое училище и сразу же стал работать техником по сфинкс-электронным лампам в Старлинговской компании космических кораблей. Я очень любил эти громадные звездолеты, с ревом взмывающие ввысь, к Лебедю или, скажем, к Альфе-Центавра. Был я тогда, как говорится, молодым человеком с будущим. И друзья у меня были и даже знакомые девушки. И работа меня вполне устраивала. Но существовало одно «но», и тут уж я ничего не мог поделать; я не мог нормально работать при всем этом множестве скрытых фотоаппаратов, наведенных на мои руки. Не то, чтобы я возражал против самих фотоаппаратов. Нисколько. Но их непрерывное жужжание! Я просто не мог сосредоточиться. Я стал жаловаться в Департамент Внутренней Безопасности:

— Послушайте,— сказал я им,— почему бы вам не поставить мне новые, бесшумные аппараты, такие же, как у всех остальных?

Но им было не до меня: государственные заботы поглощали все их внимание.

А тут еще тысячи мелочей стали выводить меня из терпения. Взять хотя бы магнитофон, установленный в моем телевизоре. Эти бездельники из ФБР никак не могли правильно его отрегулировать, и он гудел все ночи напролет. Я много раз жаловался:

— Послушайте,— говорил я,— ведь ни у кого магнитофон так не гудит. Чем же я хуже других?

Но в ответ я всегда слышал старую песню о необходимости выиграть «холодную войну» и о том, что на всех не угодишь. От подобных вещей как-то начинаешь терять уважение к самому себе.

По-видимому, мое правительство попросту пренебрегало мной.

Возьмите, например, моего Шпиона. Я числился Подозреваемым 18-D — в одной рубрике с вице-президентом,— что давало мне право находиться под частичным надзором. Но мой личный Шпион, должно быть, вообразил себя киноактером, потому что он не появлялся иначе, как в замызганном плаще и в зловеще надвинутой на глаза шляпе. Худой, нервный, он буквально наступал мне на пятки от страха потерять меня из виду. Надо отдать ему должное, он очень старался. В профессии Шпиона конкуренция занимает немалое место, и я не мог побороть невольного сострадания при виде его тщетных усилий. Но в конце концов мне это стало надоедать: вечно вместе, эдакие сиамские близнецы. Мои товарищи хохотали до слез, когда я появлялся, таща его за собой, как на буксире.

— Билл,— покатывались они,— где ты раздобыл такое сокровище?

А моя девушка жаловалась, что от одного его вида ее бросает в дрожь.

Разумеется, я пошел в Комиссию по Расследованию и сказал:

— Послушайте, неужели вам трудно дать мне квалифицированного Шпиона, как у всех моих знакомых?

Мне ответили, что рассмотрят мое заявление, но я-то знал, что был недостаточно крупной фигурой для этого.

Все эти, казалось бы, пустяки страшно действовали мне на нервы, а любой психолог скажет вам, что не требуется чего-либо из ряда вон выходящего, чтобы свести человека с ума. Я был сыт по горло равнодушием и пренебрежением.

Тогда-то я и начал подумывать о Дальнем Космосе. Там простираются миллиарды квадратных миль первосортной пустоты, усеянной несметным количеством звезд. Там такое обилие землеподобных планет, что с избытком хватит на всех мужчин, женщин и детей. Уж там-то должно найтись местечко и для меня. Я приобрел «Каталог Вселенских Светил» и затрепанного «Пилота Галактики». Я прочел от корки до корки «Справочник-таблицу колебаний силы тяготения» и изучил «Атлас межпланетных маршрутов». Наконец я почувствовал, что достиг предельной осведомленности по данному вопросу.

Все мои сбережения ушли на покупку подержанного звездного быстрохода. Старичок пропускал кислород всеми своими швами, а его болезненно-чувствительный атомный котел и неуравновешенные рычаги управления в любой момент могли сыграть с вами злую шутку.

Безусловно, доверяться ему было небезопасно, но единственное, чем я рисковал, была моя собственная жизнь. Во всяком случае, так я думал.

Я собрал все, что полагалось: паспорт, Голубое удостоверение, Красное удостоверение, регистрационное свидетельство, пилюли против космических недомоганий и дератизационные справки. В конторе я получил остатки своего жалованья и помахал рукой осиротевшим фотокамерам. Дома я собрал свои вещи и попрощался с магнитофоном. На улице я пожал руку бедняге Шпиону и пожелал ему удачи.

Итак, я сжег свои корабли. Мне оставалось только получить Заключительное удостоверение, и я устремился в соответствующую инстанцию. Клерк, со следами загара лампового происхождения на лице, подозрительно взглянул на меня.

— Место назначения? — спросил он.

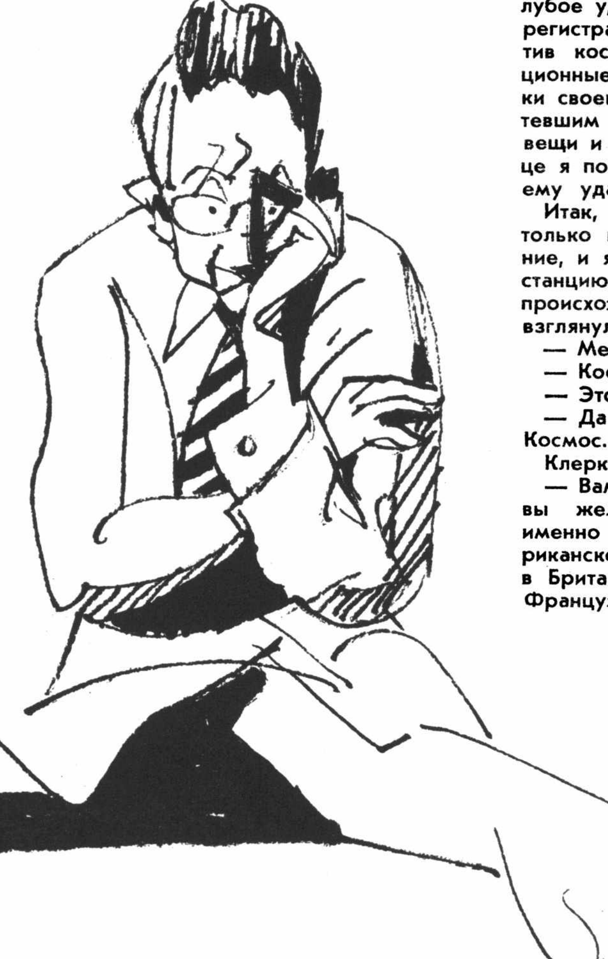
— Космос,— отвечал я.

— Это ясно. Я спрашиваю, где именно.

— Да я еще не знаю,— сказал я.— Просто Космос. Дальний Космос. Свободный Космос.

Клерк устало вздохнул:

— Вам придется высказаться точнее, если вы желаете получить удостоверение. Где именно вы собираетесь обосноваться? В Американском Космосе? Или хотите эмигрировать в Британский Космос? Или Голландский? Или Французский?

— Я не знал, что Космос может кому-то принадлежать,— проговорил я.

— Отстаете от жизни,— сказал он с видом снисходительного превосходства.— Соединенные Штаты заявили свои права на все пространство между координатами 2-ХА и D_2B, кроме небольшого и относительно маловажного сегмента, на который претендует Мексика. Владения Советского Союза помещаются между координатами H_3D и LO_2. Весьма унылая область, можете мне поверить. Кроме

Роберт Шекли родился в 1928 году в Нью-Йорке. В 1954 году вышел первый сборник его научно-фантастических рассказов под названием «Нетронутый человеком», в 1956-м — второй сборник, «Гражданин в космосе». Затем были выпущены еще три сборника его рассказов.

того, существует Бельгийская Территория, Китайская Территория, Цейлонская Территория, Нигерийская...

Тут я прервал его:

— А где Независимый Космос?

— Такого не существует.

— Как, совсем не существует? Где же кончаются территориальные границы?

— В бесконечности! — проговорил он с важностью.

На мгновение почва заколебалась у меня под ногами. Мне никогда не приходило в голову, что каждая крупица бесконечной Вселенной — чья-то собственность. Хотя, впрочем, почему бы и нет? В конце концов, кому-то она должна принадлежать!

— Хорошо, я отправляюсь в Американский Космос,— заявил я, недолго думая.

В тот момент я не мог еще предвидеть все значение этого шага.

Клерк угрюмо кивнул головой. Тщательно проверив мои анкеты, начиная с пятилетнего возраста — раньше проверять особого смысла не имело,— он выдал мне Заключительное удостоверение.

В космопорту мой звездолет уже был наготове. Я ухитрился оторваться от Земли, не повредив ни одной лампы. Но только когда Земля превратилась в едва заметную точку, а затем и совсем скрылась из виду, я осознал, что остался наконец один.

На исходе вторых суток путешествия, осматривая свои запасы, я обратил внимание на несколько необычную форму одного из мешков с овощами. Развязав его, я обнаружил вместо положенных ста фунтов картофеля молодую девицу.

Вот так пассажир! Я смотрел на нее, не в силах произнести ни звука.

— Ну,— сказала она,— может быть, вы поможете мне выбраться отсюда? Или вы намерены оставить меня в этом мешке и предать инцидент забвению?

Я помог ей вылезти из мешка.

— Ваша картошка выглядит очень аппетитно,— заметила она.

Я мог бы то же самое сказать и о ней самой, не погрешив против истины.

Это была тоненькая (во всяком случае, там, где это положено) девушка, с рыжеватыми волосами цвета пылающего хвоста ракеты, с задумчивыми голубыми глазами и следами грязи, размазанной по дерзкой физиономии. На Земле я, не колеблясь, прошел бы десяток миль ради встречи с ней. Что же касается Космоса, то тут у меня не было стопроцентной уверенности.

— Не найдется ли у вас чего-нибудь поесть? — спросила она.— Если не считать сырую морковку, у меня крошки не было во рту с самого вылета.

Я сделал ей сэндвич. Она доедала его, когда я наконец спросил:

— Скажите, как вы сюда попали?

— Вам этого не понять,— ответила она, дожевывая.

— Я постараюсь,— сказал я.

Она подошла к иллюминатору и несколько мгновений созерцала открывшуюся ей величественную картину: Американские звезды, горящие в глубинах Американского Космоса.

— Я стремлюсь к свободе,— произнесла она.

— Что?!

Она устало опустилась на мою койку.

— Я знаю, вы назовете меня романтичной,— заговорила она неторопливо.— Я из породы чудаков, которые декламируют вслух стихи в ночной тишине и рыдают перед какой-нибудь нелепой статуэткой. Меня охватывает дрожь при виде желтых осенних листьев, а роса на зеленых лужайках представляется мне слезами самой матери Земли. Мой психиатр сказал мне, что я не гожусь для современной жизни.

Она устало закрыла глаза, что нетрудно было понять: простоять двое суток в картофельном мешке достаточно утомительное занятие.

— Земля постепенно иссушала мою душу,— продолжала она.— Я не могла больше выносить эту отвратительную организованность, дисциплину, лишения, «холодную войну», «горячую войну»... Мне так хотелось беззаботно смеяться, бегать по зеленым лугам, бесцельно бродить по тенистым лесам, распевать песни...

— Но почему вы остановили свой выбор на мне?

— Просто потому, что вы отправлялись на поиски свободы,— сказала она.— Но я уйду, раз вы настаиваете...

Принимая во внимание наше местоположение, это было довольно абсурдное заявление. А тратить горючее на обратный путь я просто не имел возможности.

— Вы можете остаться,— великодушно сказал я.

— Благодарю вас,— проговорила она с чувством.— Я вижу, что вы действительно меня поняли!

— Да, да, конечно,— сказал я.— Но нам надо сначала кое о чем договориться. Во-первых...

Но она с доверчивой улыбкой на губах уже спала на моей койке.

Я немедленно исследовал содержимое ее сумочки. Я обнаружил пять видов губной помады, пудреницу, флакон духов «Венера V», томик стихов в бумажном переплете и значок с надписью «Особый Агент ФБР».

Разумеется, это не было для меня неожиданностью: только Шпионы говорят так, как говорила она.

Что ж, я был даже слегка тронут столь далеко простирающейся заботой моего правительства. Во всяком случае, мне уже не было так одиноко в Космосе.

Наш корабль рассекал глубины Американского Космоса. Работая по пятнадцать часов в сутки, я кое-как справлялся с рычагами управления и довольно успешно предотвращал перегрев атомного котла и расползание швов корпуса. Мэвис О'Дэй — так звали моего Шпиона — готовила пищу, выполняла несложные обязанности по хозяйству и рассовывала по углам небольшие фотоаппараты. Наш звездолет содрогался от их жужжания, но я делал вид, что ничего не замечаю.

Между тем, невзирая на создавшееся положение, мои взаимоотношения с мисс О'Дэй могли бы удовлетворить любого моралиста.

Наше путешествие проходило вполне благополучно, я бы даже сказал, счастливо, когда произошло следующее событие.

Я мирно дремал за пультом управления, как вдруг ослепительный свет вспыхнул справа по носу корабля. Я невольно подался назад и сбил при этом с ног Мэвис, вставлявшую новую пленку в фотоаппарат № 3.

— Простите, ради бога,— сказал я.

— Пожалуйста,— ответила она.

Я помог ей подняться на ноги. На мгновение это прелестное существо оказалось совсем близко от меня, дразнящий запах «Венеры V» щекотал мои ноздри, и мое сердце забилось с устрашающей силой.

— Вы не находите, что могли бы уже отпустить меня? — спросила она.

— Да, да, конечно,— проговорил я, продолжая прижимать ее к себе. Остатки самообладания покинули меня:— Мэвис, мы познакомились с вами совсем недавно, но...

— Ну, Билл?— сказала она.

В головокружительном ослеплении я совсем забыл о характере наших взаимоотношений — взаимоотношений Подозреваемого и Шпиона. Трудно сказать, что я мог бы наговорить, но как раз в это мгновение вторая вспышка появилась прямо у самого корабля.

Я выпустил Мэвис и бросился к рычагам управления. Остановив звездолет, я выглянул наружу.

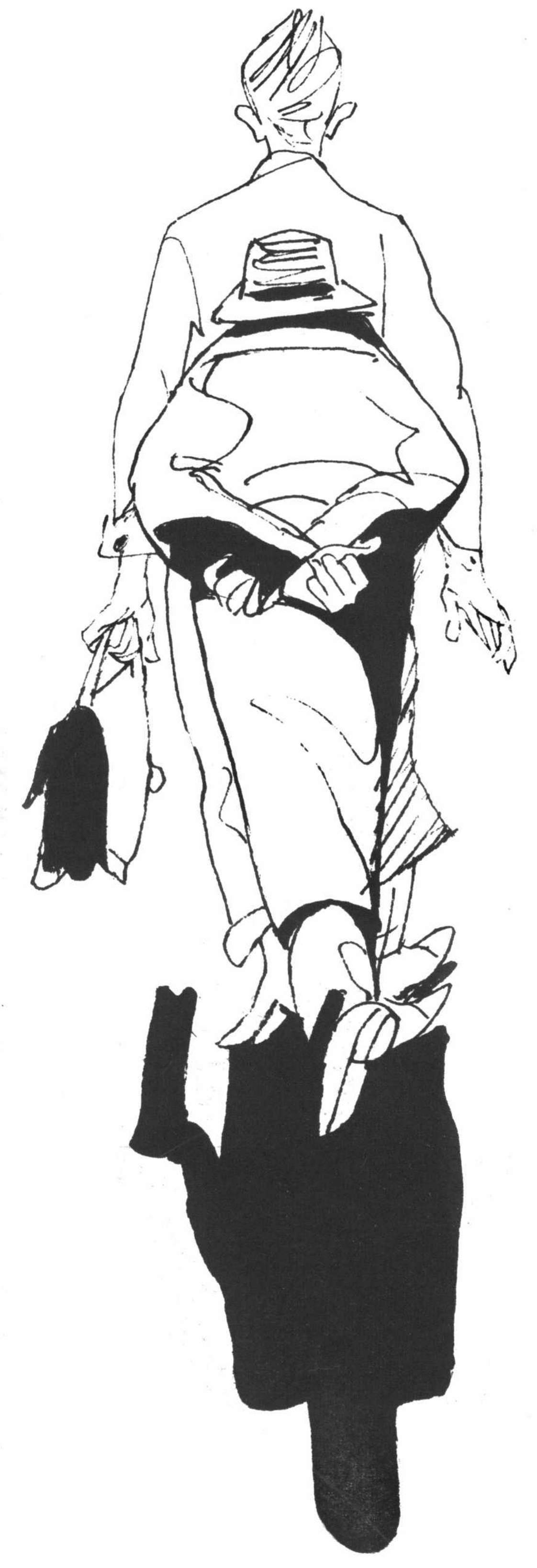
Там, в бескрайних просторах Космоса, я увидел одинокий кусок гранита. На нем сидел мальчик в скафандре. В одной руке он сжимал коробку с сигнальными ракетами, в другой — собаку, тоже одетую в скафандр.

Мы быстро втащили его в звездолет.

— Моя собака...— сказал он.

— Не беспокойся о ней, детка,— ответил я.

— Ради бога, простите, что я ворвался к вам прямо так...— начал извиняться мальчик.

— Пустяки,— сказал я.— Но как ты сюда попал?

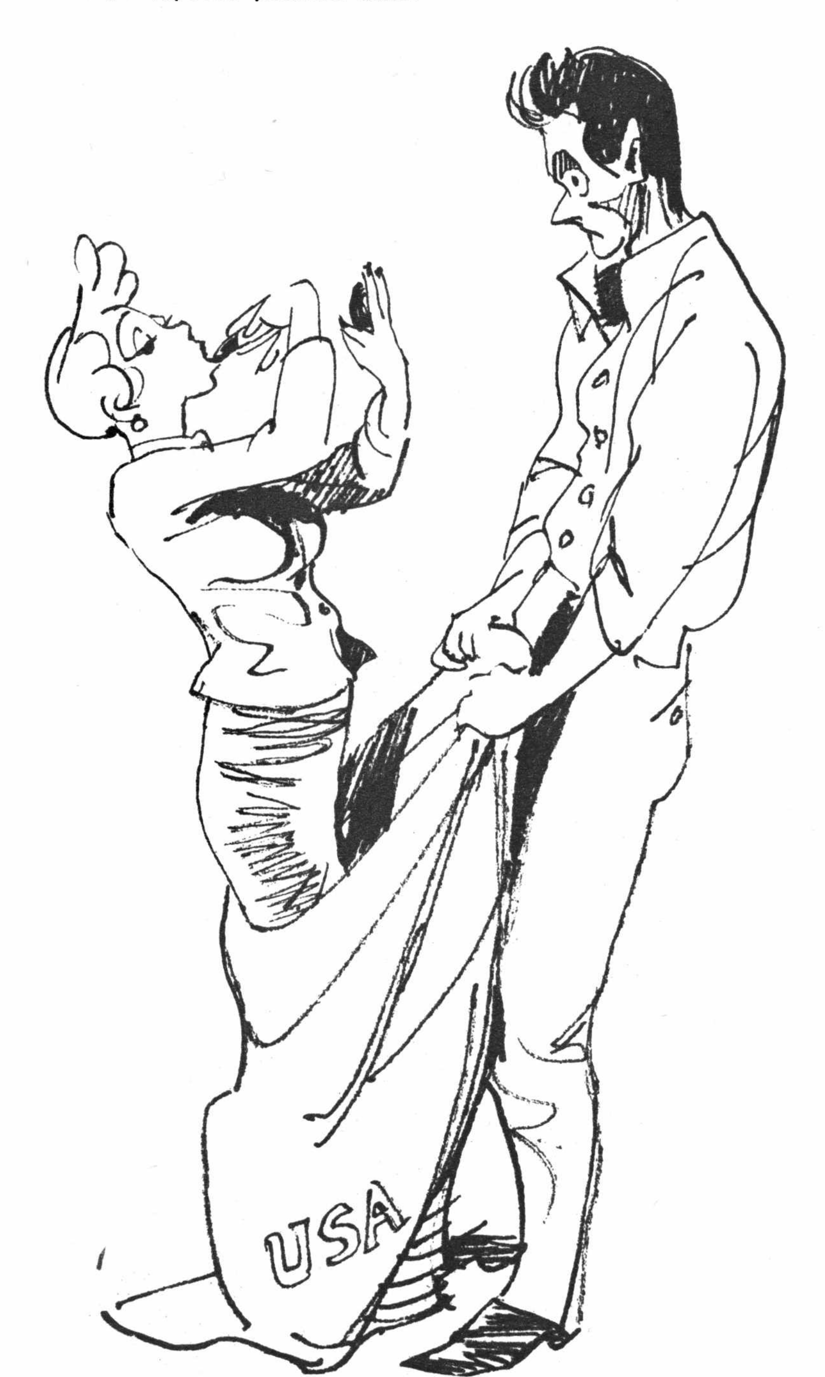
— Сэр,— начал он дискантом,— мне придется рассказать все с самого начала. Мой отец был летчиком-испытателем космических кораблей и геройски погиб, пытаясь преодолеть световой барьер. Моя мать недавно снова вышла замуж. Ее теперешний муж — высокий, черноволосый человек с узкими хитрыми глазами и поджатыми губами. До последнего времени он работал в отделе мелкой галантереи в большом универсальном магазине. Он невзлюбил меня с самого начала. Мне кажется, своими светлыми вьющимися волоса-

ми, большими продолговатыми глазами и веселым нравом я сильно напоминал ему моего покойного отца. Наша взаимная неприязнь становилась день ото дня все острее и острее. Его затаенная ненависть ко мне то и дело прорывалась в злобных вспышках. Потом умер его дядя — при весьма подозрительных обстоятельствах,— и он унаследовал акции Британского Космоса.

В связи с этим мы отправились в путь на нашем корабле. Как только мы достигли этой пустынной области, он сказал матери: «Рэчел, мальчишка уже достаточно велик, чтобы самому позаботиться о себе». Моя мать ответила: «Дэрк, он ведь еще так молод!»

Но моей мягкосердечной, кроткой матери нечего было противопоставить несгибаемой воле человека, которого я никогда не назову отцом. Он всунул меня в скафандр, вручил мне коробку с сигнальными ракетами, натянул на Фликера его маленький скафандрик и сказал: «В наше время мальчик твоих лет вполне может обойтись без посторонней помощи в Космосе». «Но, сэр, — сказал я,— ведь здесь на расстоянии двухсот световых лет от Земли нет ни одной планеты!» «У тебя будет великолепный случай в этом убедиться»,— усмехнулся он и швырнул меня на этот кусок гранита.

Мальчик остановился, чтобы перевести дыхание, а его пес Фликер поднял на меня свои влажные продолговатые глаза. Я дал собаке размоченный в молоке хлеб, а мальчику — сэндвич с арахисовым маслом. Затем Мэвис отнесла его в комнату, где стояли наши койки, и бережно уложила спать.

Я вернулся к управлению, привел в движение звездолет и включил аппарат внутренней связи.

— Да проснись же ты, болван несчастный! — услышал я голос Мэвис.

— Не мешайте мне спать,— говорил мальчик.

— Проснись, тебе говорят! Отвечай сейчас же, зачем это им в Комиссии Конгресса по Расследованию понадобилось посылать тебя сюда? Или они не знают, что этим случаем занимается ФБР?

— Его перевели в категорию 10-F,— сказал мальчик,— и теперь ему полагается постоянное наблюдение.

— Но ведь здесь нахожусь я! — воскликнула Мэвис.

— Да, но вы далеко не блестяще справились с вашим предыдущим заданием,— сказал мальчик.— Простите меня, мисс, но интересы Безопасности прежде всего.

— Так они решили прислать тебя,— уже рыдая, проговорила Мэвис,— тебя, двенадцатилетнего ребенка?..

— Мне уже исполняется тринадцать через семь месяцев.

— Да, да, двенадцатилетнего ребенка! А я-то так старалась! Я училась, читала книги, занималась на вечерних курсах, ходила на лекции...

— Тяжелый случай,— с сочувствием сказал мальчик.— Что касается меня, то моя мечта — стать летчиком-испытателем звездолетов. В моем возрасте это единственная возможность налетать часы. А как вы думаете, он даст мне управлять кораблем?

Я выключил аппарат. Что ж, я мог гордиться: за мной вели постоянное наблюдение сразу два Шпиона. А это означало, что я представлял из себя кое-что, кое-что, требующее постоянного надзора.

Но к чему обманывать себя? Мои Шпионы — всего только неопытная девушка да двенадцатилетний ребенок. Для меня у них, естественно, не нашлось ничего другого!

Итак, мое правительство продолжало меня игнорировать.

Мы благополучно проделали конец путешествия. Юный Рой, так звали мальчика, взял на себя управление звездолетом, и его пес Фликер с деловым видом восседал рядом. Мэвис продолжала заниматься приготовлением пищи и другими домашними делами. Я проводил время за починкой швов. Вряд ли вам удалось бы найти второе такое же счастливое сочетание Подозреваемого и Шпионов, каким были мы.

Мы отыскали необитаемую планету земного типа. Она понравилась Мэвис своими небольшими размерами и уютным видом, зелеными лугами и сумрачными лесами, как раз такими, о каких она читала в своих стихах. Юному Рою пришлись по душе прозрачные озера и горы, по своей высоте вполне доступные мальчику его лет.

Мы приземлились, если можно так выразиться, и стали устраиваться.

Юный Рой проявил необычайный интерес к домашним животным, которых я привез с собой в холодильнике и теперь оживил. Он тут же возвел себя в чин Главного Стража коров и лошадей, Верховного Покровителя уток и гусей и Шефа над курами и свиньями. Новые обязанности отнимали столько времени, что его донесения в Сенат стали поступать все реже и реже, а вскоре и совсем прекратились.

Согласитесь, что от Шпиона его возраста трудно было ожидать чего-либо иного.

Я установил парники и засеял несколько акров, после чего мы с Мэвис стали совершать длительные прогулки по сумрачным лесам и зеленым лугам. Однажды мы устроили пикник и расположились со своим завтраком неподалеку от маленького водопада. Распущенные волосы легко ниспадали по плечам Мэвис, а ее голубые глаза смотрели на меня смутно зачарованным взглядом. При этом она выглядела до того не шпионоподобной, что я вынужден был снова и снова напоминать себе о том положении, в котором мы находились.

— Билл,— немного погодя, сказала она.

— Что? — спросил я.

— Нет, ничего.— Ее пальцы настойчиво теребили травинку.

Я не мог взять в толк, что она хотела сказать. Но ее рука оказалась рядом с моей. Наши пальцы встретились...

Молчание длилось несколько минут. Никогда в жизни я не был так счастлив.

— Билл?

— Да?

— Билл, дорогой, если бы вы только могли...

Я никогда не узнаю, что она собиралась сказать и что бы я ей ответил, потому что в это мгновение оглушительный рев мотора разорвал тишину: прямо на нас с неба стремительно опускался звездолет!

Пилот Эд Уоллес оказался седовласым стариком в замызганном плаще и низко надвинутой на глаза шляпе. Он отрекомендовался агентом фирмы Гидроочист, занимающейся хлорированием воды в межпланетном масштабе. Поскольку мне не требовались его услуги, он извинился и тут же собрался нас покинуть, чему, однако, не суждено было случиться. Его мотор сделал один оборот и решительно заглох.

Я осмотрел двигатель и обнаружил, что одна из сфинкс-электронных ламп вышла из строя. Чтобы сделать новую ручным способом, мне потребовалось бы не меньше месяца.

— Ах, как это ужасно! — пробормотал он.— Кажется, мне придется остаться у вас.

— Представьте, мне тоже так кажется,— ответил я.

Его взгляд, устремленный на звездолет, выражал тягостное недоумение.

— Ума не приложу, как это могло случиться,— сказал он.

— Действительно непонятно. Не могла же она выйти из строя только от того, что вы распилили ее ножовкой? — бросил я, уходя: при осмотре от меня не укрылись весьма недвусмысленные следы пилки.

Мистер Уоллес сделал вид, что не слышал моих слов.

В этот вечер я подслушал его рапорт по межпланетному радио, которое, кстати, функционировало безотказно. Местом его службы почему-то оказался не Гидроочист, а Центральное Разведывательное Бюро.

Из мистера Уоллеса получился отличный огородник, несмотря на то, что он большей частью шнырял вокруг с блокнотом и фотоаппаратом в руках. Его присутствие побуждало юного Роя ревностнее относиться к своим обязанностям. Как-то сами собой прекратились наши с Мэвис прогулки по тенистым лесам, и все не представлялся случай вернуться в зеленые луга, договорить недосказанные слова.

Наш маленький поселок между тем процветал. Вскоре начали прибывать новые гости. Сначала к нам опустилась супружеская чета из Областного Разведывательного Бюро, представившаяся в качестве сезонных сборщиков фруктов.

За ними последовали две девушки-фотографа, тайные представители Исполнительного Информационного Бюро, а затем появился молодой репортер, в действительности посланец Айдахского Совета по Охране Межпланетной Морали.

К моменту отлета у всех неизменно выходила из строя сфинкс-электронная лампа.

Я не знал, радоваться мне или горевать. За мной одним следило полдюжины Шпионов. Но — увы! — все они были далеко не первый сорт. После нескольких недель пребывания на моей планете каждый из них с головой погружался в сельскохозяйственные заботы и забрасывал свои основные обязанности.

Я пережил немало горьких минут. Мне представлялось, что меня рассматривают как своего рода учебное пособие для новичков, нечто, на чем они набивают руку. Меня использовали в качестве Подозреваемого для слишком старых или слишком молодых, для неспособных, безответственных или просто никуда не годных Шпионов. Я казался себе немаловажным звеном в осуществлении широкой программы охвата пенсионеров общественно полезным трудом.

Но должен признаться, что все это в общем мало беспокоило меня. Я занимал солидное, хотя и не вполне поддающееся определению положение. Я чувствовал себя счастливее, чем когда-либо на Земле, а мои Шпионы оказались приятными и уживчивыми людьми.

Наша маленькая колония жила спокойно и счастливо, и мне не приходило в голову, что что-либо может нарушить безмятежный ход этой жизни.

Но одной роковой ночью необычайное волнение поднялось среди моих Шпионов. Казалось, какое-то важное сообщение поступило к нам. Все приемники лихорадочно работали, и я вынужден был попросить нескольких Шпионов перейти на совместное их использование, дабы предотвратить сгорание моих генераторов.

Затем Шпионы выключили приемники и стали совещаться. Их взволнованный шепот не давал мне уснуть почти до рассвета. Утром я нашел их всех в гостиной с мрачными, вытянутыми физиономиями. Мэвис заговорила первой.

— Произошло ужасное несчастье,— обратилась она ко мне.— Но вначале, Билл, мы должны открыть вам одну тайну. Мы совсем не те, за кого себя выдаем. Мы все правительственные Шпионы.

— Не может быть! — сказал я (мне не хотелось оскорблять их самолюбия).

— Увы, это правда, — сказала она.— Мы шпионили за вами, Билл.

— Не может быть,— повторил я.— Неужели даже вы, Мэвис?

— Даже я... — проговорила она с несчастным видом.

— Но теперь все кончено,— выпалил юный Рой.

Я вздрогнул.

— Что случилось? — спросил я.

Они переглянулись. Тогда мистер Уоллес сказал, нервно теребя мозолистыми руками поля своей шляпы:

— Билл, при недавней проверке выяснилось, что этот участок Космоса не является собственностью Соединенных Штатов!

— Чей же он в таком случае? — спросил я.

— Спокойствие, Билл! — проговорила Мэвис.— Постарайтесь понять. Весь этот сектор был ошибочно опущен при международном разделе Космоса, так что любая страна может заявить на него свои права. А так как вы заняли его первым, то теперь весь этот участок Космоса в несколько миллионов квадратных миль принадлежит вам.

Потрясенный, я не мог произнести ни слова.

— И таким образом,—продолжала Мэвис,— наши полномочия больше недействительны, и мы немедленно улетаем.

— Но как же вы сможете улететь? — воскликнул я.— Ведь я же не заменил вам испорченные сфинкс-лампы?

— У нас у всех есть запасные лампы,— сказала она мягко.

Наблюдая, как они брели к своим звездолетам, я мысленно рисовал себе ожидавшее меня одиночество. Никогда больше не ощущать мне на себе бдительного ока моего правительства. По вечерам я уже не услышу за собой шагов, не обернусь и не увижу сосредоточенное лицо Шпиона позади. Никогда больше уютное жужжание старой фотокамеры не скрасит моих дневных трудов. Никогда больше шипение неисправного магнитофона не убаюкает меня на сон грядущий.

И все-таки их участь была еще печальней. Эти бедняги, эти старательные, нескладные, бездарные Шпионы возвращались в энергичный и стремительный мир конкуренции. Где еще найдут они такого Подозреваемого, как я, и такое спокойное место, как моя планета?!

— Прощайте, Билл,— сказала Мэвис.

И только когда я увидел, как она направляется к звездолету мистера Уоллеса, я вдруг осознал, что она уже больше не мой Шпион.

— Мэвис!— воскликнул я и бросился за ней.

Она быстро шла к звездолету. Я схватил ее за руку.

— Подождите, Мэвис... Я давно хотел сказать вам... еще тогда, в звездолете... и потом на пикнике...

Она попыталась вырваться от меня. И тогда каким-то скрипучим и отнюдь не романтичным голосом я проговорил:

— Я люблю вас, Мэвис!

Она оказалась в моих объятиях. Мы поцеловались, и я сказал ей, что ее дом здесь, на этой планете, с тенистыми лесами и зелеными лугами. Да, здесь и со мной! От счастья она не могла проговорить ни слова.

Когда юный Рой узнал, что Мэвис остается, он тоже решил не улетать. Овощи мистера Уоллеса как раз начали созревать, и ему так хотелось самому присмотреть за ними! Тут у каждого нашлись какие-то дела, которые никак нельзя было бросить на произвол судьбы.

И в результате я король, повелитель, диктатор, президент, одним словом, любое лицо, каким мне вздумается себя назвать. Ко мне пачками стали прибывать Шпионы из всех стран, не говоря уж об Америке. Вероятно, я буду вынужден вскоре начать ввозить продукты питания, чтобы прокормить всех моих подданных. Однако другие правители начинают проявлять нежелание сотрудничать со мной. Они уверены, что я подкупом переманиваю их Шпионов.

Но, богом клянусь, это неправда! Их Шпионы приходят ко мне сами!

Мое мягкосердечие не позволяет мне прогнать их, и я не могу выйти в отставку, поскольку планета — моя собственность. Одним словом, голова идет кругом от всех этих осложнений.

Вы, возможно, думаете, что если все мое население состоит из бывших правительственных Шпионов, мне ничего не стоит сформировать свое собственное правительство. Ничего похожего! Они совершенно не поддаются организации. Они и слышать не хотят об этом. Я являюсь абсолютным повелителем планеты фермеров, доярок, пастухов и скотоводов, так что, по-видимому, голод мне все-таки не угрожает. Но дело совсем не в этом. Дело вот в чем: как, черт возьми, я должен управлять планетой, когда ни один из этих людей не хочет шпионить для меня?

Перевели с английского
Н. и Л. КОЛЕСНИКОВЫ.

Г. КУЛИКОВСКАЯ, Д. УХТОМСКИЙ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Один день из жизни сверстницы Жени N.

РАЗВЕ МОЖНО БЕЗ ЛУГАНКИ?

В редакцию пришло письмо. Тонкий голубой конверт, и в нем двойной листок из простой ученической тетради в линейку — одно из многих сотен писем на имя Жени N. (смотрите «Огонек» № 12). Вот оно:

«Я прочитала письмо Жени, и оно меня взволновало. Мне стало жаль девушку, мучавшуюся почему-то от стыда за свою работу, девушку, которая при всем своем старании не смогла поступить ни в институт, ни в техникум... Но больше всего меня удивило, зачем Женя стремилась в город. Ведь можно же найти для себя дело и в своем колхозе.

Я вот, например, тоже окончила десять классов. Но я и не думала сразу поступать куда-то и даже профессию не подбирала заранее, осталась в родном селе. Работаю я почтальоном и очень люблю свою работу. Беспокоюсь, чтобы вовремя доставить всю корреспонденцию, которую мне поручают, и рада, когда чувствую, что меня везде ждут.

Прошло два года, я выработала «практический стаж». За это время выбрала себе профессию. Хочу быть агрономом. Для этого нужно поступить в сельскохозяйственный техникум, а потом снова вернусь в свою Луганку. Мне хочется на всю жизнь остаться в родном селе и работать тут, работать, чтобы оно было еще лучше, еще краше. От всей души уважаю свой колхоз, который первым в районе перешел на денежную оплату труда. Мне кажется, что если я здесь останусь, то принесу ему пользу.

И вот тебе, Женя, я советую поработать в своем поселке, выбрать любимое дело, а потом уже идти учиться. Если серьезно подготовишься, то, конечно, сдашь экзамены, и твоя мечта будет осуществлена. В этом я более чем уверена.

Сообщай мне о своей дальнейшей жизни, Женя. Мой адрес такой: Белгородская область, Шаталовский район, село Луганка. С приветом

Рита АЛЕХИНА».

Мы решили познакомиться с автором этих строк. Как живет Рита Алехина? О чем мечтает? Что представляет собой ее Луганка, о которой она пишет с такой теплой, дочерней любовью?..

— Ты готова? — спрашивает Лида.

Секретарь партийной организации Александра Федоровна Толстых.

Как тут не помочь!

Почта идет...

Шаталовка со своими пыльными, серыми и гористыми улочками встретила нас без весенних красок. Только в яру сочно зеленели луга, ольховники и ивы. В низких зарослях спряталась речка со странным названием — Потудань. А уж за Потуданью, вон на другом ее берегу, лежит Ритина Луганка. Длинным ожерельем сверкают на солнце ее аккуратные белостенные хатки. Где-то в одной из них, может быть, вон под той соломенной папахой, припудренной мелом, и живет наша заочная знакомая?

Где же она сама в этот утренний час? Не на почте ли? Поспешим туда.

Шаталовка — центр района, здесь колхозный почтальон получает каждый день свою нелегкую ношу. Да, Рита была еще на почте. Светловолосая девушка в синем плаще и легкой голубой косынке разбирала и укладывала газеты. Шаталовский район глубинный. Пятьдесят километров отсюда до железной дороги в Старом Осколе. До Белгорода — все двести.

Газеты и журналы, письма и открытки, переводы и пенсии... Сумка набухла и отяжелела. Рита перекидывает ремень через плечо и выходит на улицу. На ее пути школа, в которой она училась, клуб, в который ходит с подружками на вечера, строящееся здание кинотеатра, новый магазин. Мостик через Потудань, и вот уже Шаталовка позади.

Встречный ветер сегодня сильный, бьет прямо в лицо. Нежная кожа на девичьем лице покрылась коричневым загаром. У нее огрубевшие руки, знающие много всяких дел. Сеяла она ими кукурузу и полола овощи, сажала тополя возле школы в Луганке, которые вымахали сейчас выше дома... Может она и корову подоить и сплести из лозы плетень, а в другой раз вышить дорожку или скатерть, которая будет на диво. Многое умеют ее руки!

— Эгей, Рита! Садись, подвезу.

Это догоняет нас в легкой таратайке секретарь партийной организации колхоза Александра Федоровна Толстых. Она едет в первую бригаду посмотреть сев и всходы. Рита с радостью принимает приглашение. Жизнь полей, сложную, идущую по своим собственным законам, интересно узнавать не по книгам. Особенно, когда рядом будет такой опытный в этих делах человек, как Александра Федоровна. Она ведь, кроме всего, агроном. Может быть, и Рита через несколько лет станет агрономом?

Вместе с Толстых Рита побывала на свекловичном и кукурузном полях.

На молочнотоварной ферме у Риты много подписчиков: доярки, пастухи, скотники. Валю Крынину еле разыскала — она провожала коров после дойки на пастбище. Валя тоже окончила десятилетку и сразу пошла на ферму. Ее лучшей дояркой называют. Теперь она мечтает о Харьковском зоотехническом институте. Посылала запрос туда. И вот Рита письмо принесла.

— Из института, да? — спрашивает Рита.— А ну прочитай!

— Из института. Пишут, чтобы документы высылала.

...Наконец на все производственные объекты почта доставлена. Теперь осталась сама Луганка. Надо заглянуть почти в каждый дом на длинной-предлинной, единственной в селе улице. Тянется она от моста километра на четыре. Вся в зеленом кружеве: в молодых кленах, березах и ракитах. Стоят на ней рядочками и группками вокруг хат серебристо-парчовые — их здесь называют по-украински «белолысками» — тополя. Очень любит эту улицу Рита. Нет на ней ничего особо выдающегося — ни клуба, ни даже волейбольной площадки, живут тут не очень, видно, охочие до спорта парни и девчата. Но спросите у кого-нибудь из них: «Не скучновато вам? В городе, небось, интереснее...» И вам с обидой ответят: «У нас тоже будет хорошо. Клуб летом колхоз построит, стадион сделаем сами...»

Похудела, полегчала почтальонская сумка. Остались в ней только нераспроданные открытки да марки. Теперь можно домой. Живет Рита с матерью вдвоем. Мать работает на поле, значит, почти все домашнее хозяйство на плечах дочки: и огород, и сад, и корова Зорька — в общем, все. Только управилась с делами, стала причесываться — стук в окно.

— Ты готова?

Это Лида Месяцева, закадычная подружка. Вместе учились, вместе кончали десятый класс и теперь тоже вместе, но не по утрам, а вечерами: то на прогулке, то на молодежном вечере, то за шахматной доской, за учебниками. Сегодня визит к Зое Григорьевне Рощупкиной.

Лида — учетчик бригады. Работа у нее сейчас самая хлопотная. При денежной системе оплаты надо у каждого буквально каждый час учесть. Но Лида освоила это дело. Ей хочется теперь учиться. А что, если в финансовый техникум? И с кем же посоветоваться обо всем этом, как не с любимой учительницей?

Зоя Григорьевна приветливо встретила подружек. Сорок два года проработала она в школе, а сейчас на пенсии. Но в ее домике редко бывает одиноко. Приходят сюда и тимуровцы и люди взрослые, ее воспитанники.

— А не пойти ли тебе, Лида, в кооперативный институт?

Что же касается Риты, то вопрос о ее будущем уже обсуждался. Рита часто здесь бывает. Зоя Григорьевна — ее подписчица.

Тихим вечером возвращаются девушки. Гомонят вразнобой лягушки. Белеют тонкими, молодыми стволами яблоневые сады. А за ними лежат широкие разливы недавно вспаханной земли.

И думается Рите: разве ж есть еще такая другая Луганка? Разве ж можно без Луганки?

— А ну прочитай, Валя...

Утром Рита забирает почту.

Зоя Григорьевна всегда даст хороший совет.

Еще не выехав из Москвы, я совершал уже путешествие по Чувашии.

Читал книги о ней и в одной из книг прочел запись, которую сделал Карл Маркс, изучая присланные ему из России отчеты царских податных комиссий. Он записал в своей тетрадке, выводя некоторые слова по-русски: «...в **Чебоксарском** уезде заработки, почти исключительно у лесопромышленников и на пристанях, так ничтожны, что, по сообщениям управы, **народ здесь от недостатка пищи ослабел...»**

Встречался я перед поездкой в Чувашию с людьми, хорошо знающими этот край. И, конечно же, побывал у живущих в Москве внуков Ивана Яковлевича Яковлева, замечательного просветителя, «чувашского Ломоносова», создавшего для своего народа письменность. Я немало знал о нем и прежде, но теперь, в доме Яковлевых, слушая рассказы Ольги Алексеевны и Ивана Алексеевича, перебирая письма, фотографии, я как бы заново прикоснулся к удивительной судьбе их деда, сиротинки-поводыря из глухой деревушки, пробившегося к знаниям, ставшего патриархом чувашской культуры.

Передо мной в трогательных подробностях прошла история необыкновенной дружбы двух подвижников на ниве просвещения: Ильи Николаевича Ульянова, директора народных училищ Симбирской губернии, и его молодого коллеги Яковлева, инспектора чувашских школ Казанского учебного округа. Он, Яковлев, жил в Симбирске потому, что здесь находилась основанная им Центральная чувашская школа, готовившая учителей для всех остальных, разбросанных по деревням Поволжья. Яковлев был на семнадцать лет моложе Ильи Николаевича и преклонялся перед ним, как перед пастырем своим и наставником. Разве смог бы Иван Яковлевич без помощи Ульянова сделать столько для просвещения своих соплеменников! Ведь и русскую-то школу открыть в селе было делом труднейшим. А уж инородческую, чувашскую — мука! И в преодолении этих мук Илья Николаевич был соратником бесценнейшим. Вместе добивались разрешения на закладку школы. Вместе раздобывали строительные материалы, дабы не походила она на курную избу с черным полом. Вместе разъезжали по уездам. Зимой начинали с первого санного пути и до рождественских каникул, а по весне с первого сухопутья и до конца занятий, инспектируя существующие чувашские школы и подыскивая места для новых. Между прочим, одна из них была открыта в селе Пандикове за месяц до рождения в семье Ульяновых сына Володи и стала, таким образом, ровесницей будущего вождя рабочего класса...

Дружеские, можно считать, братские отношения между двумя страстными ревнителями просвещения распространились и на их семьи. Жена Ульянова, Мария Александровна, многодетная и многоопытная мать, всячески опекала молоденькую Катю Яковлеву, сравнительно недавно ступившую на эту стезю. Дружили и дети, особенно сверстники: первенец Яковлевых Алеша и Митя, младший сын Ульяновых. Но и гимназист-старшеклассник Володя не прочь был порой примкнуть к ним, составляя компанию в заплывах через Свиягу, на берегу которой стоял дом Яковлевых... Однажды в этот дом, в печальный январский вечер, прибежал Володя Ульянов, разыскивая братишку, и, найдя его играющим с Алешей, взял за руку и сказал: «Митя, скорей домой...» А в передней шепнул Ивану Яковлевичу: «Дядя Ваня, папа умер...»

После смерти Ильи Николаевича Яковлев оставался для его семьи ближайшим и самым верным другом, на которого вдова могла уповать во всех своих заботах о детях. Двое из них, студенты Анна и Александр, учились в Петербурге, а четверо жили при матери, и старшим был Володя. Иван Яковлевич наблюдал, как удивительно быстро мужает этот юноша, каким сильным, волевым человеком становится он. И Иван Яковлевич попросил Володю об одной услуге: помочь Охотникову. То был чуваш, воспитанник Яковлева, учитель арифметики, собиравшийся продолжить образование в университете. А для этого ему не хватало знания древних языков. И вот Володя по просьбе Ивана Яковлевича, которого он очень уважал, начал обучать греческому и латыни взрослого, старше себя на семь лет, семейного человека. Занятия продолжались полтора года, по три раза в неделю. И Охотников, с отличием сдав экзамены, получил аттестат зрелости в один день с Володей, закончившим к тому времени гимназию. Охотников был так благодарен своему искусному юному репетитору, что первенца-сына назвал в его честь Владимиром.

В тяжкую годину, когда на семью его умершего друга обрушилось чуть не вослед еще одно страшное несчастье — арест и осуждение к смертной казни Александра Ульянова,— Иван Яковлевич в отличие от большинства знакомых Марии Александровны, боявшихся даже здороваться с ней на улице, мужественно поддерживал Ульяновых в их беде. Он предпринял через близких ему людей, имевших связи в высших кругах столицы, энергичные, хотя и тщетные, хлопоты, чтобы спасти жизнь приговоренному... Об этом хорошо знал Владимир Ульянов, помнил это и на всю жизнь сохранил теплое чувство к Ивану Яковлевичу.

И был час, когда Владимир Ильич помог старику. Это случилось в первый год существования Советской власти. Ретивые головы в Симбирске хотели отстранить старого Яковлева от заведования чувашской учительской семинарией. Он пожаловался на то в письме сыну, живущему в Москве, профессору-историку. Алексей Иванович, знавший Ильича с детских лет, много раз встречавшийся с ним в эмиграции, отправился с посланием отца в Кремль. И в Симбирский Совдеп ушла телеграмма председателя Совнаркома: «Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни».

Этот документ широко известен.

А недавно, года три назад, внуки Яковлева обнаружили в архивах своего покойного отца еще один бесценный ленинский документ. В записке на имя управляющего делами Совнаркома Владимир Ильич просит послать в Симбирский Совдеп вторую телеграмму по поводу старика Яковлева. А на обороте еще просьба: достать подателю пропуск, как гостю, в ЦИК.

— «Податель» был мой отец,— говорит Ольга Алексеевна.— Он пришел к Владимиру Ильичу проинформировать его, как обстоят дела в Симбирске. И между разговором высказал желание побывать на очередном заседании ЦИК...

Ольга Алексеевна, как и ее отец,— историк. Она кандидат наук, занимается древнерусским бытом. Ей принадлежит честь открытия ныне знаменитой Пискаревской летописи, по-новому освещающей ряд событий на Руси XVI—XVII веков... Иван Алексеевич, брат, тоже, как отец, профессор Московского университета, но его научные интересы лежат совсем в другой области: он доктор физико-математических наук. Оба, брат и сестра, родились и всегда живут в Москве. Но родина их деда дорога им, они прекрасно знают этот край, там у них множество друзей. И уходя от Яковлевых, я уносил в своем блокноте десятки адресов, где, приехав в Чувашию, «должно непременно побывать».

...Среди прочих адресов был и такой: село Аликово, школа-десятилетка.

Вхожу на школьный двор, сплошь заставленный ребячьими велосипедами, отворяю дверь и сразу ловлю на себе два строгих взгляда. Два пожилых человека в старинных форменных сюртуках испытующе глядят на меня со стены: кто такой? Откуда явился?

Школе 88 лет. А считается, что она еще старше, что ей за сто. Но разве то была школа? С пяток ребятишек собиралось у попа в церковной караулке. А потом приехал Яковлев, созвал мужиков на сход, представил им молоденького учителя-чуваша, которого привез с собой из Симбирска, уговорил бревна возить с Волги. Дом, собранный из тех бревен, и ныне стоит, подновленный, голубенький. Тут — младшие классы. А начиная с пятого — в большом полукаменном здании. Рядом еще один учебный корпус, мастерские, дома для учителей, гараж, своя маленькая электростанция, крольчатник, свинарник — целый школьный городок с собственным стадионом, садом, пасекой, огородом...

В историческом журнале школы, который ведется издавна, я прочел, что в Аликове не раз бывали с инспекторскими смотрами И. Н. Ульянов и И. Я. Яковлев. Оба были строги, взыскательны. И мне подумалось: а что, если Илья Николаевич и Иван Яковлевич нагрянули бы сейчас с инспекцией в Аликовскую школу? Какой нашли бы они ее? Что записали бы в свой инспекторский акт?

Полагаю, что им доставило бы удовольствие познакомиться с директором Петром Димитриевичем

А. СТАРКОВ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Л. Кабачек. ПОРТРЕТ БРИГАДИРА А. И. ПЕРЕПЕЛКИНА.
Из серии «Люди колхоза «Гвардеец», Чувашская АССР».

Н. Веселова, Л. Кабачек. ПРАЗДНИК В ВОРОНОВО (Чувашия).

Л. Кабачек. У КЛУБА.

Л. Кабачек. ПОБЕДИТЕЛИ СКАЧЕК.

Л. Кабачек.
ПОРТРЕТ ДОЯРКИ
Р. Н. КУЗНЕЦОВОЙ.

ЛЮДИ ЧУВАШИИ

Новая Чувашия, ее люди, простые труженики, привлекли внимание ленинградских художников Н. Веселовой и Л. Кабачека.

Может быть, Л. Кабачек увидел однажды бригадира А. И. Перепелкина, возвращающегося с работы после напряженного трудового дня. Приустал он, хозяин своей земли. И захотелось бригадиру постоять минутку, посмотреть на то, что сделано за день.

А вот доярка колхоза «Гвардеец» Р. Н. Кузнецова. Чуть-чуть удивлена она тем, что художник захотел ее написать: «Что я такого особенного сделала, чтобы с меня портрет-то писать!..» Не знает, куда положить натруженные загорелые руки: не привыкли они быть без дела. Видно, что веселая она, еле сдерживает улыбку.

Один из победителей скачек бережно держит новехонький приемник. Он несколько смущен всеобщим вниманием.

Умеют хорошо отдохнуть и повеселиться чувашские колхозники. Будто слышишь переборы гармоники, звонко разносящиеся в чистом воздухе.

А другие спешат посмотреть новую кинокартину. Собрались у клуба задолго до начала сеанса, поджидая своих близких.

Полна динамики, необычна по композиции, удивляет буйными красками картина «Праздник в Вороново» Н. Веселовой и Л. Кабачека. Здесь все празднично, ярко. Все увидено в жизни и перенесено на полотно кистью размашистой и энергичной.

Л. Курбатова

Димитриевым, человеком хозяйственным, домовитым, преподающим географию, которую сам он начал изучать практически еще на войне, командуя дивизионом гаубичных пушек, прошедшим из глубины России до Берлина... Как сторонники необходимости трудового воспитания в школе, употребившие на это немало сил, инспектора нашли бы в Димитриеве ярого приверженца такого же взгляда. Они узнали бы, что школа выпустила в прошлом году 13 шоферов, 18 киномехаников, 20 столяров, 15 садоводов, чья квалификация удостоверена дипломами; что четверо из прошлогоднего выпуска работают уже бригадирами в колхозе; что на десяти гектарах, предоставленных колхозом школе, ребята вырастили 5 тысяч центнеров кукурузы... Но не перетруждают ли здесь школьников? О, у них только аппетит разгорается от работы! Как приятно прикатить с поля на грузовике, капитально отремонтированном собственными руками, в столовую, где все столы и табуретки сколочены ребятами же в школьных мастерских, и получить на первое щи, сваренные юными поварами из капусты со «своего» огорода, а на второе — котлеты из «своей» свинины и запить все это чайком с вареньем, которое приготовили девочки-«домоводки» из ягод пришкольного сада, взлелеянного, конечно же, ребячьими усилиями...

Думаю, что и завуч Иван Алексеевич Агафонов произвел бы на строгих инспекторов благоприятное впечатление. Им достаточно было бы заглянуть ну хотя бы в физический кабинет, чтобы убедиться, на каком уровне ведется в школе учебное дело. В распоряжении учителя физики — действующие модели реактивных самолетов и ракеты, такой же действующий макет автоматической насосной станции, зарядный агрегат для аккумуляторов, радиоприемники и передатчики разных конструкций и множество других «наглядных пособий», среди которых лишь изредка попадаются покупные — почти все сработаны кружком юных физиков. Сам завуч — преподаватель немецкого языка, первые навыки которого он приобрел несколько в необычных условиях — в лагере для пленных, куда попал контуженным в бою. Из лагеря бежал и изучение языка продолжил уже в качестве начальника штаба партизанского отряда, сражавшегося в Судетах. У чуваша Агафонова чехословацкая медаль «Русскому партизану». Он показал мне письмо, недавно полученное им из университета города Брно. Кафедра истории просит прислать воспоминания о партизанской поре... Кстати, о международных связях Аликовской школы. Ученики ее в переписке со школьниками десятков городов Европы и Азии. Наиболее оживленная связь с ГДР, поскольку аликовцы изучают немецкий. Почтальон, кроме писем, приносит пачки газет и журналов из Берлина. В школе выходит стенная газета на немецком языке «Фрейндшафт». Валечка Архипова, из 10-го класса, читала на школьном вечере стихи Гете, переведенные ею с оригинала на чувашский язык...

Покидая школу, я снова прохожу мимо портретов Ульянова и Яковлева. И мне кажется, что суровый взгляд Ильи Николаевича смягчился, стал добрее. «Ну, что,— как бы спрашивает этот взгляд,— понравилась вам школа, основанная моим коллегой? Мы с ним считаем, что она находится в хороших руках. Не правда ли, Иван Яковлевич?..»

...Побывал я еще в одной из девятисот школ республики — в Пандиковской, в той, что —помните?— была открыта за месяц до рождения Володи Ульянова. А к 90-летию со дня рождения Ленина ученики Пандиковской семилетки посадили лес. Пока он, этот лесок, с ноготок. Да-да, в буквальном смысле вышиной с ноготок. На площади в гектар с небольшим высажены две с половиной тысячи лиственниц-однолеток. Каждый саженец в полтора сантиметра ростом. Крошечные, тоненькие веточки. Как легко их растоптать, как легко погубить весь этот лесок! Но никто его не растопчет, не сгубит! Ребячья охрана бдительна — даже цыпленку не проскользнуть на эту поляну. Хотите представить себе, какой поднимется здесь лес? Взгляните вон туда, где темнеет густой, подпирающий небо лесной массив. Там ели, четыре тысячи елей-громадин, стоящих сомкнутым солдатским строем. Кроны их высоко взметнулись над землей. Они похожи на корабельные сосны — так высоки и стройны. А тоже ведь были, ну, не с ноготок, так с ладошку. Я видел там, на опушке, столб с мемориальной доской: «Этот лес заложен в 1925 году в память Владимира Ильича Ленина». Сажали ребята из Пандиковской школы, те, которым сейчас за пятьдесят. У каждого своя судьба, своя жизнь. А вот общее дело их рук—чудесный памятник вождю, могучий, вечно зеленый, ветвями шумящий...

II

В чебоксарских архивах обнаружился прелюбопытнейший документ. В рапорте за № 148-12 от 1911 года полицейский чин доносит своему начальству: «В 25 верстах от Чебоксар в селении Томак-кассы некий валяльщик сапог и плетенщик тарантасных корзин Гаврил Федоров занимается распеванием вольнодумных песен...» На донесении резолюция: «Оному еретику не позволять распевать песни. Пусть занимается у себя плетением и валянием...»

Спрашиваю Филиппа Мироновича Лукина, председателя Союза композиторов Чувашии:

— А что сталось с Федоровым?

— Как что? Продолжал петь. И нынче поет...

— Сколько же ему сейчас?

— Восемьдесят третий. Хотите повидаться? Можем съездить к старику.

Поехали. По дороге Филипп Миронович рассказывал мне о Федорове, народном певце Чувашии. О нем услышали в начале тридцатых годов. В то время Лукин кончал музыкальное училище в Чебоксарах, директор которого, композитор Максимов, был большим знатоком народной музыки. Услыхал он, что в Томак-кассы живет человек, знающий на память множество песен. Забрал учеников, поехали поглядеть на певца и застряли в деревне на месяц, вызвав к себе на помощь еще студентов Ленинградской консерватории. В тот раз записали 424 мелодии. Сокровище необыкновенное! Песни трудовые, рекрутские, гостевые, свадебные, масленичные, посиделочные, хороводные, игровые. Федоров не сочинял их, а ловил всю жизнь с губ поющих. Родится песенка на посиделках, прозимует зиму и растает, уступив место другой. Но Федоров ту, прежнюю, уже успел упрятать в свой невидимый музыкальный сундучок. Ох, сколько их там набралось! И какой в том сундучке порядок! Каждая песенка знает свой шесток, свою полочку. Вот услышанные в детстве. Вот подобранные в своей деревне. А вот подслушанные в деревнях, которые на восток от Томак-кассы. А эти с берегов реки Цивиль. А те северянки... Певца не собьешь, у него абсолютная музыкальная память. Перетасуйте его песни, спойте их в любом порядке, пропустив одну, и он тут же обнаружит пропажу. Или назовите только номер, под которым много лет назад записали мелодию, и певец сразу же найдет ее в глубинах своей феноменальной памяти. Он как бы приоткрывает крышку своей волшебной шкатулки — и уже вспорхнула, взлетела нужная вам песня. Их записано ныне от Федорова 750! Издан сборник его песен, готовится к выпуску полное их собрание. Но говорят, что запасы этой редчайшей песенной кладовой далеко не исчерпаны...

...Старик он еще крепкий. Борода седая, а в густой шевелюре каждую сединку нужно выискивать. Глаза широко раскрытые, по-детски ясные. Но, здороваясь, протягивает руку мимо моей. Слепой. Зрение потерял 42 года назад. Вот судьба! Полжизни, в темную глухую пору, прожил зрячим, а посветлела жизнь — начал слепнуть. А вот голос, голос почти не утратил былой свежести — не очень сильный, но чистый, как слезинка, тенорок.

Знает ли он о найденной в архивах бумаге? Нет, не слышал об этом. Но помнит, как явился к нему урядник и запретил петь. Да разве упрячешь песню в клетку! С ней, с песней, как бывает? И старик поет по-чувашски про песенку, которую один певец держал меж зубов, долго ее не выпуская, а пошел в дремучий лес, раскрыл рот — и потерял свою пленницу, и пошел дальше в чащу искать песню, и никак не мог ее найти, и вдруг увидел сторожку лесника, постучался, выглянула в окно лесникова дочка с найденной ею песенкой в зубах, и только открыла рот, как та взмахнула крыльями и в небо — лови!

Песня не может принадлежать одному человеку. Вот он, старик, счастлив, когда радио приносит к нему обратно напетые им мелодии. Он подслушал их у людей и людям отдал, и, облетев родную его землю, песни, обновленными возвращаются в этот дом. А вчера радио принесло совершенно новую, незнакомую мелодию. Старик напевает нам ее.

— О,— говорит Лукин,— как вы верно схватили, Гаврил Федорович... Это «Шывармань», первая чувашская опера,— поясняет он мне.— Действие происходит в чувашской деревне накануне революции 1905 года. Шывармань — водяная мельница... Вчера передавали фрагменты. Скоро премьера в нашем музыкально-драматическом театре.

Старик еще и еще раз повторяет понравившуюся ему мелодию.

— Хорошая музыка, очень хорошая,— говорит он.

И мне приятно было передать эти его слова автору «Шывармани», композитору Федору Васильеву, который музыкальную свою карьеру начинал когда-то с пастушечьей дудочки. Мы встретились на репетиции. А представляете, что такое репетиция, когда до объявленной премьеры осталась неделя? Крик, душераздирающий крик дирижера: «Ужасно, ужасно! Вы губите меня!» И падающая вдруг с грохотом декорация, которой полагалось рухнуть в самый трагический момент действия. И застрявшая так же вдруг на полпути платформа с артистами: театр тут старенький, с примитивной техникой... Васильев рассеянно отвечает на какие-то мои вопросы, внезапно вскакивает и бежит через темный зал на сцену, и я, не слыша его голоса, вижу его руки, возмущенно взлетающие перед носом главного тенора; возвращается, что-то опять говорит мне и, на полслове обрывая, снова бежит через зал, но уже не на сцену, а в оркестр, к дирижеру. Нет, брать интервью у композитора во время репетиции его собственной оперы — предприятие совершенно безнадежное.

Главного режиссера театра я застиг в перерыве между репетициями двух сцен, уже за полночь. Он сидел с закатанными рукавами ковбойки, небритый, очень усталый. Разговор с Борисом Семеновичем Марковым был мне интересен не только как с постановщиком спектакля, но и как с выпускником Аликовской школы, где мы уже побывали с вами, читатель. Ту школу окончили и два брата Маркова и две его сестры. Братья — экономист и физик, сестры — филологи. Два кандидата наук и два аспиранта. Вот какой серьезный, ученый народ в отличие от него, Бориса! Он с юных, комсомольских лет деревенский «комит», балагур, весельчак, гармонист. Он и в армии был таким. И, между прочим, в силу этого обстоятельства принес с войны оружие в дом — охотничье ружье, которым наградил его командующий армией за участие в самодеятельности. Образование? Что ж, в этом смысле он даже опередил своих братьев и сестер. У него два высших образования. Он окончил два факультета московского ГИТИСа: актерский и режиссерский. Второй — с музыкальным уклоном. В Чувашии был только драматический театр. Теперь он становится музыкально-драматическим. Чуваши — народ певучий. В республике сотни хоров. Какие здесь чудесные праздники песни! А оперы своей не было. И вот рождается первая чувашская опера. Трудно быть ее повивальной бабкой... Но опера будет!

На столе у главного режиссера я видел список лиц, которых он собирается пригласить на премьеру.

В том списке, конечно, старик Федоров. И Петр Николаевич Осипов, который дважды заслуженный: заслуженный деятель искусств и заслуженный врач; и трудно определить, в какой области у него больше заслуг — в искусстве ли, коему он служит сорок лет как режиссер, артист, драматург, или в медицине, как у главного терапевта республики, автора и редактора многих научных трудов, воспитателя молодых эскулапов...

И еще одна знакомая фамилия:

Степанов. Михаил Степаныч? Так он же не имеет никакого отношения к искусству, он каменщик. Ах, вон что: соседи они с Марковым, из одной деревни, и однокашники к тому ж... Я уже взял у Степанова интервью. Мы стояли на плите перекрытия, и хотя это было не так уж высоко — четвертый этаж, — но дом строится на горушке, и отсюда далеко видать. Степаныч вел рукой вдоль линии крыш и называл корпуса, построенные его комплексной бригадой.

— Вот прядильный... Вон ткацкий, красильный, набивной. Туда подальше — химводоочистка... Школа ФЗО. ТЭЦ. А это мастерские ремонтные. Склад, еще склад. А на котором стоим, — административный корпус...

— Так вы, что ж, весь хлопчатобумажный комбинат отгрохали?

А он продолжает:

— Школа № 11... Пожарное депо... Жилые дома на улице Франко. Еще жилые...

Передохнул секундочку.

— Десять лет здесь строю. По четыре дома на год получается... До пенсии мне двадцать пять лет. Выходит, за мной еще сто домов. А говорят, каждый дом — это памятник каменщику.

Сказал и хитро прищурился. Это, мол, я специально для вас, журналиста, про памятники-то...

— Михаил Степаныч, а вон там что за здание?

— С колоннами? Театр строим. Там мои ученики работают.

Так что я был неправ, утверждая, что Степаныч не имеет никакого отношения к искусству. Имеет.

III

Председатель Чувашского совнархоза Николай Александрович Оболенский — человек новый в Чебоксарах, четвертый месяц как из Москвы. Инженер-электрик, он работал директором прожекторного завода... Узнав об этом, я, грешным делом, подумал, что ему, наверно, не очень-то сподручно в краю, где преобладает лесная промышленность. И спросил его об этом. А он мне в ответ:

— Вы, батенька, живете безнадежно устаревшим представлением о нашем экономическом районе. Ныне формируется и, можно сказать, уже определился новый его индустриальный облик. И в этом облике главное, пожалуй, электротехника! Замахнулись на славу ленинградцев и харьковчан, для которых электротехника всегда была, так сказать, фамильной гордостью. Кстати, харьковчане и посеяли тут, в Чебоксарах, первые электротехнические семена. Приехали в войну группкой в двадцать человек, а ныне вон какой электроаппаратный завод вымахало! И не так по размерам он велик, как по техническому своему размаху. Магнитные его станции повсюду знают. Собирали для Бхилаи. Отправили на прошлой неделе в Аргентину... А реле? Сказал про реле, так уж похвастаю. Всесоюзная-то научно-техническая конференция по релестроению на нашем электроаппаратном проходила! Съехались электрики в Чебоксары, вроде как в релейную Мекку... А наш завод исполнительных механизмов! Первокласснейшее предприятие, скажу вам, и с каким будущим! А завод измерительных приборов! А слаботочных реле в Алатыре! А кабельный, который в проекте!.. Нет, тут раздолье для электрика! Вы обязательно пройдитесь по нашим заводам.

Прошелся. На электроаппаратном видел, как монтируют магнитные станции. Это, кажется, единственный участок на заводе, где человеческие руки не уступают и не собираются уступать своих функций машине, автомату. В отделе кадров, подбирая монтажниц, непременно спрашивают: «Вышивать умеешь?» Только чуткие, гибкие пальцы вышивальщицы, привыкшие плести тончайший узор, могут разобраться в этом хитросплетении проводков, образующих кровеносную систему магнитной станции.

А вышивать чувашские девушки умеют! Прежде учились этому в деревнях с семи лет, а в тринадцать уже начинали вышивать в подарок суженому жениховый платок, которым накрывался на свадьбе ковш с пивом...

У меня такая осведомленность от Екатерины Иосифовны Ефремовой, главной вышивальщицы республики, прошедшей практику в этой области у своей бабушки, а теорию — в Московском высшем художественно - промышленном училище. В экспериментальной мастерской, которой она заведует, Екатерина Иосифовна показывала мне чудесные эскизы и образцы вышивок. Теперь я знаю, что такое «мудреный шов», образующий двусторонний рисунок и которым владеют только в Чувашии. Теперь я влюблен в филигранный чувашский орнамент. И мне понятен восторг, вызванный им у египтян в Каире, куда Ефремова ездила консультантом советской выставки...

Но мы отвлеклись, сойдя с электротехнической тропы. Нам — на завод исполнительных механизмов, к главному его конструктору Юрию Сергеевичу Яковлеву, сыну чуваша, учителя. Мы окунемся здесь в мир автоматики, в мир электроники. Нам расскажут о системах автоматического регулирования. Регулировать надо многое в жизни — отношения между людьми, например. Это, конечно, гораздо трудней, чем отрегулировать, скажем, температуру в плавильной печи, или давление в паровом котле, или расход горючего в топке. Но и сие довольно сложно. Человек крутил-крутил рычаги, нажимал кнопки. Устал человек, захотел, чтобы его сменили автоматы. И появилась автоматическая система регулирования производственных процессов. Это набор, цепь приборов, среди которых, вернее, замыкает которые исполнительный механизм. Он исполняет дошедшую до него по цепи команду: поднять температуру на столько-то градусов... Система хороша, но, рискуя скаламбурить, скажем: в применении ее не было системы. В каждой отрасли промышленности имелась своя схема регулирования: у металлургов одна, у химиков другая, у энергетиков третья. Принцип схожий, исполнение разное. Скажете: и производства разные. Но, оказывается, можно сконструировать систему регулирования, годную для любого производства. Такую, из приборов которой, как из кубиков, складывается любая схема. И все это можно поручить одному заводу. Понятно, заводу, отлично оснащенному, богатому умелыми людьми. Есть такой! В Чебоксарах. С чьим главным конструктором мы сейчас беседуем. Завод, только-только родившись, уже готовится взять очень высокий и трудный рубеж: не один прибор делать, а всю систему. Возьмет!

Теперь уж никого не удивишь автоматической линией станков. Но увиденная мной на заводе тракторных запасных частей привлечет внимание не только дилетанта. Станки шлифуют деталь, передавая ее «из рук в руки». Так, это — дело обычное. Наладил автоматы — и они пошли, пошли! Подналаживай лишь, если собьются с размера. Но вот тут-то и вся хитрость. Эти в подналадке не нуждаются. Они приняли на себя часть обязанностей наладчика. Электронные контролеры следят за размерами и сами командуют шлифовальным кругам: сблизиться! Абразивы-то стираются, зазор между кругами увеличивается. Но разве уследит за этим человеческий глаз! Микроны... «Контролеры» стоят по всей линии, и самому махонькому микрончику не проскользнуть у них «между рук». А наиболее бдительный караульщик в конце линии — на приемке. Подержите деталь в ладони, суньте «контролеру» — не примет, отшвырнет в сторону. Вы нагрели ее, она «потолстела» на четыре микрона, и такую «толстуху» аппарат бракует. Он ощупывает детали придирчиво, проверяя по всем статьям. А статьи такие: овальность, конусность, бочкообразность, корытность. Чуть «фигурой» не вышла — брак, загорается красная лампочка... Контрольный этот аппарат работает на электронике, на полупроводниках. Устройство настолько сложное, что главный инженер сказал мне:

— Принцип могу объяснить, а о деталях — слово наладчику!

Наладчик молоденький, бойкий, чуточку с гордецой: еще бы, такая машина в руках! Записываю имя: Геннадий Новиков. Побывал уже в армии, служил радистом в авиации. И сейчас в авиации: летчик-спортсмен, планерист. Откуда родом? Есть такая деревня Томаккассы. Ого, так он земляк старика Федорова! Он из деревни, где когда-то родилась песенка, упрятанная ныне в федоровской «шкатулке»:

Чем приметны такие, как мы,
бедняки?
Подолом шубенки в грязи —
тем мы и приметны.

Попробуйте сказать такое про этого юного хранителя электронных тайн!..

...Вернулся в Москву, а путешествие в край чувашский продолжается. Встретился тут с Василием Алексеевичем Алексеевым, который сорок лет назад присутствовал в составе чувашской делегации на заседании Совнаркома, когда принималось решение об автономии Чувашии. Ленин сказал тогда делегатам:

— Желаю успеха всем трудящимся чувашам!

Русскому народу

Педер ХУЗАНГАЙ,
народный поэт Чувашии

Россия. Волга. Ленин...
Ты — русский, я — чуваш.
Незыблем, неизменен
Союз сердечный наш.

Здесь руки мы пожали
Друг другу не впервой:
Древнейший я волжанин,
Друг старый верный твой.

Работаем мы вместе
Уже не век, не два.
Роднятся наши песни,
Обычаи, слова.

Нас породнило имя
Того, кто навсегда
Нам завещал: своими
Звать всех людей труда.

Как в бурю, Волгой вспенен,
Встает высокий вал,
Так встал над миром Ленин,
Путь к правде указал.

ВОКРУГ НАС

ДИРЕКТОР СОВХОЗА— ГЕНЕРАЛ

Письмо начиналось так:

«Дорогой Никита Сергеевич! Я, генерал-майор танковых войск запаса, рождения 1901 года, член партии с 1931 года, имею достаточный опыт работы в сельском хозяйстве и по образованию и опыту работы — инженер-механик...»

Петр Петрович Задорожный писал это письмо после семейного совета, на котором было окончательно решено ехать в деревню.

— Я же знаю, Петя, что ты без работы не можешь,— говорила Елена Александровна.— Смотри, как лучше.

Вскоре генерала вызвали в Министерство сельского хозяйства и сообщили о том, что его просьба удовлетворена. Цикл лекций по сельскому хозяйству в одном из московских институтов, производственная практика, и вот — совхоз «Заря», что в пятидесяти километрах от Днепропетровска. Около трех тысяч гектаров пахотных земель, семьсот голов крупного рогатого скота, около тысячи свиней, птицефермы, на площади в сорок гектаров раскинулся чудесный фруктовый сад, на трех гектарах заложена плантация винограда, пасека. Утопают в зелени кирпичные, крытые шифером и черепицей домики.

С первых же дней новый директор с головой ушел в работу. Пригодилась привычная дисциплина, собранность. Совсем недавно сельскохозяйственные машины были разбросаны по всей территории, а сейчас каждый трактор, автомобиль, сеялка, культиватор имеют свое постоянное место на специальной площадке для техники. Отменено ежедневное утомительное распределение нарядов, длившееся иногда по 4—5 часов. Наряды даются раз в неделю. Планы большие: надо изменить систему кормления животных, внедрить автодоение коров, отремонтировать подвесную дорогу и построить небольшой завод для переработки фруктов. Мечтает Петр Петрович пригласить к себе в совхоз на работу своих однополчан — солдат и офицеров, которые в недалеком будущем будут демобилизованы. Жилье найдется: Министерство сельского хозяйства СССР обещало директору совхоза 20 сборных двухквартирных домиков, которые можно собрать за неделю. Вырастет новая улица! У Задорожного есть и последователи. На целинные земли выехали принимать совхозы еще четыре генерала.

Ал. АХМАТОВ
Фото автора.

Совхоз «Заря», Днепропетровской области.

Директор совхоза «Заря» генерал-майор запаса П. П. Задорожный.

С телевизором в автомобиле...

Такую необычную картину мы наблюдали недавно в живописных окрестностях Свердловска: инженер Николай Павлович Пермяков и его семья, расположившись на лужайке в сосновом бору возле своего автомобиля, с увлечением смотрели телевизионную передачу...

Походный телевизор Н. П. Пермяков сконструировал сам. Питание его осуществляется как от электросети, так и от обычного автомобильного аккумулятора в 12 вольт при помощи специального преобразователя на полупроводниках. Приемник весом около одиннадцати килограммов находится в легком дюралюминиевом корпусе. В автомобиле «Волга» телевизор установлен так, чтобы передачи можно было смотреть даже во время движения автомашины.

Сейчас по примеру Пермякова походные телевизоры для автомашин сконструировали и некоторые другие свердловские любители.

Не следует ли подумать о массовом выпуске таких приемников и нашей радиотехнической промышленности?

А. ГРИГОРЬЕВ
Фото И. Тюфякова.

Юность древнего народа

Это произошло в дни Всемирного фестиваля молодежи в Москве. Площадь перед гостиницей гудела, как громадный улей. От делегации иракской молодежи отделилась небольшая группа. С возгласами «Братья наши! Сестры!» гости устремились к советским юношам и девушкам.

Так ассирийцы, живущие в Ираке, познакомились со своими соплеменниками из СССР и увидели своими глазами единственный в мире ассирийский ансамбль песни и пляски.

Известно, что ассирийский народ лишился своей государственности два с половиной тысячелетия назад. С той поры, рассеянные по чужим землям, ассирийцы стали пасынками во многих державах Востока. Во время первой мировой империалистической войны значительная часть ассирийцев переселилась на территорию бывшей Российской империи, главным образом в Закавказье. В столице Грузинской ССР Тбилиси сейчас живет около 10 тысяч ассирийцев. Среди них есть инженеры, врачи, слесари, маляры, художники, музыканты. Многие ассирийцы работают на железной дороге. В Доме культуры железнодорожников и зародился национальный творческий коллектив.

В ассирийский ансамбль приходят письма отовсюду. Пишут студенты Москвы и Ленинграда, рабочие Ива́нова и Шуи, колхозники армянских сел, в которых трудятся ассирийцы. Композитор-ассириец Вильям Даниэль из Тегерана прислал в ансамбль ноты своих песен.

«Наши национальные мелодии мы слышим только на свадьбах. Очень хотелось бы, чтоб вы приехали к нам», — пишут друзья.

«Непременно приедем! — отвечает художественный руководитель ансамбля Ангелина Михайловна Григолия.— Мы привезем вам «Поэму о Тбилиси», написанную на ассирийском языке тбилисским педагогом Давидом Ильяном, почитаем «Витязя в тигровой шкуре», споем много новых ассирийских песен, станцуем ассирийские танцы».

И. МЕСХИ

Исполняется ассирийский танец.
Фото В. Джейранова.

НА БОРТУ—МЕДИЦИНА

Над узкой, зажатой могучими горами долиной скользит легкий одномоторный самолет. На борту машины врач.

Час назад в маленьком домике на одной из улиц Сталинабада зазвонил телефон. Дежурная бортсестра сняла трубку:

— Санитарная авиация слушает!

— Примите вызов из Оби-Гарма! Тяжело заболела колхозница Назыкова. Необходимо хирургическое вмешательство...

— Врач будет!

Через минуту бортсестра сообщила:

— Готовьте самолет! Экстренный вызов...

В республике, где почти две трети территории занимают горы, широкое применение нашла санитарная авиация.

Вячеслав Андреевич Черняго — нейрохирург. Но, кажется, нет таких операций, которых не приходилось бы делать доктору Черняго в свои триста вылетов.

...В местечке Ирхт, на высоте 3 700 метров, где ведется наблюдение за водным режимом высокогорного Сарезского озера, заболел начальник метеостанции. По радио сообщили в Сталинабад. Вскоре в Хорог вылетел самолет. Дальше самолет лететь не мог: плохая погода. От Хорога до Сарезского озера по прямой немногим более 100 километров. Но между ними высочайший Рушанский хребет. И другой дороги, кроме пешеходной тропы, нет. Черняго решает идти пешком.

В Ирхте хирург, несмотря на усталость, провел сложную операцию. А через несколько дней, убедившись, что состояние больного улучшилось, Черняго отправился в обратный путь.

Оставлять больного в Ирхте было нельзя: требовалось клиническое лечение. И, как только установилась погода, больного решили вывезти самолетом. Но посадить машину можно лишь на ледяную поверхность замерзшего озера. В аэропорту заменили на самолете колеса на лыжи. Выдержит ли лед? Ведь толщина его неизвестна.

Летчик Воробьев осторожно приземляет машину, подруливает к берегу. Под лыжами начинает медленно проступать вода. Не сбавляя обороты мотора, Воробьев то и дело переруливает с места на место. Но вот больной в самолете, и летчик отрывает «АН-2» от непрочного ледяного аэродрома.

За этот подвиг Президиум Верховного Совета Таджикской Республики наградил летчика Воробьева и доктора Черняго Почетными грамотами.

Медицинские работники в тесной дружбе с пилотами ГВФ.

— Трассы у нас трудные,— рассказывает командир Виктор Павлович Иевлев.— Они проходят по долинам и узким ущельям. Посадочные площадки, как правило, ограниченных размеров. Да и расположены они на высоте двух-трех тысяч метров над уровнем моря. Нередко взлет и посадку можно производить только в одном направлении. Уйти на второй круг уже нельзя: горы. Чтобы приземлить самолет на такой «пятачок», летчик должен обладать не только точным расчетом, но и незаурядной выдержкой, смелостью.

И не было случая, чтобы по вине авиаторов задержался какой-либо вылет, чтобы они не выполнили полетного задания, каким бы сложным оно ни было. За двадцать три года здесь не было ни одной аварии или поломки.

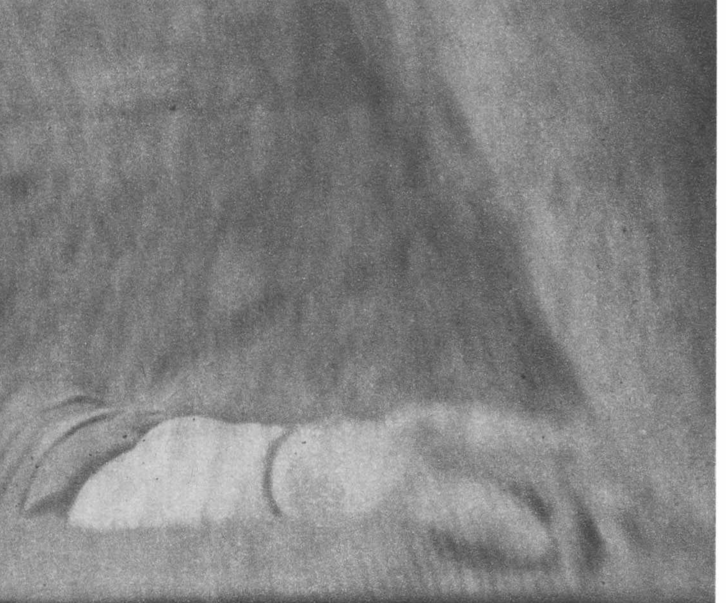
И все-таки у работников здравоохранения Таджикистана есть претензия к Аэрофлоту — отсутствие вертолетов. А их применение в условиях высокогорного рельефа местности еще больше расширит возможности санитарной авиации.

Г. СМИРНОВ

г. Сталинабад.

Фото П. Жукова.

ССТВО И БЫТ

мике, интерьеру. К большинству рисунков и эскизов мы прилагаем рабочие чертежи и выкройки, чтобы понравившийся предмет можно было без особых трудностей сделать самому.

Декоративный текстиль — вот кто входит в наш дом волшебником. В каждом номере мы даем рисунки ковров, подушек, портьер, покрывал, дорожек, даем с напоминанием: не злоупотреблять!

Краски и цвета — помощники волшебника. Мы рассказываем о новостях в окраске пола, потолка и стен, о гармонии тканей, мебели и керамических ваз.

Помним мы и о садоводах. Деревья, кусты и цветы прелестны во всяком саду. Но без красивого забора, аккуратной калитки, без расчищенных дорожек, простой удобной скамейки сад будет выглядеть как-то бледнее.

Мы не забываем о нашем этнографическом художественном наследии. Резьба по дереву, форма мебели, рисунок ковра и портьер у нас часто заимствуются из народного творчества. В альманахе есть специальный раздел этнографии. Пожалуй, ни одна страна в мире не обладает таким богатым народным творчеством, как Советский Союз. Если нам, художникам, чаще обращаться к этой сокровищнице, можно создать своеобразную, высокохудожественную культуру быта, в которой не будет места стандарту и подражательству, разным вывертам моды. Среди наших сотрудников люди, много работающие над тем, чтобы украсить быт человека. Вот архитектор Хейкки Карро — специалист по интерьеру общественных зданий и современных жилых домов.

Молодая художница керамической мастерской «Лоов Тээ» Лайне Сиса — тоже постоянный автор альманаха. Образцы художественных керамических изделий, сделанные по ее рисункам, можно встретить не только на страницах журнала, но и в магазинах эстонских городов.

В одном из номеров опубликованы рисунки тисненых обоев — новинки Таллинского целлюлозно-бумажного комбината. Плотные обои сдержанных тонов с простым рисунком хорошо подходят к стилю современных квартир.

Мастерские Художественного комбината Эстонии часто работают по эскизам альманаха; в свою очередь, мы постоянно привлекаем к сотрудничеству художников комбината.

Между редакцией альманаха и его читателями идет деятельная переписка. Вот наугад письмо из толстой папки. Автор его, Виктор Иро, шахтер сланцевого рудника Кукрузе, посылает приблизительный план своей квартиры и просит посоветовать, как целесообразнее ее обставить. Мы послали ему ответ с подробными чертежами.

Читательских писем много, и не только из Эстонии. Пишут из других республик. Просят выслать очередной номер. Я пользуюсь случаем, чтобы сообщить нашим читателям: «Искусство и домашний быт» проще всего получить через «Книгу — почтой».

ИСКУ

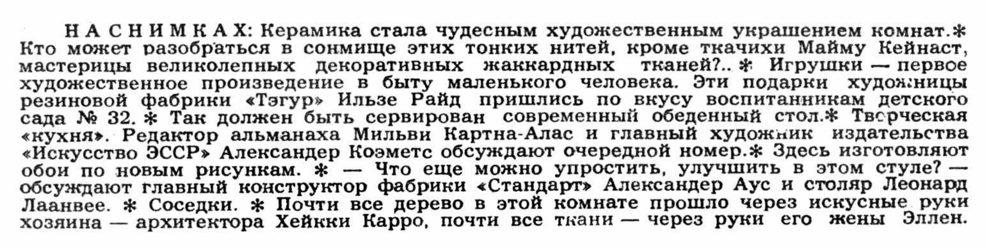
Мильви КАРТНА-АЛАС,
редактор альманаха
«Искусство и домашний быт»

Кусочком заостренного камня человек выбивает на скале рисунок — бегущего оленя. Древний гончар из куска глины лепит сосуды изящной формы. Великие зодчие разных времен создают рисунки мебели — и обыкновенный стул становится памятником искусства. Женщина в выжженной солнцем степи ткет ковры, прославившие эту степь на весь мир...

С тех пор как существует на земле человек, он стремится украсить свой дом и быт, призывая на помощь искусство. Там же, где оно гордо отворачивается от быта, поселяется крикливая, ни в чем не знающая меры роскошь или безвкусное мещанство с букетами бумажных роз и голубыми лебедями. Древняя, как мир, истина!

Наверное, путей от искусства к быту много. И, пожалуй, один из самых коротких — это пресса! В Таллине в любом книжном магазине, киоске можно купить альманах в яркой обложке. На ней два названия: «Кунст я Коду» по-эстонски и «Искусство и домашний быт» по-русски. В альманахе можно получить ответ на многие вопросы, касающиеся эстетики и быта. Какими обоями надо оклеивать комнаты? Какая мебель сейчас в моде? Как должно выглядеть окно? Какие ткани соответствуют нынешней, очень простой по конструкции мебели? Как обставить уголок для детей в однокомнатной квартире? Как ухаживать за комнатными цветами? Какие картины выбрать для разных комнат и как их развесить?

Мы попросили редактора этого альманаха искусствоведа Мильви Картна-Алас познакомить читателей «Огонька» с этим интересным изданием.

НА СНИМКАХ: Керамика стала чудесным художественным украшением комнат.* Кто может разобраться в сонмище этих тонких нитей, кроме ткачихи Майму Кейнаст, мастерицы великолепных декоративных жаккардных тканей?.. * Игрушки — первое художественное произведение в быту маленького человека. Эти подарки художницы резиновой фабрики «Тэгур» Ильзе Райд пришлись по вкусу воспитанникам детского сада № 32. * Так должен быть сервирован современный обеденный стол.* Творческая «кухня». Редактор альманаха Мильви Картна-Алас и главный художник издательства «Искусство ЭССР» Александер Коэметс обсуждают очередной номер.* Здесь изготовляют обои по новым рисункам. * — Что еще можно упростить, улучшить в этом стуле? — обсуждают главный конструктор фабрики «Стандарт» Александер Аус и столяр Леонард Лаанвее. * Соседки. * Почти все дерево в этой комнате прошло через искусные руки хозяина — архитектора Хейкки Карро, почти все ткани — через руки его жены Эллен.

Фото А. УЗЛЯНА.

— Альманах «Искусство и домашний быт» хочет помочь советскому человеку уютно и со вкусом обставить дом. Наше время требует простой, рациональной обстановки, и это требование формирует вкус. Никаких излишеств! Самая простая форма, самая простая конструкция и в то же время самая удобная. Из этих жизнью продиктованных условий исходят наши авторы — эстонские художники по мебели, текстилю, кера-

Мариэтта ШАГИНЯН

Ленинградские

1

Известно, что лучший способ знакомства с родным городом — это взять и приехать в него, как в чужой, жить в гостинице и ходить по «достопримечательностям» (хорошее слово для кроссворда!), которые иначе, быть может, вам и в десяток лет недосуг было посетить. И есть одна хорошая традиция, имеющая свои старые историко-литературные корни: ленинградцу заснуть в поезде и проснуться в Москве, москвичу положить голову на твердую подушку «голубой стрелы» и поднять ее — голову, а не подушку — уже в Ленинграде.

Этой хорошей традиции я следую ежегодно. Просыпаясь в Ленинграде, я стряхиваю с себя деловую московскую суету и как бы окунаюсь в музыкальную паузу — в то особое творческое состояние, которое на первый взгляд кажется нам отдыхом, на самом же деле есть необходимейшая строительная часть творчества и мышления. Свободное время! Свободное не «от», а свободное «для». В этом протяжении времени, внезапно открывшемся перед вами, охватившем вас со всех сторон, как охватывают душу голубые просторы неба и зеленая морская даль, глаза ваши начинают остро видеть и подмечать, ухо доносит тончайшие звуки, вплоть до шороха голубиных крыльев на площадях, усыпанных зернами, и седьмое чувство, присущее всему живому, чувство активное, деятельное, в котором все ваше существо должно участвовать творчески,— **переживание красоты** — постепенно овладевает вами. Я не случайно заставила читателя пройти со мной по этой длинной фразе и не дала редактору разрезать ее надвое. Именно с удлиненности, с ощущения раздвинутых пространств и горизонтов и начинается для москвича первая встреча с Ленинградом.

И вот я уже всем наслаждаюсь, все опять впитываю, чувствуя, как заполняет «пауза» — словно родниковая вода высохший бассейн — мое утомленное восприятие новой, свежей способностью получать впечатления. Бессмертные стройные линии знакомых набережных и дворцовых фасадов; сонные морды каменных львов, скрестивших лениво лапы у подъезда центрального архива; вечная шапка Исаакия, возникающая чуть не отовсюду в пролете домов и улиц; чеканные черные профили памятников на выпуклой эмали неба — этого никогда не бывает довольно глазам, обласканным влажным ветерком близкого за невскими гранитами моря... Но день идет к вечеру, голубая эмаль принимает особенный зеленый оттенок, все становится как бы нереальным, затягивается легким флером, и каналы, сдержанные днем, начинают дышать нездоровым, чуть кислым запахом гнили. Это спускается на Ленинград феерия белой ночи. Для ленинградцев бьет час театров.

Память сохранила мне от предыдущих посещений целый ряд великолепных театральных удач, которыми «северная Пальмира» могла бы похвастаться перед Москвой. Такие актеры, как И. М. Смоктуновский, Ю. В. Толубеев, Н. К. Черкасов, такой большой мастер, как Н. П. Акимов, такой тонкий художник, как С. Б. Вирсаладзе, не называя еще десятки достойных имен, не говоря о традициях ленинградского балета, о постоянных творческих поисках Малого оперного (бывшего Михайловского), о безупречном вкусе филармонического оркестра и славе нашей страны дирижерах Курте Зандерлинге и Евгении Мравинском,— все это могло бы обеспечить высокое наслаждение многих ленинградских вечеров. Помню, каким праздником было возобновление в Малом оперном вагнеровского «Моряка-скитальца» в музыкальной редакции Зандерлинга и под его управлением; как превосходно играл Толубеев в «Смерти коммивояжера», а Смоктуновский в «Идиоте»; как в Театре имени Кирова (бывшей «Мариинке») при соблюдении точной оркестровки самого Прокофьева был впервые поставлен его чудесный балет «Каменный цветок», и там же в великолепной геральдической рамке строгих и сумрачных декораций Вирсаладзе прозвучал бессмертный «Дон-Жуан» Моцарта. Одна из постоянных особенностей Ленинграда — обилие новых постановок, смелое обновление репертуара, смелое сценическое решение каждой новинки при очень большой культуре и уважении к театральным традициям; и многое из того, что мы смотрим сейчас в Москве, пришло к нам из Ленинграда, где оно впервые увидело, как старомодно говорится, «свет рампы».

Но в этот весенний приезд что-то произошло с ленинградскими театрами. Цепь разочарований началась с цитадели классического балета, бывшей «Мариинки». Новый балет «Берег надежды» должен был, по-видимому, показать зрителю нечто современное и даже идейное, по крайней мере судя по коротенькому либретто. В нем говорится о двух берегах — нашем и капиталистическом; о рыбаке, которого шторм загнал на чужой берег; о буржуазных соблазнах, окруживших его там; о благополучном бегстве его на родной берег. Но если забыть или не прочитать либретто, происходящее на сцене окажется совершенно непонятным и тем более лишенным смысла, чем больше пытались постановщики подчеркнуть этот смысл. Музыка (А. Петров) эклектична и клочковата, лишена всякого обаяния; танцы нестерпимо монотонны; целое скучно,—и кажется искусственной смесью стиля «модерн» конца девятнадцатого века с пролеткультом двадцатых годов. Три акта, похожих друг на друга, тянулись бесконечно, хотя балет был короче обычных наших балетов. Отдельные интересные танцы, вернее, ритмические этюды, например цепь рыбаков, представляющих вытягивание сети из моря, при всей их пластике начинали в конце концов утомлять, снова и снова повторяясь и становясь монотонными. Попытки показать жестокость и соблазны «того берега» до крайности условны и неубедительны... И еще более тягостное впечатление внутренней раздвоенности, неслитности, непродуманности унесла я с другого спектакля, внешне ошеломляюще красочного и выразительного. Речь идет о «Спартаке».

Балет «Спартак», разумеется, ни в какое сравнение не идет с «Берегом надежды». Он написан блестяще, крупным музыкальным мастером Арамом Хачатуряном, и в третьем действии музыка его достигает большой силы. Талантливый балетмейстер Якобсон приложил много усилий, чтоб воскресить в танцах древний Рим. Все, что можно было взять себе в помощь из «истории искусства», из сокровищ Эрмитажа,— рисунки с античных ваз, черная живопись амфор, хороводы пляшущих вакханок, цепи стремительных, жестикулирующих фигур,— все это было использовано умным балетмейстером и культурным художником (В. М. Ходасевич). Первое действие как будто оправдало их усилия: зал смотрел его, буквально затаив дыхание. Перед нами был древний Рим с его ярким синим небом, с его колоннадами и портиками. Легионы возвращаются из похода, за колесницами трагической группой тянутся пленные, перед победителем-триумфатором разыгрываются бои, участники которых знают, что они обречены убить и быть убитыми. Танец трех — нумидийца, африканца и галла,— тоска и отчаяние — не только оттого, что их убьют, но оттого, что, одинаковые жертвы тирании, равные в беде, они должны вонзить ножи друг в друга,— сделан так сильно, что невольно возбуждает и в вас, зрителе, ненависть к тирану. Если бы балет развивался дальше с такой же психологической глубиной, перед нами был бы настоящий шедевр советского искусства. Но сцена осталась обещанием, и все, что за ней последовало, не только завалило первое сильное впечатление, но и оскорбило думающего зрителя за самую тему балета.

«Спартак» не сказка, не романтическая легенда; это одна из серьезных страниц истории, первая глава или, может быть, пролог к восстанию пролетариев. Тема «Спартака» требует центрального места в балете, если уж написан балет на эту тему, а между тем она сделалась как бы подвеской к нему или «идеологической отпиской». Главное же место в балете заняло невыносимое по своей пошлой и дикой эротике второе действие, долженствующее изобразить «падение» римских нравов. Перед Крассом идут танцы, которым, кажется, конца нет. От чистой и возвышенной балетной классики не осталось ни единого па; от характерного танца отнято все народное. Перед зрителем ориентальные оргии, доведенные до крайнего цинизма жестов и поз. Некоторые зрители низко опускают головы, чтоб не смотреть и не видеть, что происходит на сцене под прекрасную музыку Арама Хачатуряна. Я далека от всякого ханжества, и если б «разложение римских нравов» в балете раскрывало и усиливало главную тему — восстание рабов под предводительством Спартака,— если б оно было так же психологически действенно именно в направлении главной темы, как сражение-танец трех в первом действии, то можно было бы согласиться и с этим сценическим оргиазмом. Однако эта длинная, не растворенная красотой, не облагороженная даже и музыкой, довольно противная вакханалия полностью увела весь балет от Спартака. Третье действие, несмотря на высокие музыкальные красоты, окончательно задушило тему, заставив восставших рабов в одиночку бороться где-то за сценой, а Спартака в это время лирически оттанцовывать со своей женой, видимо, отдавая запоздалую дань классическим па. Когда Спартак, уже под занавес, вдруг вспоминает о сражении, хватается за оружие и тут же гибнет, у зрителя не остается ровно никаких эмоций, кроме чувства облегчения, что длинный балет кончился.

Я передаю точно и откровенно свое впечатление, не желая ни смягчать, ни замалчивать его. Но и в плохом «Береге» и в блестящем, хотя фальшивом «Спартаке» есть некоторые элементы, подводящие к проблемным вопросам. Так, в «Береге» (вероятно, от скудости самого танца и бессодержательности сюжета) постановщик дал новые для балета попытки монументализма человеческой пластики, то есть таких моментов танца, когда хочется остановить движение, увидеть неподвижную картину и полюбоваться ритмическим узором связанных друг с другом танцоров. А в «Спартаке» (вероятно, от неисчерпаемого богатства античных танцевальных положений, взятых с этрусских и прочих ваз) прием такой остановки нашел прямое выражение в живых картинах, заканчивающих перед занавесом каждое действие. Танец как бы мгновенно замирает, хо-

ровод людей недвижим, словно рисунок с древней вазы. Таким образом, пантомима (иллюстративная жестикуляция), подсобляющая смысловому содержанию сцены, и живая картина (остановленный, окаменелый ритм движения) стали вторгаться в то традиционно-прекрасное, узаконенное столетием, что называли мы классикой русского балета. Насколько это прогрессивно, не знаю; но это **есть**, и, мне кажется, это следует обсудить и обдумать...

Отрадным в Кировском театре был для меня оперный спектакль «Русалка» Дворжака, названный в афишах «Большою любовью». Это настоящий спектакль чехословацко-советской дружбы: чтоб его поставить, с ленинградским оркестром приехал работать так хорошо известный москвичам Зденек Халабала; из Брно явился режиссер Оскар Лингарт; для создания очень скромных, нигде не загромождающих оперу, а в то же время сказочно-поэтических, как бы порождаемых музыкой декораций прибыл из Праги в Ленинград главный художник пражской национальной оперы Иозеф Свобода. Усилиями всех их, как и советского оперного оркестра и хормейстера А. Михайлова, лирическая сказка Дворжака чудесно прозвучала со сцены ленинградского оперного театра. Но прекрасное впечатление, произведенное ею, было, пожалуй, и последним. После «Русалки» опять пошли разочарования...

к ней аляповатых текстов собственного изготовления («Франческа да Римини» Чайковского, «Голубой Дунай» Штрауса, пьесы Равеля).

Обращаются постановщики с этой музыкой довольно самочинно. Я сидела на балете «Голубой Дунай» с группой немецких туристов. Они смотрели в афишу, где было напечатано буквально следующее: «Иоганн Штраус. Голубой Дунай. Музыка собрана и **дополнена** Е. М. Корнблитом». И один из туристов, видимо, отлично знающий русский язык, сострил по-немецки, переделавши «блит» на «блят»: «Nun, aus Korn und Blatt kann man ja keinen Strauss machen!». (Игра слов: «Из зерна и листа нельзя сделать букета», то есть из Корнблита нельзя сделать Штрауса.)

Так вот, сидя на «Голубом Дунае», нельзя было не почувствовать на этом в целом довольно приятном спектакле тоски по Штраусу, по цельному, полноводному Штраусу без его «дополнения». Нельзя было не заметить и той страшной ржавчины **роскоши**— того стремления к блеску и шику постановки, которое наваливается на драматическое и музыкальное содержание, как снежный обвал материальных, вещественных элементов, и превращает зрелище в чисто формальное. Оперетта Штрауса «Летучая мышь» (в том же театре), имеющая здоровое народное зерно (крестьянская девушка-служанка пробивает се-

«Русалка» («Большая любовь») Дворжака на ленинградской сцене.
Фото Э. Лясова.

Малый оперный театр всегда был любимцем рабочего Ленинграда. Помню, как в самом начале двадцатых годов, когда в городе, еще называвшемся Петроградом, было голодно и холодно, а театры заполнялись рабочей публикой по «разнарядке», я смотрела в нем «Луизу» Шарпантье, поставленную почти без декораций, в случайных костюмах, но так молодо, свежо, искренне, что ее яркий, эмоциональный драматизм вызвал бурю аплодисментов у зрителей — курсантов и моряков Балтфлота. С тех пор этот уютный театр можно было бы назвать экспериментальным — так много перепробовали в нем всяких постановок, подчас впервые во всем Союзе. Сейчас — словно какая-то эпидемия охватила Ленинград — в этом театре за одну декаду идет пять балетов.

Нужно сказать, что, подобно андерсеновской русалочке, отдавшей свой чудный голос за пару человеческих ножек, ленинградские театральные хозяева «ставят на ножки», уничтожая слова и голоса, много всяких пьес, а иногда и драм, и мы видим, как в подражание Чабукиани ножки и ноги танцуют Шекспира, танцуют Ибсена («Сольвейг»—«Пер Гюнт»), танцуют Гоголя («Тарас Бульба»). Но и этого показалось мало, и ножки начали танцевать музыку с помощью приспособленных

бе дорогу на сцену), была совершенно завалена этой роскошью. Ее поставили даже не в стиле венских **придворных** оперетт середины прошлого века, а в стиле подражания венской оперетте в том кусочке «Цыганского барона», который показан был в фильме «Большой вальс». И девушка-служанка превратилась в развязную субретку...

Устав от этого нагромождения постановочной бутафории в ленинградских оперных театрах, я метнулась от них к драматическим и попала на «Двенадцатый час» Арбузова, в Театр имени Пушкина — старую, славную «Александринку», воспитавшую целую плеяду великих русских актеров. Пьесу Арбузова, одного из самых талантливых наших драматургов, я заблаговременно прочитала. Она рассказывает о конце нэпа и противопоставляет нэпманам советскую молодежь двадцатых годов. Написанная хорошим языком, эта пьеса в чтении кажется интересной и лишь чуть-чуть (что характерно для многих советских пьес) схематичной и ускоренной к концу, где дается развязка. Но в театре до третьего действия досидеть я не смогла. Не досидела и второго,— с меня достаточно было первого действия! Где видели актеры таких нэпманов? Не спутали ли они их с привычным типажем «разлагающегося» капиталистического Запада? Где видели актеры такую

«Волынщик из Стракониц»
Фото В. Янковского.

крикливую советскую молодежь? Умные и острые двадцатые годы предстали на сцене ужасно глупыми и фальшивыми. Торговый представитель нэпмановской фирмы, пришедший с решающего совещания в верхах о прекращении нэпа (кто его пустил туда?), становится перед своим хозяином на колени, точь-в-точь как старый купеческий приказчик в пьесах Островского. Наше поколение, пережившее нэп уже в зрелом возрасте, смотрит на эту сцену с тем же чувством непереносимой фальши, с каким русские люди смотрели в свое время на «развесистую клюкву», в тени которой россияне из иностранных пьес ели икру ложками и утирались полотенцами. Средний состав наших актеров почти уже не знает типажа двадцатых годов, не умеет войти в эпоху; плохо дается ему и новая советская молодежь. И жалко было хороших актеров, жалко Толубеева, игравшего пьяного поэта, жалко автора, потому что пьеса его была сыграна без того подлинного перевоплощения, которое захватывает самих актеров и увлекает за ними зрителей.

2

Казалось, приезд обманул ожидания. Ничего больше не осталось как будто, кроме попыток разгадать, почему профессиональные ленинградские театры, еще недавно блиставшие своими спектаклями, так срываются, так снижают качество.

Неужели нет в Ленинграде ничего, что, как в прошлые мои приезды, захватило бы, дало чувство радости и той светлой веры в будущее, какая родится от каждой нашей удачи? И Ленинград неожиданно ответил мне на это, ответил полнокровной радостью подлинного театрального творчества. В то время, как некоторые профессиональные театры переживают на Неве (а может быть, и не только там) явное понижение уровня, рядом с ними растет и ширится настоящее театральное творчество, пришедшее снизу, из «самодеятельности».

В художественной самодеятельности ленинградских профсоюзов участвует сейчас свыше семидесяти тысяч человек. Методическое руководство и работу с кружками проводит в городе Дом народного творчества, имеющий свой театральный зал. В этом зале мне довелось побывать на молодежном спектакле «Народного театра Выборгской стороны». Шла советская пьеса «Два цвета» Зака и Кузнецова; ее я тоже заранее прочитала. Она показалась мне в чтении куда ниже арбузовской: очень уж примитивная, неряшливая по языку, да и несколько плакатная по содержанию. Речь в ней идет о добровольной бригаде, созданной в помощь милиции, чтобы бороться с хулиганством.

И вот в холодноватом, очень простом зале, на сцене, лишенной всяких ухищрений, с простейшими декорациями, началась особая театральная жизнь, где каждый играющий остро чувствует свою роль, сцену под ногами, задачу — передать в зал свое понимание роли и захваченность ею. С первых же звуков свежих, молодых голосов мы почувствовали, как близко актерам то, что они «представляют» на сцене. Студенческая и заводская молодежь, обстановка, окружающая их и в жизни, коллизии, бесконечно им близкие в их повседневной работе, характеры, знакомые, как свой собственный, а главное — особое счастье кулис, игры, перевоплощения, раскрытия себя, воздействия на зрителя — все то, чем живет каждый вечер настоящий актер... Когда появились по ходу действия три хулигана, державшие весь свой район в вечном страхе, мы почувствовали огромный интерес, какого не испытали в этот приезд ни в одном профессиональном театре. Это был особый интерес, напомнивший мне детскую и юношескую любовь к театру. Тогда мне хотелось не столько посещать его и смотреть из залы на сцену, сколько непременно пойти играть в нем самой — **играть!** В каждом мускуле отзывалось что-то на движения актеров, на слова их, театр становился чем-то затягивающим, увлекательным, **заразительным.** Вот так, заражаясь магией театра, испытывая счастье игры, бегут, едва перекусив после утомительного трудового дня, молодые кружковцы в свой выборгский народный театр, чтоб отдаться всей душой — до глубокого вечера — новой работе. Три хулигана на сцене были не выдуманные, не специально для театра изученные типы,— в их внешности и словечках встала сама действительность, с которой молодые актеры сталкиваются и **борются** у себя во дворе, в районе, на улице. И актеры не переигрывали, не шаржировали, жизнь сама подсказывала им меру. Кто была эта молодежь? Слесарь-механик, слесарь-карусельщик, машинистка, слесарь-сборщик, никелировщик, бухгалтер, педагог из школы кройки и шитья... Самодеятельность добровольна; люди отдаются ей, за игру на сцене никто ничего не получает, но она сама компенсирует их наслаждением, испытываемым от этого рода деятельности. И почти утраченная многими профессиональными театрами, механически повторяющими заученные формы, здесь живет и полным цветом цветет настоящая, заразительная **театральность.**

Пришлось мне познакомиться и с более серьезной формой самодеятельности—со студией Дома работников просвещения, где до выпуска играющих на сцену им ставят дикцию, обучают движению на сцене и т. д. Из нескольких пьес (в том числе народной пьесы чешского классика И. К. Тыла «Волынщик из Стракониц») нам показали отдельные сценки, сыгранные просто блестяще. Одна учительница — большая, хорошая актриса — так провела трудную сцену встречи Кручининой с Галчихой в «Без вины виноватые», что у случайных зрителей комок в горле застрял, а сама актриса произносила роль, почти задыхаясь от слез. Когда после сценки мы подошли к ней, у нее еще трепетали губы, и она не могла унять их трепет, а руки были холодные, как лед. И видно было, что эта советская труженица, уже немолодой педагог, жила своей ролью, вкладывая в нее духовно-душевный опыт всей своей большой, труженической жизни. Таким же показался нам и молодой токарь-карусельщик А. Г. Азо — Толя, как зовут его товарищи,— игравший сложную роль Федьки в пьесе «Два цвета». За короткую свою жизнь он успел побывать в армии, жил в Германии, где участвовал в солдатской самодеятельности, сыграл недавно Маяковского, которого ревниво любит... Даже разговор с этими участниками самодеятельности — а мне удалось познакомиться и поговорить со многими — действует как-то совсем по-другому, нежели беседа с профессиональными артистами.

Многим из нас, писателей, знакома страстная тяга к профессионализму, к выбору профессии писателя у начинающей писать молодежи. Ничего подобного этой тяге вы не встретите у актеров самодеятельности. Студента Технологического института, талантливого актера Марка Кондратько спросили, хочет ли он стать профессиональным артистом. Студент, не задумываясь, ответил: **«Нет, для меня этого мало».** В этом быстром, импульсивном ответе скользнула черточка наступающей эры коммунизма. Сам того не сознавая, быть может, молодой участник самодеятельности остро почувствовал, что быть профессионалом в искусстве уже **мало** для человека,— **мало,** потому что этим **урезывается** для него сама **жизнь,** снимается привычный заводской труд в коллективе, отбираются те необходимые условия, при которых только и гранится, только и наполняется жизненным опытом приложение его сил в искусстве, творческая игра на сцене. И надо еще добавить, что, пересмотрев несколько вещей в исполнении актеров самодеятельности и побеседовав с самими актерами, мы увидели, как бесконечно важна и нужна для них именно **советская пьеса** и как именно они, самодеятельная молодежь, могут по-настоящему сыграть, наполнить глубоким дыханием жизни современную советскую пьесу.

Мне пришлось познакомиться с работой только двух коллективов — а ведь в Ленинграде их свыше **трех тысяч.** И свыше семидесяти тысяч человек, отработав положенное по своей профессии, радостно спешат в эти три тысячи коллективов, где раскрывается для них творческий мир искусства.

Как странно, что советские драматурги, особенно ленинградские, такие, как Володин, не идут в эти коллективы и не пишут для них свои пьесы! Ведь именно тут они проверили бы реальную ценность этих пьес, нашли глубокое, жизненное воплощение своих образов. Но драматурги обходят самодеятельность да, по всей вероятности, почти совсем и не знают ее.

Конечно, все, что я здесь пишу,— это мои субъективные, глубоко личные впечатления. И театрам не следует обижаться на меня за то, что я искренне делюсь своими мыслями вслух.

С очень радостным, положительным чувством подводила я окончательные итоги моего «театрального» визита в город Ленина. Последний день выдался сумрачный, с мелким дождичком, с крепким ветром, вдруг набрасывающим на вас пелену дождевых брызг, словно мокрую парусину. А все же, не глядя на дождик, поехала я прощаться с милой сердцу окраиной Ленинграда, за Кировский завод, мимо Автова, к памятнику на месте проходившего тут фронта. Среди свежих цветов на камне выгравированы простые, суровые слова: «Здесь в жестоких октябрьских боях 1941 г. захлебнулись собственной кровью фашистские полчища, остановленные доблестными ленинградцами». Они как бы перекликаются с другими словами, простыми и суровыми, взятыми у Ольги Берггольц и выгравированными на другом бессмертном памятнике, в другом конце города. А дальше, в бледно-зеленых кудерьках, стоит не совсем обычная роща тоненьких, как прутики, лип. Это саженцы. Их всего девяносто. В день рождения Ленина множество ленинградцев, заводских рабочих, представителей районов пришли сюда и посадили эту рощу, чтоб спустя десять лет, к столетию Ленина, она встала густою зеленой кущей.

* * *

Абдул МИРЗАЕВ

Ты пишешь мне, мама:
«Шиповник у нас
Послаще айвы, что созрела вдали!..»
Но разве любовь, расстояний боясь,
С оглядкой живет на просторах земли?
Ты пишешь мне:
«Эту любить перестань,
Другую попробуй теперь полюбить...»
Но разве любовь — это пестрая ткань,
Которую можно, как хочешь, кроить?

Могу ли звезде помешать я ночной
На землю бросать ослепительный свет?
Нет, звезды горят, не считаясь со мной,
Не спросят, хочу я того или нет.

Могу ли я сердце свое увести
От милой к какой-то далекой, другой,
Когда оно, все различая пути,
Само меня властно ведет за собой?

И поздно, наверно, меня наставлять,
Растрачивать столько советов и слов,
Кувшин под речную струю подставлять,
Когда он наполнен водой до краев.

Перевела с лакского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ.

Чебоксарский хлопчатобумажный комбинат — одно из передовых предприятий страны по производительности труда и механизации производства. На снимке: лентоpовничный цех комбината.
Фото М. Савина.

45
47

Он сделал все, что мог

Приключенческая повесть

Василий АРДАМАТСКИЙ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. СМ. «ОГОНЕК» №№ 19, 20, 21, 22, 23, 24.

18

РАССКАЗ МАРИТЭ ДАВИДАЙТИС

«Познакомились мы с Владимиром случайно. Произошло это в начале осени сорокового года. Я тогда работала в горисполкоме. У нас шло совещание, на котором я его в первый раз и увидела. Он выступал дважды. Но я тогда русский язык знала совсем плохо и, что он говорил, не понимала,— записывала его другая стенографистка.

А потом так случилось, что мы вместе вышли из горисполкома. Он сказал что-то о погоде, но я не поняла, что он сказал, и рассмеялась. Я вообще была до неприличия смешливая. Мы пошли по улице и стали разговаривать по-немецки. Потом мы зашли в кафе. За столиком я предложила говорить по-русски, и мы очень много смеялись: я от странных для моего уха русских слов, а он от моего страшного произношения. Вот с этого наше знакомство и началось.

Нет-нет, ничего серьезного между нами не было, даже дружбы настоящей не было. Знакомство, не больше. Во всяком случае, я расценивала наши отношения именно так, а что о них думал Володя, я не знаю.

Сначала мы виделись главным образом по воскресеньям. Ходили в кино, в кафе, танцевали. Весной сорок первого года мы стали встречаться чаще. Володя побывал у нас дома. Мы с братом выросли без матери: она умерла, когда мы были еще маленькими. Воспитывал нас отец. Он был рабочим-железнодорожником и очень хорошим человеком, хотя держал нас с братом в большой строгости. Мы любили и даже боготворили его. Он не был коммунистом, но о России всегда говорил с симпатией. И не удивительно, что переворот сорокового года он приветствовал и вскоре стал активистом профсоюза железнодорожников.

Война, как вы знаете, обрушилась на нас внезапно. На второй день войны Володя позвонил мне по телефону в горисполком, сказал, что хочет помочь нашей семье эвакуироваться, и назначил мне свидание в семь часов вечера, но почему-то не пришел.

Когда фашисты захватили Каунас, отца прогнали с прежней работы, и он стал чернорабочим на расчистке путей. Я не работала вовсе. На своем месте остался только брат — он работал на почтамте. Жить сразу стало очень трудно. Наверное, пришлось бы голодать, если бы не тетка, которая нет-нет да присылала нам из деревни продукты.

Наступила зима. Как раз под самое рождество я столкнулась с Володей на улице. Я очень обрадовалась встрече и остановила его. Володя был растерян, он расспрашивал меня, как я живу, а сам в это время думал о чем-то совсем другом. И вдруг все, что было связано с этой встречей, дошло до моего сознания во всей своей сложности. Я спросила его, что он делает в городе, как живет. Он стал говорить сбивчиво, концы с концами в его рассказе не сходились. И тогда я подумала, что он, наверное, живет тайно, и попросила больше ничего о себе не говорить. Я сказала ему: если возникнет надобность, он может уверенно идти к нам. На том мы и расстались...

Больше о Володе я ничего не знала вплоть до его появления у нас в самом конце октября 1943 года.

Он пришел рано-рано утром. Отец собирался на работу, брат еще спал. Вдруг стук в дверь. Я открываю и вижу Володю. У меня прямо язык отнялся, смотрю на него и молчу. И он тоже молчит, только как-то жалко улыбается. А одет он был, между прочим, шикарно. Даже при крахмальном воротничке. Наконец я опомнилась и пригласила его войти. Еще в передней он задержал мою руку и сказал:

— Помните, Маритэ, вы говорили, чтобы я, в случае чего, шел к вам. Вот я и пришел. Выручайте.

Мы вошли в столовую. Володя поздоровался с отцом, но тот ему не ответил. Уставился на него злыми глазами и молчал. Тогда Володя сказал ему:

— Извините меня, товарищ Давидайтис, но ваша дочь однажды сказала мне, что в случае надобности я могу найти у вас надежный приют. Вот сейчас я как раз в этом нуждаюсь...

— Садитесь,— проворчал отец, продолжая разглядывать Володю недобрыми глазами.— На вас глядя, не скажешь, что вы в беде. Может, вы просто не поладили с новыми господами?

Лицо у Володи стало серым, он встал со стула.

— Товарищ Давидайтис, у вас нет оснований оскорблять меня, а у меня нет ни желания, ни возможности перед вами оправдываться. Вопрос очень прост: можете вы укрыть меня на два-три дня?

Отец долго молчал, потом сказал:

— Маритэ вас приглашала, пусть она делает, как хочет.

Согласитесь, что мое положение было весьма сложным. У меня, конечно, и мысли не было, что Володя служит у немцев, но в нашем доме мнение отца всегда было решающим.

— Садитесь пока к столу,— растерянно сказала я.— А потом мы все обсудим.

Отец, не сказав больше ни слова, ушел на работу.

В это время встал брат. Он тоже отнесся к Володе настороженно, хотя и не так резко, как отец.

— Вы что же, все это время живете в Каунасе? — спросил брат.

Володя покачал головой.

— Я не был здесь два года и появился тридцать минут назад. Но где я и кто я, этого сказать вам не могу. Прошу лишь поверить мне на слово: с оккупантами я не сотрудничаю.

— Ну что же,— усмехнулся брат,— поверим на слово.

— Речь идет о том,— повторил уже брату Володя,— чтобы ваша семья дала мне приют на два-три дня и чтобы об этом никто не знал. А затем я уйду. В ближайшие дни мне опасно появляться где бы то ни было. Не только в Каунасе.

Брат пожал плечами:

— Живите, раз надо.

Вскоре мы остались с Володей вдвоем. Он был подавлен. Молчал. Я предложила ему отдохнуть, но он покачал головой, потом спросил:

— У вас ход на чердак есть?

Я показала ему лестницу, пристроенную в кухне за печкой, и люк в потолке.

— Я буду находиться там,— сказал он.

Тщательно осмотрев чердак, он сделал себе там укрытие из пустых ящиков и старой мебели. С чердака он так и не спустился. Попросил, чтобы я ни о чем больше не беспокоилась и занималась своими делами. Да, чуть не забыла, он попросил еще бумаги. Я дала ему свою старую школьную тетрадь...

Так он у нас и остался.

К вечеру вернулся отец, спросил:

— Где он?

Я сказала:

— На чердаке.

Отец усмехнулся:

— Хороший костюм испачкает.— И больше о Володе не заговаривал, поужинал и лег спать.

Позже пришел брат, принес газеты и стал их читать. Я поставила ему ужин, он отложил газеты в сторону и говорит:

— Читаешь их газеты, так дела у них идут как по маслу, а все рассказывают, что вчера в Вильнюсе коммунисты прямо в гостинице застрелили какого-то крупного нациста. Об этом в их газетах не прочтешь.

Почему-то я сразу подумала, что Володя связан с этим убийством. Я не могу вам объяснить, почему я так подумала...

На другой день отец вернулся с работы какой-то взволнованный. Делает мне знак пройти за ним в спальню и говорит:

— Не знаю, что и подумать,— говорит он.— Ты слышала про нациста, застреленного в Вильнюсе? В городе ходят слухи, что убийца в Каунасе. На вокзале обыскивают всех подряд. Патрули обходят поезда. Пока я с работы шел, меня два раза остановили...— Отец замолчал и выразительно посмотрел на потолок.

— Папа, я тоже так подумала,— сказала я.

— Подумала, подумала,— проворчал отец и вышел из спальни.— Давай ужинать.

Пришел брат и тоже стал рассказывать о кутерьме в городе. Почтамт кишит агентами, все письма вскрываются. То и дело хватают людей и ведут на проверку. Брат заметил, что хватают только хорошо одетых мужчин молодого и среднего возраста.

Вдруг отец положил ложку и строго сказал:

— Ну-ка, Маритэ, проверь затемнение на окнах. В порядке? Позови его с чердака!

Брату он приказал выйти на улицу и смотреть, чтобы никто не нагрянул.

Володя спустился с чердака. Небритый, бледный, глаза воспаленные. Остановился перед отцом и спросил:

— Мне пора уходить?

— Садитесь, надо поговорить,— смущенно сказал отец.— Дело серьезное. В Вильнюсе, говорят, застрелен какой-то крупный фашист, а убийцу ищут здесь, в Каунасе. В городе переполох, хватают кого попало...

Володя пожал плечами:

— А при чем здесь я? Если вы боитесь и хотите...

— Я еще не сказал, что я хочу! — разозлился отец. — А я хочу что-нибудь знать.

— Так вы уже знаете больше меня, — улыбнулся Володя.

В это время я заметила, что его трясет, как в лихорадке, а лицо его покрывается красными пятнами.

— Володя, вы больны? — спросила я.

— Это не имеет никакого значения, — хрипло сказал он. — Я сейчас уйду.

— Вас никто не гонит, — твердо произнес отец.

— Я уйду, — повторил Володя. — Уйду, потому что не имею права подвергать вас опасности. Прошу вас, Маритэ, поднимитесь ко мне через час.

Он поднялся на чердак, а мы — я, отец и брат — собрались в спальне и шепотом обсуждали, как нам поступить. Я настаивала, чтобы отец уговорил его пожить у нас еще хотя бы два-три дня. Отец отказался это сделать.

— Если он действительно тот, кого ищут, — сказал он, — то он лучше знает, что ему делать. А если не тот, кого ищут, тогда, тем более, пусть уходит.

Брат поддерживал меня, но не очень уверенно. Так мы ни до чего и не договорились. Отец и брат легли спать. Я перед тем, как лечь, поднялась на чердак. Володя при свете

копилки писал. Посмотрел на меня, улыбнулся:

— Наделал я вам хлопот. Жалеете теперь, что пригласили меня?

— Я никогда не жалею о том, что делаю,— сказала я.

Он внимательно посмотрел на меня, вздохнул:

— А я вот часто жалею о сделанном. — Он полистал лежавшую перед ним тетрадь и сказал: — Маритэ, у меня к вам просьба. Я скоро закончу писать. Всем, что для вас свято, прошу вас эту тетрадь не трогать. Я спрячу ее у вас на чердаке и при первой возможности приеду за ней или сам, или пришлю человека. Обещаете?

— Обещаю.

Он крепко пожал мне руку и, волнуясь, сказал:

— Когда-нибудь все выяснится. Абсолютно все. И тогда вы убедитесь, что я вас не обманывал. Скажите это и вашему отцу. Я на него не в обиде, я его понимаю. А теперь до свидания.— Он снова сжал мне руку своей горячей рукой, быстро отвернулся и склонился над тетрадкой.

Уснуть, конечно, я была не в силах. Я лежала с открытыми глазами и прислушивалась к тому, что делалось на чердаке. Я слышала, как он там ходил, что-то передвигал. Под утро я все же заснула.

За завтраком ни отец, ни брат о Володе не говорили и у меня ничего не спрашивали. Как только они ушли на работу, я поднялась на чердак. Час был ранний. Утро выдалось мглистое, и на чердаке было совсем темно. И вдруг я услышала стон.

Володя полулежал, прислонившись к ящикам. В груди у него свистело и клокотало. Изредка он стонал и произносил какие-то слова. Он был без памяти. Я прикоснулась рукой к его лицу. Оно было горячее, как печка.

Володя заболел, я думаю, воспалением легких. Что я пережила, пока пришли с работы отец и брат, словами не передашь. Не забыть, что все мы пережили за те две недели, пока он болел. Ведь даже хорошо знакомого врача позвать было нельзя. Опасно было даже спросить у кого-нибудь совета. А чуть не каждую ночь нам казалось, что Володя умирает. Все же отец ухитрился как-то получить врачебную консультацию и даже добыл лекарство.

На девятый день в болезни наступил перелом, резко спала температура. Невероятно похудевший и ослабевший, Володя был похож на беспомощного ребенка. Вдобавок ему совершенно отказали нервы, он часто плакал. Спросишь, как дела, а у него слезы из глаз ручьями.

Но поправлялся он быстро. Через неделю начал вставать, нашел на чердаке два кирпича и систематически проделывал с ними гимнастические упражнения.

— Болезнь,— говорил он,— событие от меня не зависящее, а вот выздоровление я уже обязан ускорить, именно обязан...

Однажды отец привел с собой старого своего знакомого, тоже железнодорожника, которого мы все звали дядюшкой Ионасом. Отец знал его с юных лет: они когда-то даже учились в одной школе, и в одно время они пошли работать на железную дорогу.

Во время оккупации дядюшка Ионас тоже стал чернорабочим и работал вместе с отцом.

Отец сказал мне:

— Веди сюда Володю.

Стою, с места тронуться не могу. Смотрю то на отца, то на дядюшку Ионаса. Отец разозлился, ударил ладонью по столу.

— Веди, раз сказано!

Я поднялась на чердак, разбудила Володю и сказала, что его зовет отец, но что, кроме отца, там есть еще один человек, железнодорожник, старый приятель отца.

И вот такая, значит, картина: за столом сидят отец, дядюшка Ионас и Володя. Дядюшка Ионас, наклонив голову, поверх очков рассматривает Володю. Тишина. Только слышно, как сердито сопит отец.

— Кто вы и откуда? — тихо спросил у Володи дядюшка Ионас.

— Я советский человек, которого крайние обстоятельства заставляют сейчас скрываться. Больше я ничего сказать не могу и не имею права. А вы кто?

— Я местный рабочий-железнодорожник.— Дядюшка Ионас усмехнулся.— Номинально член Коммунистической партии.

— Что значит номинально? — спросил Володя.

— А то и значит. Членских взносов, согласно обстановке, не плачу. Организации у нас фактически нет. Четверо вот таких же, как я, номинальных. Кустарничаем, как можем. Но сейчас не об этом речь. Нужно решать, что с вами делать...

Володя пожал плечами:

— А что со мной делать? Я в ближайшие дни уйду.

— Куда?

— Решу по обстановке.

Дядюшка Ионас вздохнул:

— Ну, так вот: обстановка сейчас такая, что как бы за вас не решили гестаповцы. Просто так уходить и не думайте, если жизнь вам, конечно, дорога.

— Но и сидеть без конца, как клоп в щели, я не собираюсь,— сердито произнес Володя.

Несколько минут все молчали. Потом дядюшка Ионас сказал:

— У нас такое предложение. Товарные порожняки идут на Восток, в Белоруссию. Есть кондукторская бригада, в которой все до одного верные люди. Они могут вас доставить поближе к партизанам.

Договорились так: в течение трех дней дядюшка Ионас выяснит возможности переправки Володи в Белоруссию и потом даст знать, как и когда все это будет организовано...

Спустя неделю, а может, и больше, отец снова пришел домой вместе с дядюшкой Ионасом.

Все было уже подготовлено. Состав отправлялся в Белоруссию в конце следующего дня. Стали обсуждать, как незаметно доставить Володю на товарную станцию, где достать для него теплую одежду. Снова выручил дядюшка Ионас и его товарищи. В этот вечер он ушел от нас в отцовской старой куртке, а полушубок, в котором пришел и в каких работают путейцы, оставил Володе.

Дальнейший план был такой: отец завтра должен заболеть. И так как завтра воскресенье, его придут навестить товарищи по работе. Они будут приходить в разное время, одинаково одетые в свои рабочие полушубки. А в конце дня вместо одного из них наш дом покинет Володя. Затем он должен будет пойти на окраину города, там его будет ждать дядюшка Ионас, чтобы отвести к месту формирования эшелона и спрятать в одном из вагонов.

Прощаясь со мной, Володя сказал:

— На чердаке, за балкой возле трубы, я спрятал тетрадь. Там очень важные для меня записи. Прошу вас ее не трогать ни при каких обстоятельствах. Придет время, я или сам явлюсь за тетрадкой, или пришлю человека, который будет знать, где она хранится. Вы мою просьбу выполните?

Я только кивнула головой, мне было очень трудно говорить. Володя держался спокойно, только был очень бледен.

А на другой день выяснилось, что в самую последнюю минуту, когда Володя был уже запрятан в вагон, эшелон направили не на Восток, а на Запад — в Кенигсберг. Единственно, что успел сделать дядюшка Ионас, это крикнуть Володе, что в случае чего он может обратиться за помощью к машинисту паровоза, и сказал его имя. Спустя две недели, когда машинист вернулся в Каунас, дядюшка Ионас узнал от него, что Володя покинул поезд на станции Вилкавишки.

...Уже летом сорок четвертого года, примерно за месяц до освобождения Каунаса, к нам явился паренек лет семнадцати. Дома был один отец. Насчет тетради он был мной предупрежден, и когда паренек сказал, что он пришел по поручению Володи, отец пустил его на чердак. Там паренек сразу же нашел тетрадь, засунул ее за пазуху и ушел. Уже с улицы он крикнул: «Привет от Володи!..» Отец рассказывал, что паренек был веселый, беспрестанно шутил, но на вопросы отца о Володе не отвечал.

Вот все, что я могу вам рассказать».

Я поблагодарил Маритэ Давидайтис за рассказ и уехал в гостиницу, где немедленно, по свежей памяти, все это записал.

Рассказ Маритэ дорог подробностями пребывания Владимира в их доме, но он восстанавливает не больше месяца из того года его жизни, о котором мы ничего не знаем.

Что с ним было после того, как он на станции Вилкавишки покинул товарный поезд?

Может быть, все-таки хоть какие-нибудь подробности знает машинист? Во всяком случае, упускать эту возможность я не имел права.

На другой день утром мне снова пришлось съездить к Маритэ узнать фамилию машиниста, и потом весь день ушел на его поиски.

Вечером я уже беседовал с ним.

19

РАССКАЗ МАШИНИСТА

«...Это одно из самых страшных моих воспоминаний о том времени. Вы же не знаете, как трудно было подготовить тайный вывоз того русского товарища. Ведь мы отвечали за него и сами рисковали жизнью. И вдруг, когда самое трудное было уже позади, все сорвалось.

Было это так... Я уже принял в депо паровоз и ждал разрешения идти к эшелону. Но проходят все сроки, а разрешения нет. Оставляю паровоз на помощника и иду к диспетчеру. Спрашиваю у него: «Почему задерживается выход?»

А тот отвечает: «Черт их, этих немцев, поймет! Полчаса назад вызвали маневровый паровоз и переформировывают твой эшелон».

У меня замерло сердце.

— Зачем? — спрашиваю.

— Очевидно, состав пойдет в другом направлении, потому что они переставляют головные вагоны в другой конец эшелона.

Вернулся я в депо сам не свой. Жду. Прошло еще минут сорок. Наконец я получаю приказ подать паровоз. Направление — на Кенигсберг. Но мой паровоз идет только до станции Вилкавишки. Когда я подвел паровоз к стрелке, кто-то выкрикнул мое имя. Я выглянул в окошко. Это был Ионас. «Помоги ему в Вилкавишках!» — крикнул он и убежал.

Как помочь? Об этом я думал всю дорогу, а она длилась очень долго. На каждой станции приходилось стоять из-за страшной неразберихи в движении.

В Вилкавишки прибыли ранним утром. После сильного мороза от резкого потепления стоял такой туман, что в трех шагах ничего не было видно. Прямо ощупью привел эшелон на товарный двор. Отцепился, перешел на запасный путь и стою, жду. А чего жду, сам не знаю. Вдруг вижу, к паровозу метнулся человек. Я сразу подумал: «Он». Говорю помощнику:

— Держи пар, я маленько промнусь.

Соскочил на землю и сразу увидел человека. Он стоял, прижавшись к тендеру. Я подошел к нему поближе.

— Вы машинист? — спрашивает он по-немецки.

— Да,— говорю,— машинист.

Тогда он назвал мою фамилию и сказал, что дядюшка Ионас советовал ему...

— Знаю, знаю,— перебил я его.— Переходите пути, идите вперед до пакгаузов. Не доходя до них шагов сто, сворачивайте налево и идите под прямым углом, пока не выйдете к речке Шеймена, а потом по берегу идите к лесу. Там увидите хутор под названием «Мария». Хозяин хутора — мой двоюродный брат, зовут его Август. Передайте ему от меня привет и скажите, что я рекомендовал вас.

— Спасибо,— сказал он и исчез в темноте.

Вот и все. После войны Август приезжал ко мне в гости. Поблагодарил за батрака и мрачно добавил: «Два месяца,— говорит,— я из-за твоего батрака жил, как на вулкане. Каждую ночь мне виселица снилась...» Нет, я никаких подробностей у него не спрашивал. Да, потом этот Август вовсе не мастер рассказывать, он больше мастер молчать. Узнал я только, что спустя два месяца русский исчез с хутора... Да, Август жив. Он сейчас бригадир в колхозе. Могу дать вам к нему записку, только боюсь, что вы из него и двух слов не вытянете».

Действительно, это оказался на редкость неразговорчивый человек. Богатырского сложения, огрубелое от ветров и солнца лицо его точно высечено из меди, и только наголо бри-

тая голова была белой. Мы сидели за столом в его аккуратном домике из кирпича, куда он недавно переехал. Я сказал ему, что меня интересует. Он смотрел на меня светлыми непроницаемыми глазами и молчал. Его жена в это время накрывала на стол. Я видел, как она бросала на мужа осуждающие взгляды, а тот продолжал молчать. Наконец она недовольно сказала ему что-то по-литовски. Он шевельнул могучими плечами, вздохнул и сказал:

— Владимир пришел к нам зимой, а через два месяца ушел...— И снова надолго умолк.

— Как он у вас работал?

Колхозный бригадир усмехнулся:

— Уж работал! Я только и ждал, когда полиция нагрянет.

— Что же он такое опасное делал?!

Бригадир махнул рукой:

— Все.

— Что именно? Расскажите хоть что-нибудь.

Бригадир только пожал плечами.

— Знаете, что я вам посоветую,— вмешалась в разговор его жена,— не тратьте вы с ним время попусту. В трех километрах от нас колхозная электростанция, а на ней работает Збышек Старчинский, он в то время был первым приятелем вашего Владимира.

Но когда я встал из-за стола, чтобы последовать ее совету, она обиделась:

— Как же так, я еду готовила, а вы уходите.

Пришлось остаться. Во время ужина вспыхнула висевшая над столом электрическая лампочка.

— Вот, Збышек как раз заработал,— сказала жена бригадира.

Спустя полчаса я в сопровождении бригадира шагал вдоль реки к электростанции. Дойдя до крутого поворота речки, бригадир остановился и показал рукой на видневшийся в сумраке силуэт приземистого здания на невысоком косогоре.

— Там,— сказал он и пошел назад.

Внутри здания грохотал небольшой дизель, возле которого в задумчивости стоял высокий тощий мужчина в брезентовой куртке. На голове у него был берет, низко сдвинутый на самые брови. Когда я подошел к нему вплотную, он вздрогнул, досадливо сплюнул и рассмеялся.

— Думал, привидение! — прокричал он.— Вы ко мне?

Я стал кричать, кто я и зачем пришел, но тут же бросил это занятие и показал Старчинскому на дверь. Мы вышли, сели на скамеечку, и я сказал ему, что меня интересует.

20

РАССКАЗ ЗБЫШЕКА СТАРЧИНСКОГО

«Я тогда працовал у того же Августа, от которого вас ко мне послали. Но я не был у него на постоянной вакансии, а так — когда у него есть дело, я працую. А больше я вертелся на станции. Там было интересно. Не снег сгребать, конечно, а технику смотреть. Ну, а гитлеры гнали по дороге целые горы всякой техники. И с харчами на станции тогда было полегче, чем у пана Августа. Тому пану самому часто есть нечего было. Потом на станции жила одна девочка, к которой у меня был интерес, то есть теперь моя жена. Один раз я пришел к пану Августу и вижу, працует у пана новый человек, вроде молодой, а с бородкой, дрова колет. Я ему: «День добрый»,— а он молчок. Вышел пан Август. Взял, говорит, работника, русский. И все. От пана Августа подробностей не узнаешь. Подхожу я к тому русскому. Бросил он дрова колоть, а топор держит нехорошо, словно готовится вместо дров меня колоть. Стоим, молчим. Я ему говорю:

— Дайте-ка я от скуки дров поколю.

А он только боком повернулся, чтобы я топор у него не мог выхватить. Тогда я уразумел: он, наверно, думает, будто я какой-нибудь полицай или шпион. Говорю ему, кто я такой. Но русский говорить не желает, молчит. Так я ни с чем на этот раз и ушел. Вообще, немало дней прошло, прежде чем стали мы друзьями и начали вместе шкодить...

Первую шкоду мы решили устроить именно на станции. Смешно сказать, с какого оружия мы начали. Вон там, за горкой, кузнец жил. Пошли мы к нему и из амбарного крюка выковали два кинжала. Ничего себе кинжалы получились, очень пригодились. Владимир сказал:

— Кинжалы хорошо, а пистолеты лучше. Надо раздобыть у гитлеровцев.

Я ему говорю:

— Они не дадут.

А Владимир говорит:

— Надо отнять.

Ну, отнять так отнять... Нам почему-то запало в голову, что сцапать гитлера лучше всего, когда он по нужде отобьется от своих и уединится в кустики.

Эшелоны, которые направлялись на фронт, всегда останавливались у выходной стрелки и вытягивались далеко за пределы станции. И там как раз были кустики. Но гитлеры туда не бежали. Они по своей немецкой аккуратности, наверное, не представляли себе, что можно пользоваться теми кустиками, поскольку туда не идет никакая официальная тропинка. Однако аккуратность не мешала им так загаживать пути, что, когда эшелон уходил, страшно было смотреть на то место, где он стоял. И вот мы с Владимиром придумали такую авантюру: примерно на том месте, где останавливались самые последние вагоны, мы протоптали в снегу тропинку в кусты. Перед приходом эшелона вечером мы притаились в тех же кустах. Эшелон пришел, остановился. И что вы думаете? Гитлеры сразу клюнули на нашу тропинку, прямо валом к нам повалили. Целую очередь образовали. Прямо смех разбирает от этого зрелища. Ну, мы, конечно, ждем, пока спрос на тропинку уменьшится. Поток стал редеть. Вот прибежали пятеро, потом трое. Смотрим на часы: минут через десять эшелон уйдет, а никто больше в кусты не является. И вдруг прибегает гитлер-одиночка, деловитый такой. Автомат повесил на куст, шинель закинул на голову... и тут Владимир, как рысь, бросился на него. Гитлер и не пикнул. Я схватил его автомат, и мы с Владимиром побежали от станции. И как раз в это время эшелону дали отправление. Мы перебрались на санную дорогу и по ней вернулись на станцию.

Автомат мы снесли на хутор пана Августа и спрятали на сеновале. Владимир говорит, надо решать, что делать дальше. Как бы, говорит, раздобыть нам мину какую-нибудь или взрывчатки хотя бы килограмм. И тут меня озарило. Я вспомнил, что километрах в семи от станции, где раньше проходила граница, есть поле, на котором торчит табличка: «Внимание, мины!» Я сказал об этом Владимиру. Он прямо вспыхнул: «Вот это дело!»

Как вы думаете, кто пришел нам на помощь? Голодная свинья пана Августа. Ему нечем было ее кормить, а рядом с минной полосой находилось поле с неубранной картошкой. И мы посоветовали Августу поехать туда за картошкой. За день мы накопали ему целую кошму картошки и заодно прихватили три мины, похожие на чудо-кастрюльки, в которых хозяйки пироги пекут.

Первую мину мы потратили впустую. Позже та мина стала для меня вроде справки о патриотизме. В общем, мы ее без всякого понятия заложили под рельсы в десяти километрах от станции, а она не взорвалась. И пришлось мне, когда советские войска подходили, двое суток дежурить возле той мины, чтобы предупредить своих. Ведь мина-то дура, под немцем не рвалась, а тут вдруг возьмет да и взорвется. Вынуть ее сам я боялся, вот и дежурил, пока не сдал ее советским саперам, за что и получил благодарность.

Вторая мина сработала красиво. Ночью мы зарыли ее в ямку на шоссе. И под утро на ней подорвался штабной автобус, битком набитый офицерами. Семеро стали покойниками. Третьей миной мы повредили водокачку на станции.

Кутерьма поднялась страшная. Одних гестаповцев прибыло человек пятьдесят. По всей округе прошла молва, будто у нас появились партизаны. Нам с Владимиром в пору смеяться над этими слухами, но было не до смеха. Пять человек из населения станции гестаповцы арестовали и расстреляли. Пошли аресты и в городе и на пристанционных хуторах.

Оставаться в этих местах было опасно. Я предложил Владимиру перебраться на время в Польшу. Там, недалеко от литовской границы, жила моя сестра. Она была замужем за сельским учителем. Владимир согласился. И однажды с наступлением темноты мы отправились в путь. На дорогу у нас ушло одиннадцать дней. Шли только в темноте, особых приключений не было. Перед самым рассветом мы подошли к домику моей сестры и половину дня вели за ним наблюдение. Ничего подозрительного не заметили. Сестра с утра работала во дворе, а ее муж уехал куда-то верхом. Сперва я пошел к дому один.

Ядвига — так зовут мою сестру — очень обрадовалась моему появлению, она считала меня сгинувшим со света. Осторожно выведав у нее обстановку, я сказал ей, что пришел не один, со мной товарищ, и что мы хотим здесь пожить. Ядвига задумалась, а потом сказала, что против этого будет ее муж Адам Кричевский, который, по ее выражению, боится собственной тени.

— Черт возьми! — сказал я ей.— Близится весна. Неужели местным хозяевам не будут нужны работники?

Ядвига за эту идею ухватилась и сказала, что на богатом хуторе пана Кшесинского наверняка нужны батраки.

Да, батраки здесь были нужны! И еще как! Пан Кшесинский взял нас обоих и даже сам уладил дело в отношении Владимира, у которого не было документов. Так Владимир стал Вольдемаром Стаховским — такие документы ему достал хозяин. Нас поселили в пристройке к хозяйскому дому.

Работники пану Кшесинскому были нужны позарез, и он не собирался устраивать нам курортную жизнь. Он знал, чем занять батраков и зимой. Работать приходилось с рассвета дотемна, и хозяин умел проверять, как работают его люди. И так день за днем, день за днем.

Не прошло и месяца, как Владимир затосковал. Однажды он сказал мне:

— Я больше так жить не могу. Я обязан воевать, а не батрачить на польских кулаков.

Что я ему мог предложить?

По воскресеньям мы ходили в ближайшее село купить что-нибудь в лавочке, посидеть часок-другой в корчме. Владимир заводил беседы с местными и все пытался выяснить, нет ли в округе партизан. Но ничего утешительного он не слышал и становился еще мрачнее.

Теперь я расскажу о последнем дне пребывания Владимира на хуторе. В тот день на хутор приехали и остались ночевать гитлеровский офицер и трое солдат.

С рассвета дотемна мы с Владимиром работали. Поужинали и легли спать. Я сразу как ко дну пошел.

Просыпаюсь от того, что кто-то меня трясет. Поглядел — Владимир. Шепчет:

— Оденься, выйди на минутку.

Я вышел и оторопел. Дом хозяина и амбар объяты пламенем. Владимир дрожащим голосом говорит:

— Я убил офицера. Солдат запер в амбаре. Бежим!

Размышлять было некогда. Мы побежали. Тринадцать дней мы двигались тем же маршрутом, каким пришли сюда, и однажды явились к пану Августу. Он нам не обрадовался. Прежде всего сообщил, что нас искали гестапо, и его по этому делу таскали в Вилкавишки. Дал нам хлеба, сала и попросил убираться подальше. В эту же ночь мы пошли на хутор километрах в двадцати, где батрачил один мой приятель. Там мы жили недели две. Затем Владимир меня покинул.

Когда мы прощались, он сказал:

— Ну, что же, Збышек, мы сделали с тобой все, что смогли. Нет, пожалуй, точнее сказать надо так: мы сделали все, что сумели.

Куда он пошел? Он сказал так:

— Пойду навстречу своим.

Нет, никаких его вещей у меня не осталось. Между прочим, когда мы, после бегства от пана Кшесинского, жили на хуторе, где батрачил мой приятель, произошла такая оказия. Младший братишка моего приятеля Юрис собрался ехать с хозяином в Каунас. Владимир, когда узнал об этом, прямо затрясся, стал меня умолять, чтобы Юрис выполнил его поручение, зашел по одному адресу и взял там какую-то тетрадку и передал от него привет.

Юриса долго уговаривать не пришлось, паренек он был легкий, веселый. Ладно, говорит, все сделаю, как в аптеке.

И через несколько дней он привез Владимиру тетрадку. При мне как раз Владимир ту тетрадку получил, расцеловал Юриса и стал расспрашивать, кого он видел. Оказалось, что

Юрис видел одного старика и больше никого. Владимир вздохнул и еще раз поцеловал Юриса. Потом он разделил тетрадку на листы, чистые выбросил, а исписанные по два, по три сложил ленточками и целый вечер зашивал их под подкладку своих ватных штанов и куртки...

Расстались мы, когда весна была уже в разгаре...»

21

Итак, Владимир покинул район Вилкавишек весной сорок четвертого года. А последний по ходу времени материал из его папки начинается с лета. Теперь разрыв во времени уменьшился, и уже можно приступить к чтению следующей и последней записи Владимира. Эту запись он вел в книжке-дневнике немецкого офицера Генриха Целлера. Никаких дат тут нет.

«Все-таки я принял неправильное решение. Нужно было пробираться в сторону Белоруссии, прямо на восток, южнее Вильнюса, а я пошел к Литовскому побережью Балтийского моря. Меня сбили с толку слухи о том, что наша армия стремительно движется по Приморью.

Итак, я взял направление вдоль Немана к Балтийскому морю. Документ у меня был довольно надежный — то удостоверение, которое добыл для меня хозяин хутора Кшесинский. Во всяком случае, с этим документом я благополучно проболтался без дела почти целый месяц. Итак, по документу я Вольдемар Стаховский, работник с польского хутора, разыскивающий разбросанную войной родню. Вид у меня подходящий, даже борода выросла.

Продвигался я очень медленно. Приду в какое-нибудь местечко или на хутор и начинаю выспрашивать, не проживают ли тут какие-нибудь Стаховские. Относились ко мне, как правило, сочувственно: кормили, давали ночлег. А потом отправлялся дальше. Почти двадцать дней шел, пока не добрел до более или менее крупного населенного пункта Кудиркос, стоящего вблизи слияния Немана и Шешупе. Здесь у меня произошло первое серьезное осложнение.

Надо же было произойти такому дикому случаю: первый человек, к которому я обратился с просьбой дать мне прикурить, оказался полицаем. Никаких служебных примет у него не было. Навстречу мне шел довольно пожилой человек, куривший трубку, и я попросил у него огонька. Он стал задавать мне вопросы. Я сказал ему, что ищу свою родню. Тогда он повел меня в комендатуру и там искал по списку моих несуществующих родственников. Словом, это оказался какой-то непонятно заботливый полицай. В конце концов он сказал, что искать родню, не имея о них никаких, хотя бы приблизительных данных, безнадежное дело. Между тем уже вечерело, и он спросил, где я буду ночевать. Я сказал: не знаю. Тогда он говорит:

— Брось свои поиски и оставайся здесь. Я устрою тебя на работу, и ты получишь место под крышей.

Полицай держался как-то странно: говорил со мной спокойно, я бы сказал, по-отечески, а в глазах у него то и дело поблескивала усмешка, будто он о чем-то догадывается и моим словам не верит. Вот почему я побоялся отказаться от предложенной мне работы.

Он отвел меня в другую комнату, и там у меня отобрали удостоверение, а вместо него выдали бирку и записку в барак для рабочих.

В бараке, кроме меня, оказалось еще четыре человека. Их гоняли копать землю по ту сторону реки, где немцы строили укрепления. Только этого мне не хватало!

Ночью я вышел из барака, добрался до реки, сел в первую попавшуюся лодку, выгреб на середину и отдался во власть быстрого течения. Я так устал, что мгновенно уснул.

Проснулся от звонкого ребячьего крика. Уже взошло солнце. Моя лодка, зацепившись за поваленное дерево, покачивалась на волнах, а прямо надо мной на гребне высокого берега стояли два, судя по одежде, крестьянских мальчика, которые кричали мне что-то по-литовски. Я помахал им рукой, отцепился от дерева, взялся за весла и снова выгреб на середину. Река была довольно широкая, и я понял, что за ночь меня уже вынесло в Неман. Лодка шла по течению быстро.

Чем ниже я спускался по реке, тем спокойнее обстановка была вокруг. Абсолютно ничего не говорило о том, что я приближаюсь к местам, куда отступала гитлеровская армия. Наоборот, вокруг идиллические красоты реки, а на берегах картины обычной крестьянской жизни. И полное равнодушие людей к моей персоне. Если бы не самолеты, часто пролетавшие надо мной днем и ночью, ни одного звука войны я не слышал бы. Посмотрим, что будет на морском побережье...

. . . .

...От тех курортных мест, где я теперь нахожусь, фронт совсем недалеко. Я имею возможность причинить здесь кое-какие неприятности гитлеровцам и затем буду пробиваться к своим.

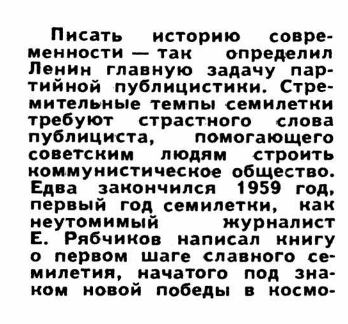
. . . .

Решено! К своим! К своим! К своим! Записи свои собрал в сверток. Сегодня же подыщу более или менее надежного человека и сдам ему сверток на хранение. И в путь! К своим! К своим!..»

Больше никаких записей в свертке не было.

Окончание следует.

КНИГИ ЖУРНАЛИСТОВ

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ЗВЕЗДНЫЕ ЛЮДИ!

Писать историю современности — так определил Ленин главную задачу партийной публицистики. Стремительные темпы семилетки требуют страстного слова публициста, помогающего советским людям строить коммунистическое общество. Едва закончился 1959 год, первый год семилетки, как неутомимый журналист Е. Рябчиков написал книгу о первом шаге славного семилетия, начатого под знаком новой победы в космосе. «Когда-то,— пишет автор,— существовало поверье, будто орел, парящий над полками перед битвой, несет им верную победу. Сказочной птицей взвился в таинственные глубины космоса стальной орел семилетки, словно возвещая, что год идет необычайный, великий и прекрасный».

Этому первому году семилетия и посвящена новая книга Е. Рябчикова «Солнце светит семилетке» издательства «Советская Россия». Автор рассказывает о великих событиях, происшедших в нашей стране в области промышленности, сельского хозяйства, строительства и освоения космоса.

О космосе, любимой своей теме, Е. Рябчиков подробно рассказал в другой книжке, вышедшей в Детгизе,— «Вымпелы на Луне». Книга дает четкий ответ на вопрос, как и почему именно наша Родина стала пионером освоения межпланетного пространства. В книге приводятся интересные, малоизвестные факты. Например, члены семьи Циолковского вспоминают, как однажды ученый получил теплое приветствие от секретаря Московского Комитета партии Н. С. Хрущева. В ответной телеграмме Константин Эдуардович написал: «Вся моя надежда на людей, подобных вам».

Автор книги — очевидец и участник многих событий, о которых пишет.

Д. САНЖИЕВ

МНОГОЭТАЖНАЯ АМЕРИКА

Эти книги — «Америка без рекламы» В. Николаева и «Разбуженная Америка» К. Непомнящего,— вышедшие одновременно, хорошо дополняют одна другую. Они помогают лучше понять, почему одноэтажная Америка, американские труженики так сердечно встречали в сентябре прошлого года Никиту Сергеевича Хрущева; почему после того исторического визита поборники «холодной войны» всерьез испугались потепления в международных отношениях и сделали все, чтобы сорвать совещание в верхах.

«Америка без рекламы» В. Николаева написана после большого, интересного путешествия на автомашине по Соединенным Штатам. Ежедневные встречи с американцами, постоянные разговоры и споры с ними, жизнь в частных домах, беседы на фабриках и заводах, на фермах и в конторах, в школах и университетах, в конгрессе США и других государственных учреждениях, в церкви и суде — все это дало возможность автору познакомиться с духовным миром, с настроениями американцев.

Эти настроения особенно ярко проявились в сентябре 1959 года, в дни памятного визита Н. С. Хрущева в США. Народ Соединенных Штатов открыл для себя Советскую Россию, на которую десятки лет клеветали недобросовестные журналисты, которую пытались скрыть реакционные круги заокеанской республики. Не случайно поэтому К. Непомнящий назвал свою книгу «Разбуженная Америка», подчеркнув тем самым историческое значение визита Н. С. Хрущева в США. Обе книги, К. Непомнящего и В. Николаева, пронизывает важная мысль, что американский народ сумеет сделать правильный выбор между миром и войной.

К. ВИШНЕВЕЦКИЙ

ДЕНЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Описать все, что произошло за один будничный день даже в каком-нибудь небольшом рабочем городке,— задача невыполнимая. Кто же возьмется описать события целого дня, происшедшие во всем Донбассе? Но нашлись такие люди, и теперь книга «Обычный день», рассказывающая об одном дне Донбасса, лежит на читательском столе...

Рядовой, обычный день занялся над Донбассом.

...Утром девочка Иринка Толмачева из Горловки сделала свой первый шаг,— ей нет еще и года.

...На Сталинском заводе имени 15-летия ЛКСМУ получено письмо из Германской Демократической Республики, от крупного немецкого специалиста-сварщика. Он просит срочно выслать чертежи установки для сварки в среде водяного пара, по методу, впервые примененному в Советском Союзе.

...В красном уголке Булавинского шахтоуправления состоялось очередное занятие университета технического прогресса.

...Профессор К. Т. Овнатанян сделал в Сталино еще одну операцию на сердце — безнадежно больному человеку возвращена жизнь.

...Бригада сталевара Енакиевского металлургического завода В. И. Осаулко выдала сверх плана одиннадцать тонн стали...

Нет, невозможно перечислить все, о чем поведали на 190 страницах живого, оперативного репортажа журналисты и сами участники событий одного донбасского дня.

Хороший был день — хорошая вышла книга в Сталинском издательстве.

О. ПЧЕЛКИН

КУЦ ВЗВЕШИВАЕТ ШАНСЫ

Эмблема XVII Олимпийских игр.

В. ВИКТОРОВ

«Внимание... На старт!» Не много пройдет дней, когда мы снова услышим эту традиционную команду и сильнейшие бегуны на длинные дистанции сделают шаг вперед по дорожке к белой стартовой черте римского стадиона.

С нетерпением ждут этого мгновения многочисленные любители бега. Ведь нынешний сезон особенный — олимпийский, и к нему исподволь, тщательно готовились и испытанные стайеры, те, что еще вели борьбу на беговом круге с Эмилем Затопеком и Владимиром Куцем, и молодежь, для которой недавние времена, связанные с этими двумя выдающимися спортсменами, кажутся уже легендой.

А ведь имя Куца гремело еще три года тому назад. До сих пор незыблемо стоят в таблице мировых рекордов результаты, показанные им. В 1956 году Куц пробежал по дорожке московского стадиона имени Ленина 10 000 метров за 28 минут 30,4 секунды, а в 1957 году в Риме прошел дистанцию 5 000 метров в феноменальное время — 13 минут 35 секунд. И до сих пор бегуны, в борьбе с которыми Куц показывал свои рекордные результаты — венгр Шандор Ихарош и англичанин Гордон Пири,— не сошли с беговой дорожки. Какие же шансы имеют и испытанные бойцы и молодые бегуны в борьбе с рекордами Куца, в борьбе за золотые олимпийские медали? Кто может ответить на эти вопросы лучше самого Владимира Куца? И вот в преддверии XVII Олимпийских игр мы решили повидаться с замечательным бегуном, героем Мельбурна, чтобы вместе с ним взвесить шансы будущих героев Рима.

С Владимиром Куцем мы встретились в Ленинграде, где двукратный рекордсмен мира учится в Институте физической культуры имени Ленина. Недавно Куц вернулся из поездки в Германскую Демократическую Республику. Он делился там своим опытом с такими известными немецкими стайерами, как Х. Гродотцки и Ф. Янке, которые еще в прошлом сезоне достигли выдающихся результатов в борьбе с прославленными польскими и английскими бегунами.

О чем же шел разговор между бегунами?

— Прежде всего о беге на тысячу пятьсот метров,— сказал нам Куц.— Вот почему в числе моих собеседников были не только стайеры, но и такие сильнейшие средневики мира, как немецкий спортсмен З. Валентин и С. Юнгвирт (Чехословакия). Это и понятно. Уже давно бег на длинные дистанции ведется в темпе бега на тысячу пятьсот метров. Сейчас, не обладая данными средневика, спортсмену нечего делать на дистанции пять тысяч метров. Ведь еще швед Гундер Хэгг, который первым вырвался из рамок четырнадцати минут, был, в сущности, бегуном на тысячу пятьсот метров. И такими же миттельштрекерами, как называют немцы средневиков, были и мои соперники — Ихарош и Пири.

Вот, наверное, почему Эмиль Затопек и отдает предпочтение в предстоящей борьбе австралийскому спортсмену, рекордсмену мира в беге на тысячу пятьсот метров Херберту Эллиоту.

В начале апреля Эмиль Затопек заявил посетившему его корреспонденту, что если Эллиот будет бежать в Риме на длинные дистанции, то он может оказаться самым серьезным претендентом на золотую медаль. «Эллиот гораздо лучше подготовлен, чем Ихарош и Пири,— сказал Затопек.— И поэтому я убежден, что современная граница мировых рекордов прочерчена неокончательно».

Мы спросили Куца, кто является его фаворитом в беге на 5 000 метров и нет ли у него расхождений в этом вопросе с Затопеком. В ответ на этот вопрос Куц предложил нам совершить небольшую экскурсию по стадионам, на которых происходили важнейшие встречи стайеров в 1959-м, предолимпийском году.

— Тогда нам будет легче представить себе возможности главных претендентов и на олимпийские победы и на новые мировые рекорды в нынешнем году,— сказал Куц.

И вот перед нами мелькают беговые дорожки Москвы, Берлина, Варшавы, Будапешта, Хельсинки, Лондона, Рима. Мелькают имена спортсменов давно знакомых и недавно появившихся. Да, соревнований было проведено немало и победы одержаны значительные. Успешно выступал П. Болотников, немецкий стайер Х. Гродотцки, поляк С. Ожуг, молодой англичанин С. Элдон.

На матче СССР — США в Филадельфии А. Артынюк добился своей первой победы над Болотниковым в беге на 5 000 метров, а в Лондоне прозвучало имя 23-летнего бегуна Б. Талло.

Англичане вообще удачно провели сезон. Их встреча с сильнейшими советскими стайерами на легкоатлетическом матче в Москве закончилась для многих неожиданно. На дистанции 5 000 метров первыми финишировали С. Элдон и Б. Талло, а в Гетеборге (Швеция) победы на дистанции 3 000 метров добился Г. Пири.

Для польских бегунов после их триумфа 1958 года сезон складывался не очень удачно из-за болезни З. Кшишковяка, но под занавес на предолимпийских соревнованиях в Риме 5 000 метров с хорошим временем выиграл К. Зимны.

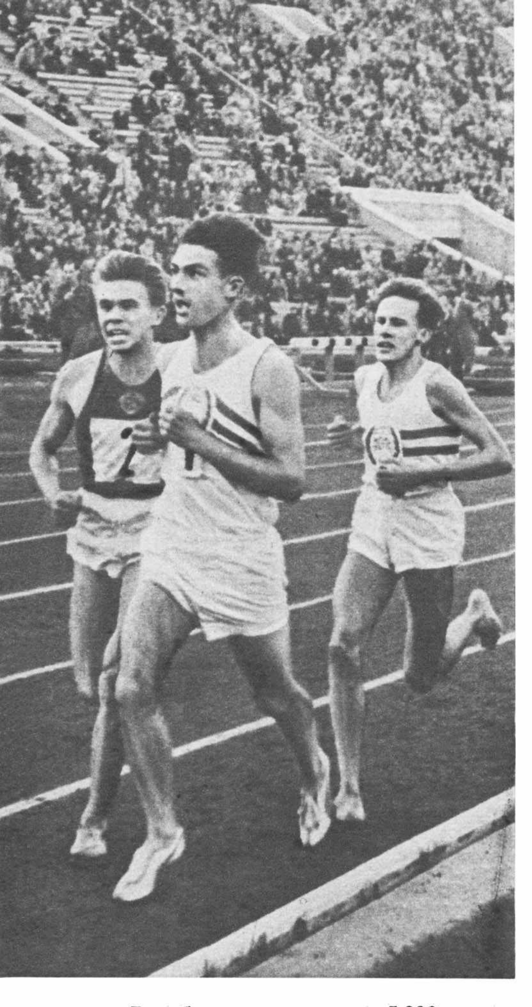
Когда же в октябре европейские стайеры подвели итоги своему сезону, оказалось, что лучший результат на 5 000 метров показал Ф. Янке — 13 минут 42,4 секунды.

А в то время, когда стайеры Европы завершали сезон, австралийские спортсмены только выходили на старт. В декабре А. Томас — мировой рекордсмен в беге на 2 и 3 мили — пробежал 5 000 метров за 14 минут 25,4 секунды, а уже через месяц мы узнали, что этот сильнейший австралийский бегун с успехом выступил на дистанции 1 миля и прошел ее за 3 минуты 58,8 секунды, что является результатом экстра-класса.

Надо сказать, что прошлый се-

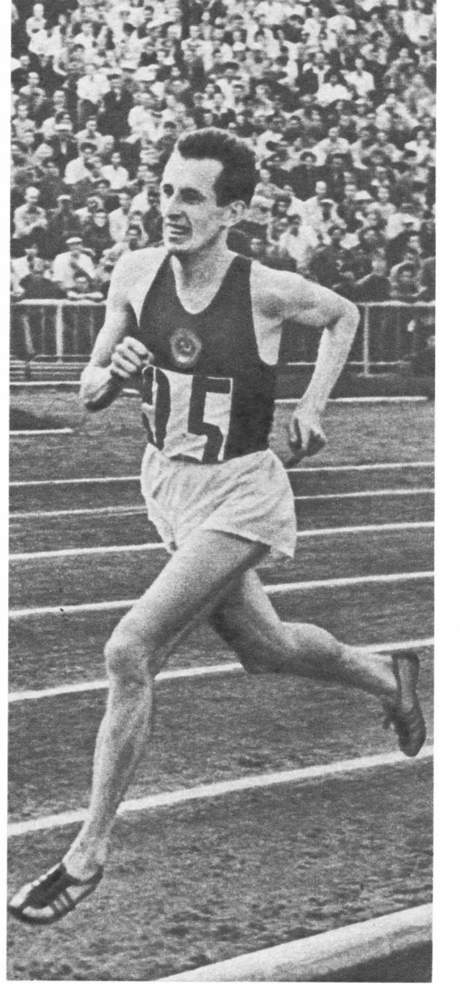
Москва. 1959 год. На трибуне почета П. Болотников. В. Куц вручает ему приз имени братьев Знаменских.
Фото Б. Светланова.

Борьба на дистанции 5 000 метров (слева направо): А. Артынюк, С. Элдон и Б. Талло.

Финиш Х. Пярнакиви.

На дорожке Л. Виркус.
Фото Б. Светланова.

зон был неудачным для другого известного австралийского бегуна, Х. Эллиота: он потерпел поражение в беге на полмили и не достиг больших высот при других своих выступлениях. Но вскоре его тренер П. Черутти опроверг промелькнувшие в прессе заявления о том, что его ученик «заржавел». Черутти объяснил скромные успехи Эллиота тем, что он решил отдохнуть перед Римом. Но самая сенсационная новость, связанная с Эллиотом, дошла до нас лишь совсем недавно, в апреле. Эллиот испытал свои силы на дистанции 5 000 метров. Он финишировал в отличное время для «новичка» — 14 минут 9,9 секунды.

— Может быть, именно этот результат и дал повод Эмилю Затопеку считать Херберта Эллиота первым кандидатом на золотую олимпийскую медаль на стайерских дистанциях? — спросили мы Владимира Куца.

Но Куц остался верен своему неизменному правилу: делать выводы на основании неоспоримых фактов. Какие же выводы можно сделать на основании этих фактов?

— Прежде всего надо отметить,— сказал Куц,— что, взяв разгон в двух прошлых сезонах, на авансцену смело выходит теперь новое поколение бегунов.

Конечно, подавляющее большинство молодежи прежде всего может претендовать на победу в беге на 5 000 метров. Вторая стайерская дистанция — это удел более зрелых спортсменов. И все же Куц, переходя к возможностям в беге на 10 000 метров, прежде всего называет молодого немецкого спортсмена Гродотцки. Он считает его наиболее вероятным лидером нынешнего сезона.

— Но шансы ведущей группы сейчас столь равноценны, что нетрудно и ошибиться,— говорит Куц.— Так, например, недавно мне в Ленинград позвонили из Варшавы. Польский журналист сообщил, что известный тренер Мулак заявил о больших возможностях его питомца К. Зимны. По его мнению, Зимны может этим летом побить мой мировой рекорд в беге на десять тысяч метров. И вот журналист спросил: как я считаю, имеет ли шансы Зимны на успех. Я ответил, что не знаю возможностей польского стайера, но что пробежать десять тысяч метров за 28 минут 20 секунд абсолютно возможно. Так что, как видите, Гродотцки будет иметь, судя по всему, сильного соперника в лице Зимны и притом, конечно, не его одного. А ведь, кроме молодежи, надо еще учитывать и тех, кто уже не первый год с блеском выступает на беговой дорожке.

— Я думаю, будет логично,— говорит Куц,—если первым в этой испытанной группе я назову моего самого грозного соперника — неувядаемого Гордона Пири. Судя по всему, Пири упорно готовится к тому, чтобы в третий раз выйти на олимпийский старт. Этот замечательный спортсмен — фанатик тренировки, и поэтому он умудряется сохранять скорость, а его выносливость по-прежнему самой высокой пробы. Нельзя сбрасывать со счетов и другого моего соперника, Шандора Ихароша; результаты, показанные им прошлым летом, говорят сами за себя. А разве можно предвидеть возможности польского стайера З. Кшишковяка и его товарищей? Судя по всему, готовятся к «боям» и австралийские бегуны.

— Какие же шансы на успех у советских спортсменов? — спрашиваем мы Владимира Куца.

— К сожалению, перечень имен не очень у нас пока еще велик,— говорит Куц.— Что это так, можно убедиться по итогам хотя бы прошлого сезона. По-прежнему П. Болотников и А. Артынюк — наша главная надежда. Летом 1959 года Артынюк, который до этого не раз пасовал перед авторитетом своего старшего товарища — Болотникова, стал выступать смелее и смог добиться в Филадельфии над ним победы. Ему надо и впредь действовать смелее и решительнее.

П. Болотников находится в расцвете своих сил и вполне может рассчитывать на успех в беге на 10 000 метров. Отличные волевые качества продемонстрировал в Филадельфии эстонский бегун Х. Пярнакиви, но ему не хватает столь необходимых для стайера запасов физических сил, и после очередного выступления Пярнакиви нуждается в длительном отдыхе. Можно предполагать, что право выступать в Риме завоюют также такие отличные стайеры, как Л. Виркус, А. Десятчиков и Ю. Захаров.

Одно несомненно: после временного затишья двух последних лет в нынешнем олимпийском сезоне можно ждать громогласных событий,— говорит Куц.— И я вполне согласен с моим старым другом Эмилем Затопеком в том, что именно сейчас граница мировых рекордов может быть прочерчена заново. Ну что ж, если это произойдет и мои рекорды будут перечеркнуты, я от души поздравлю победителей. А сейчас мне остается лишь пожелать удачи, счастливых стартов и победных финишей моим старым друзьям — соперникам и новым бегунам.

До скорой встречи на олимпийском стадионе в Риме, дорогие друзья! — говорит на прощание Владимир Куц и добавляет: — Хоть теперь мне и придется присутствовать там всего лишь в роли зрителя, но мысленно я все равно буду на беговой дорожке!

От Анокиной до Озолиной

Город на Неве издавна славится своими копьеметательницами. Еще в сентябре 1945 года на первом послевоенном чемпионате страны по легкой атлетике ленинградская спортсменка Людмила Анокина, воспитанница молодого тренера Левана Григорьевича Сулиева, побила официальный мировой рекорд немки А. Штейнхоер. Копье пролетело 48 метров 39 сантиметров. Но этот результат не был утвержден в качестве рекорда мира по формальным причинам: легкоатлеты Советского Союза не состояли еще в международной федерации.

Спустя четыре года в списках рекордсменок мира появилась фамилия советской легкоатлетки. Это была Наталья Смирницкая. Она метнула копье на 49 метров 59 сантиметров, а затем улучшила результат еще на 3 метра 82 сантиметра.

Дальнейшие шаги рекорда мира связаны с именем киевлянки Надежды Коняевой. Ей удалось трижды улучшить высшее достижение мира. В июне 1958 года мировым рекордом завладела чешка Дана Затопкова. Но ненадолго. Рекорд перекочевал в далекую Австралию — к Анне Пазера-Войташек. Однако уже осенью литовская копьеметательница Бирута Каледене-Залагайтите вернула рекорд Советскому Союзу, показав замечательный результат — 57 метров 49 сантиметров.

Недавно на легкоатлетических соревнованиях на юге, в Леселидзе, недалеко от Сочи, за первенство в метании копья боролись четыре спортсменки. В ходе этой борьбы Бируте Каледене пришлось уступить свой почетный титул рекордсменки мира Эльвире Озолиной.

Эльвира Озолина — сильнейшая в мире метательница копья, но иногда на отдыхе приятно просто по-мальчишески пометать камни.
Фото В. Монина.

Копье молодой ленинградки пролетело 57 метров 92 сантиметра! Вскоре в Бухаресте на открытом первенстве Румынии Эльвира метнула копье на 59 метров 55 сантиметров.

Дочь бухгалтера одного из ленинградских предприятий, 22-летняя спортсменка учится на III курсе Института физической культуры имени Лесгафта. Воспитал ее уже знакомый нам Л. Г. Сулиев, тренер первой мировой рекордсменки Людмилы Анокиной.

Перед бухарестским выступлением я беседовал с Эльвирой Озолиной. Скромная девушка сказала коротко: «Я мечтаю о старте в Риме, о том, чтобы достойно представить на XVII Олимпийских играх наш советский спорт».

В. Откаленко,
судья всесоюзной категории

Курс лечения

Стефания ГРОДЗЕНЬСКАЯ

Рисунок Э. Рогова.

— В общем, я чувствую себя совсем неплохо,— сказала я доктору,— но существует мнение, что время от времени нужно проверять наш несовершенный механизм и, если можно так выразиться, смазывать его по мере надобности. Лучше будучи здоровым остерегаться, нежели позже лечиться от тяжелой болезни, правда? Так, может быть, вы меня все же выслушаете? Все ли во мне правильно функционирует?

Доктор меня выслушал очень старательно. И все качал головой, что, дескать, как ему ни печально, но, к сожалению, ничего плохого он не находит. Наконец, он стукнул меня железным ломом по колену и очень обрадовался.

— Нервы у вас не совсем здоровы, было бы полезно их немного подлечить. Холодный душ утром и вечером прекрасно вам поможет.

Я начала принимать холодный душ утром и вечером. Через несколько дней я снова появилась у доктора.

— Пришла поблагодарить вас за добрый совет, — сказала я, — с нервами дело пошло на лад. Замечательно мне помогли эти души. Только, между прочим, я схватила насморк.

Доктор обрадовался, что курс лечения дает хорошие результаты.

— А что касается насморка,— добавил он,— то медицине такие симптомы известны, насморк вызван душем.

И прописал мне против насморка антистин. Я поблагодарила его и ушла, но уже назавтра приехала к нему в такси.

— Нет слов благодарности, дивное средство. Насморк исчез без следа. Только у меня ужасная слабость.

— После антистина такие явления не обязательны,— разъясняет мне доктор,— но иногда они встречаются.

И впрыснул мне атропин, после которого слабость как рукой сняло, но появилась дикая хрипота.

— Атропин сушит слизистую оболочку горла, — объяснил доктор,— отсюда и хрипота. Часто встречающееся явление.

И прописал мне против хрипоты сироп.

Через несколько дней я опять пришла.

— Чудотворный сироп! Даже не верится! В течение двух дней я избавилась от хрипоты. Но только, раз уж я здесь, может быть, доктор посмотрит, что у меня сделалось?

Он посмотрел и обрадовался:

— Сыпь! Все в порядке. Это от сиропа. Известное явление. Устраним это, устраним.

И прописал мне мазь.

На третий день я наведалась к нему.

— Уж и не знаю, как вас благодарить. Я даже не заметила, как исчезла сыпь. Только уже третий день у меня болит голова. Такое стечение обстоятельств...

Доктор даже рассердился:

— Здесь нет никакого стечения обстоятельств! Просто ваш организм не выносит этой мази, и получилось отравление. Частое явление.

И прописал порошки от головной боли.

Через неделю я пришла и пожала ему обе руки.

— Что за чудесная наука, эта медицина! Подумать только, человек проглотит пару порошков — и сразу избавляется от головной боли! Вы благодетель, доктор!

Доктор скромно поклонился и спросил, как я себя теперь чувствую.

— Чувствовала бы я себя превосходно, если бы не сердцебиение, боли в печени, недомогание в желудке и бессонница.

— Пусть это вас не беспокоит,— улыбнулся доктор,— это все от порошков. Все эти явления описаны в медицинских изданиях.— И на все прописал мне соответствующие лекарства.

От сердечных капель у меня появилась слабость, после противопеченочного впрыскивания — сыпь, а после желудочных пилюль я охрипла. От бессонницы он велел мне гулять, а от прогулок у меня сделалась мозоль.

Через несколько дней я снова пришла к нему.

— О, как это некультурно — делать что-либо, не посоветовавшись с врачом! — воскликнула я с раскаянием.— Я купила себе пластырь от мозолей, потому что не хотела забивать доктору голову всякой ерундой, и, представьте себе, мозоль ничуть не сошла. Только на собственном опыте научается человек ценить специалистов. По этой причине я ужасно разнервничалась.

— Так принимайте холодный душ! — посоветовал доктор...

Перевел с польского
Н. ЛАБКОВСКИЙ.

Новости „западного искусства"

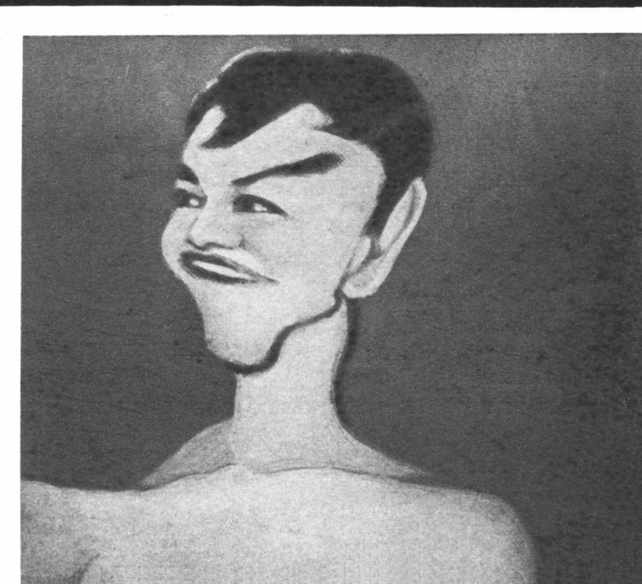
Как поднять престиж «абстрактной живописи»? Этот роковой вопрос все чаще встает перед западными «абстракционистами», заумные творения которых упорно отвергаются всеми нормальными людьми. Впрочем, «мастера» этого направления не впадают в отчаяние. Если нельзя уж изобрести ничего сногсшибательного в области «сюжета» (все виды тряпок, консервных банок, гвоздей и прочего утиля уже использованы для абстракционистских шедевров), то не модернизировать ли коренным образом технику живописи? Не пора ли отбросить как явно устарелые кисть и резец, служившие художникам в течение тысячелетий?

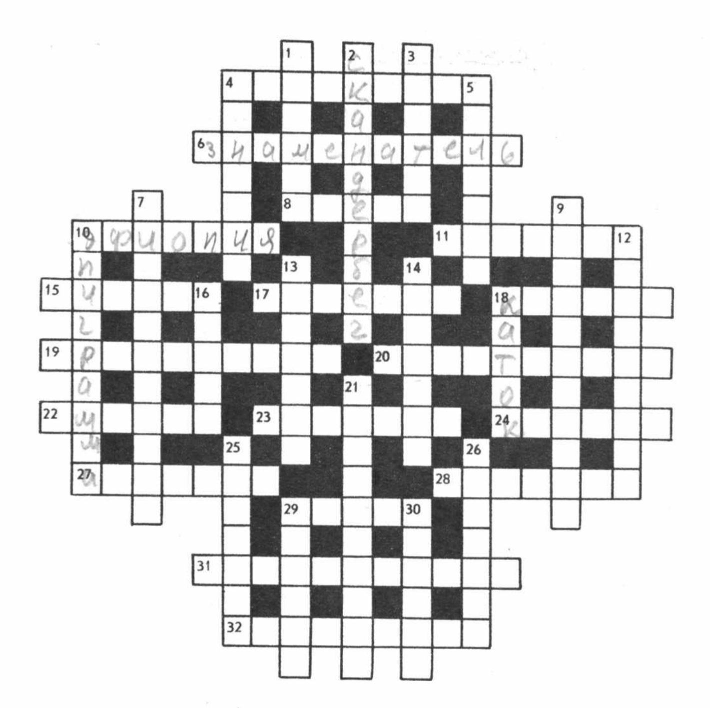
Парижский художник Ив Клейн решил, например, что натурщики играют слишком пассивную роль в его творчестве. Нельзя ли попробовать писать не натуру а... «натурой»? Намазать краску на тело натурщицы, проволочить ее по брошенному на пол полотну — и «произведение» готово! На снимке читатель может увидеть «творческую» лабораторию Ива Клейна и полученный результат. Не желая зарывать свой талант в землю, художник намерен показать на выставке около сорока полученных таким образом «картин».

Другим путем, более простым, но зато исключающим даже расход на натурщицу, пошел двадцатисемилетний Уильям Моррис из Лос-Анжелоса. Это молодое дарование полагает, что напрасно художники, давая в процессе творчества волю рукам, совсем забыли о существовании... ног. И Моррис принялся писать ногами. Новое направление в живописи он торжественно наименовал «действенным экспрессионизмом».

Не хотят, видимо, отставать от коллег-живописцев и представители художественной фотографии. Учитывая вышеописанные новшества в технике изобразительного искусства, лондонский фотограф Виджи решил создать серию художественных фотопортретов, сконструировав новую линзу для фотообъектива. О том, как это влияет на качество произведения, можно судить по приводимому фотокадру. Это... «портрет» известной английской киноактрисы Одри Хэпберн.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 6. Часть арифметической дроби. 8. Автор поэмы «Маяковский начинается». 10. Государство в Африке. 11. Древнерусское защитное вооружение. 15. Рыба, встречающаяся в глубинах Тихого и Атлантического океанов. 17. Плодовое дерево. 18. Музыкальный интервал. 19. Самый большой остров. 20. Воспитатель Александра Македонского. 22. Водоскат в Финляндии. 23. Фотографическое изображение. 24. Травянистое растение, медонос. 27. Гористая область в Греции. 28. Морское млекопитающее. 29. Малая гагарка. 31. Круг полномочий. 32. Жанр изобразительного искусства.

По вертикали:

1. Свинцовая печать. 2. Национальный герой Албании. 3. Подставка для приборов. 4. Химический элемент, металл. 5. Шлюпка. 7. Новая наука. 9. Порт на Черном море. 10. Короткое сатирическое стихотворение. 12. Разум. 13. Порода овец. 14. Роман Ф. Гладкова. 16. Дневная ящерица. 18. Ледяная площадка. 21. Произведения письменности. 25. Жидкий нефтепродукт. 26. Музыкант. 29. Садово-огородный инвентарь. 30. Административно-территориальная единица некоторых европейских государств.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

5. «Саламбо». 8. Симонов. 9. Норка. 10. Делиб. 12. Торий. 13. Авансцена. 14. Нотация. 16. Держава. 18. Шалый. 19. Шкала. 22. Томский. 23. Корсика. 26. Индигирка. 27. «Леший». 29. Накал. 31. Лиман. 32. Повесть. 33. Образец.

По вертикали:

1. Вазелин. 2. Сари. 3. Того. 4. Сопилка. 6. Онтарио. 7. Кросс. 8. Саженец. 11. Баратынский. 12. Таджикистан. 15. Орало. 17. Волок. 20. Миндаль. 21. Сопрано. 22. Телефон. 24. Арбалет. 25. Агами. 28. Иней. 30. Агат.

На первой странице обложки: В пустыне Каракумы. Испытание «солнечной кухни» (см. в номере «Повесть о живой воде»).

Фото Вл. Крупина и Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Шофер колхоза «Победа» Владимир Тарасов не готовится побить мировой рекорд. И может быть, напрасно... Мать Владимира Таисия Трофимовна считает его, например, самым сильным парнем в Чувашии!..

Фото М. Савина.

Размером с площадь

Про выдающегося японского художника мастера гравюры на дереве Хокусаи Кацусика рассказывают много занятных историй. В 1804 году Хокусаи перед большой толпой в несколько минут нарисовал на земле образ божества величиною в двести квадратных метров. Он схватил ведро с индийской тушью и метлу и начал быстро бегать из конца в конец по большой площади, оставляя черный след метлы. Уже рисунок был окончен, а толпа еще не понимала, что он означает, пока кто-то не взобрался на крышу храма и оттуда не увидел ясно изображение божества. Во рту его могла поместиться лошадь, а в каждом глазу — человек.

В другой раз в течение нескольких минут Хокусаи нарисовал на кукурузном зерне двух воробьев, таких маленьких, что их можно было рассмотреть только в лупу...

За свою жизнь Хокусаи сделал до 30 тысяч рисунков и проиллюстрировал около 500 книг. В предисловии к одному из наиболее прославившихся своих произведений, серии гравюр «100 видов Фудзи», Хокусаи писал: «С десяти лет мной овладела мания заимствовать формы предметов. К возрасту пятидесяти лет я опубликовал бесчисленное количество рисунков, но все, что я сделал до семидесяти лет, не стоит считать. Только в возрасте семидесяти трех лет я понял приблизительно строение истинной природы, животных, трав, деревьев, птиц, рыб и насекомых. Следовательно, к восьмидесяти годам я достигну еще больших успехов, в девяносто лет я проникну в тайны вещей, к ста годам я сделаюсь прямо чудом, а когда мне будет сто десять лет, то у меня каждая точка, каждая линия — все будет живым. Я прошу тех, кто проживет столько же, как я, посмотреть, сдержу ли я свое слово. Написано в возрасте семидесяти пяти лет мною, некогда Хокусаи, теперь Гакую Роджин, стариком, одержимым рисунком».

По японскому обычаю Хокусаи постоянно менял свои имена и псевдонимы в зависимости от важных перемен в жизни и работе. Известно около двадцати имен, которыми Хокусаи подписывал свои произведения.

Умер художник в 1849 году в возрасте 89 лет.

В этом году исполняется двести лет со дня рождения Хокусаи.

Я. ПЕШКОВСКИЙ

Зимой в Арктике птиц нет. Исключение составляют немногочисленные вороны, да иногда остается зимовать полярная сова, если есть много мышей. После долгой ночи появляются пуночки — первые вестники весны. Пока стоят сорокаградусные морозы и лежит снег, они обитают вокруг складов и жилищ. Вслед за ними в мае прилетают чистики, поморники, кайры, чайки и другие птицы.

Выглянула нерпа — значит, пришла весна и на море. Нерпа любопытна, но осторожна, и «охота» на нее с фотоаппаратом требует сноровки и хитрости.

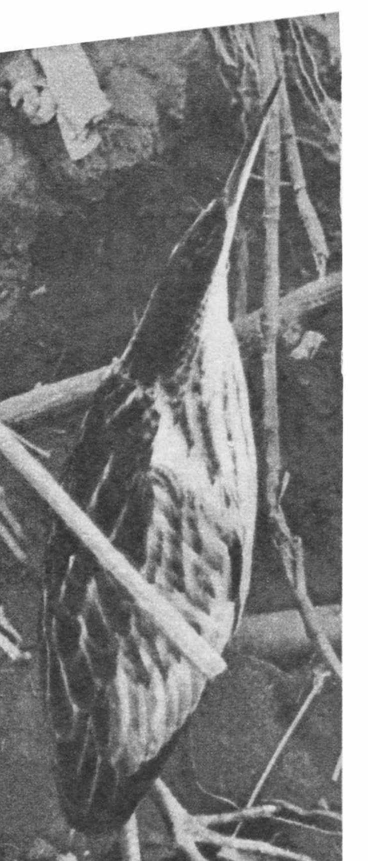
Набегавшись и наигравшись, шалуны уснули. Как видите, медвежата не целиком белые: нос, ресницы и глаза у них черные. Вот почему взрослый белый медведь на охоте закрывает нос лапой — маскируется.

А. БОНДАРЕНКО

Фото В. ОРЛОВА.

Мыс Челюскин.

Ниже города Нукуса, центра Кара - Калпакской АССР, Аму-Дарья разбивается на ряд рукавов, по которым речные воды попадают в Аральское море. В лесах-тугаях, растущих по берегам дельты реки, и в густом тростнике находят приют многие птицы и звери. В большие колонии собираются цапли, бакланы, пеликаны, колпицы, каравайки, чайки. В зарослях хоронятся утки и кормятся табунки диких свиней.

Пески пустынь по обе стороны от Аму-Дарьи в летнюю жару кажутся безжизненными. Однако рано утром по многочисленным следам на влажном от росы песке можно узнать, что здесь была бурная жизнь.

Некоторых из обитателей песков, тугаев и тростниковых зарослей мне удалось «поймать» на пленку.

Н. РАШКЕВИЧ,
доцент Кара-Калпакского пединститута

Малая выпь.

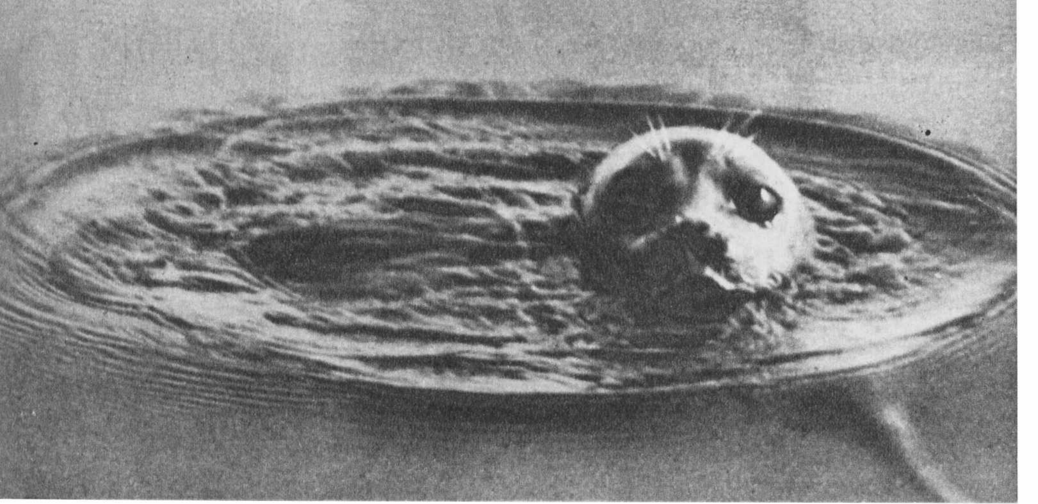
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

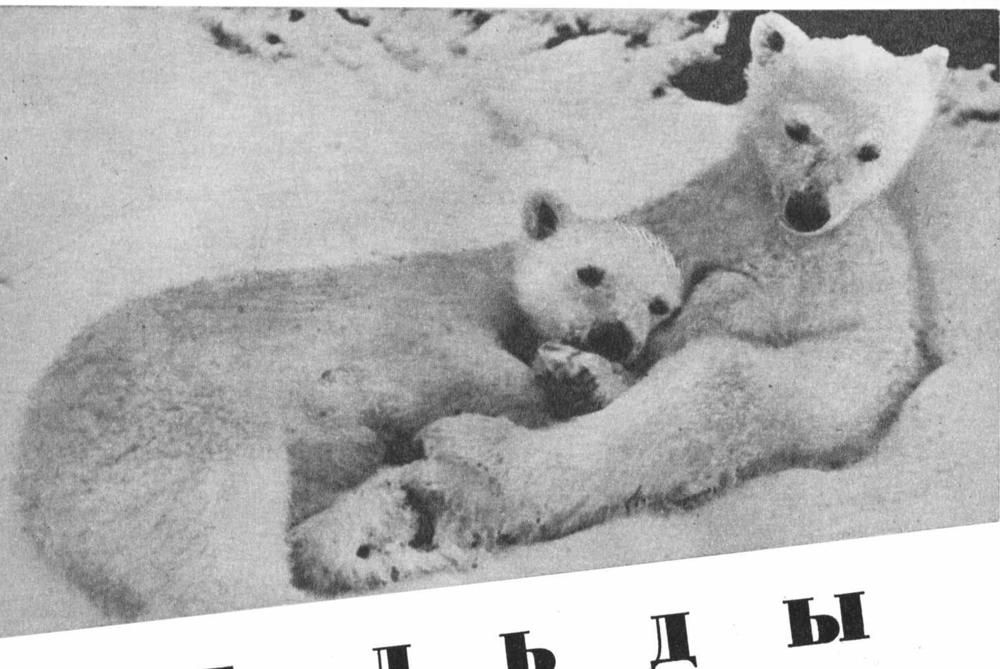
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

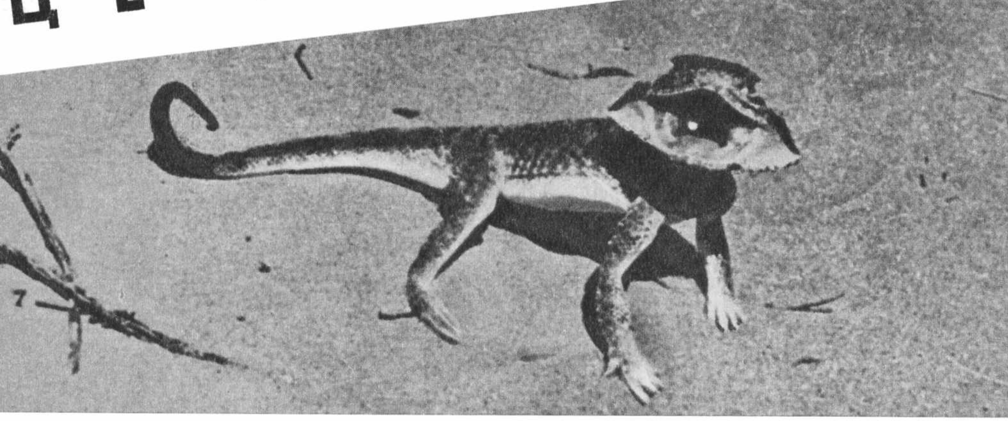
А 06373. Подписано к печати 16/VI 1960 г. Формат бумаги 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 938. Заказ 1514.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

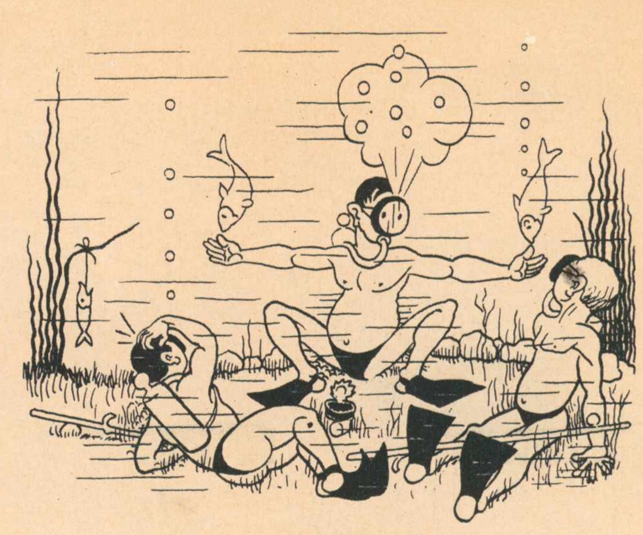
Ушастая круглоголовка в угрожающей позе.

Пустынная совка.

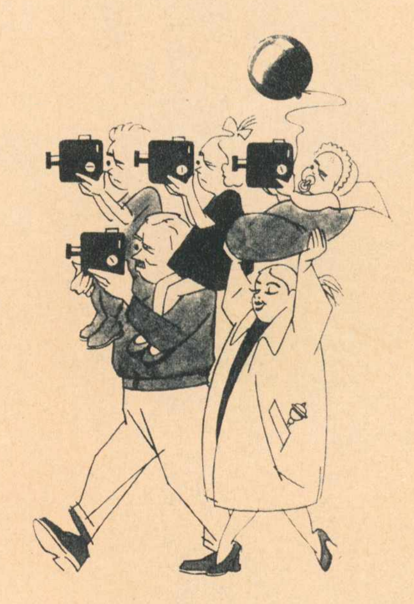
Новорожденный заяц-толай.

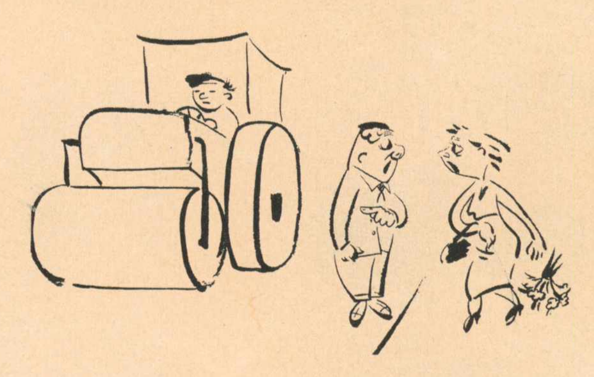

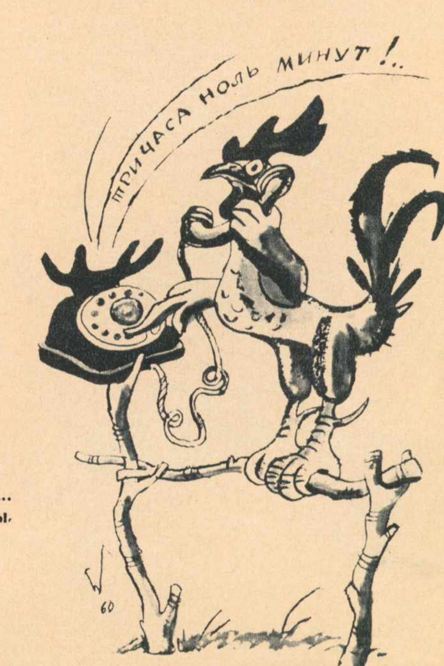
Охотничьи рассказы.
Рисунок А. Зубова.

Единство взглядов.
Рисунок Э. Змойро.

— Такси нигде нет, и я договорился с ним...
Рисунок В. Воеводина.

Пунктуальность...
Рисунок Вл. Гальбы.

Цена номера 3 руб.
ул. ЧАПАЕВА
24